Эр1
391

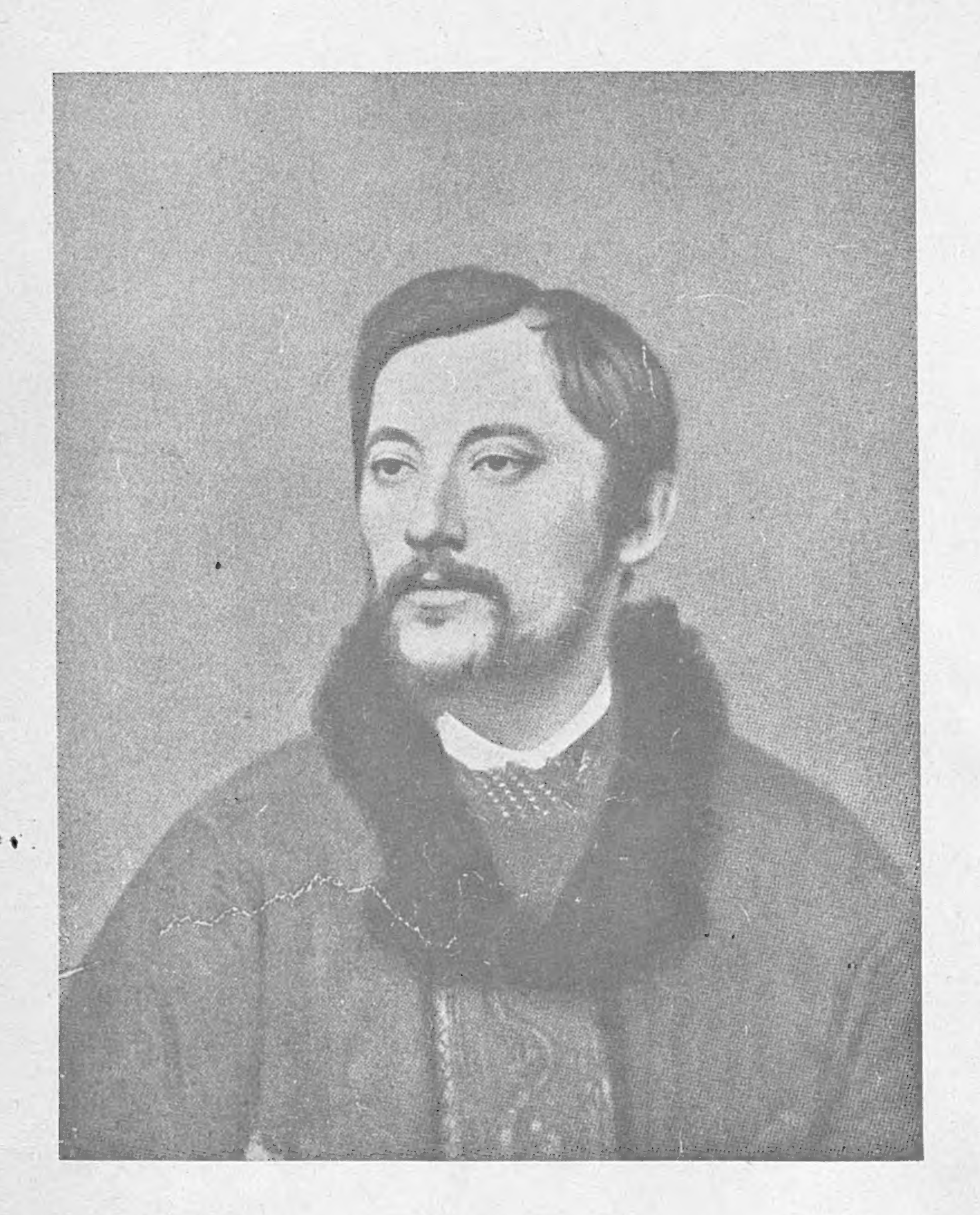
НИКОЛАЙ БЕРДЯЕВЪ

КОНСТАНТИНЪ ЛЕОНТЬЕВЪ

Очеркъ изъ исторіи русской религіозной мысли

YMCA PRESS PARIS

B G



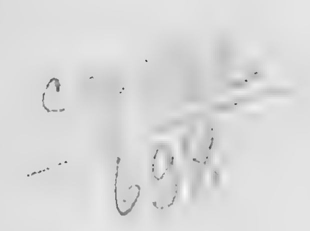
К. Н. ЛЕОНТЬЕВЪ

1863 г.

НИКОЛАЙ БЕРДЯЕВЪ.

КОНСТАНТИНЪ ЛЕОНТЬЕВЪ

ОЧЕРКЪ
ИЗЪ ИСТОРІИ РУССКОЙ РЕЛИГІОЗНОЙ МЫСЛИ.



Y.M.C.A. - PRESS
PARIS, 1926.

Printed in France.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА I.

Происхожденіе. Молодость въ Москвѣ. Натурализмъ и эстетизмъ. Любовь. Начало литературной дѣятельности. Служба въ Крыму. Исканіе счастья въ красотѣ.

I.

Константинъ Николаевичъ Леонтьевъ — неповторимо индивидуальное явленіе. Нуженъ особый вкусъ, чтобы полюбить и оцѣнить его. Хорошо говоритъ о немъ В. В. Розановъ: «Онъ какъ не имѣлъ предшественниковъ (*всѣ* славянофилы не суть его предшественники), такъ и не имѣлъ школы. Я впрочемъ наблюдалъ, что вполнѣ изолированный Леонтьевъ, имѣетъ сейчасъ и, вѣроятно, всегда имѣлъ и будетъ имѣть 2-3, много 20-30, въ странѣ, въ цивилизаціи, въ культурѣ, настоящихъ поклонниковъ, хранящихъ «культъ Леонтьева», понимающихъ до послѣдней строчки его творенія и предпочитающихъ его «литературный портретъ» всѣмъ остальнымъ въ родной и въ неродныхъ литературахъ». Трудно отыскать К. Леонтьева на большой дорогѣ, на основной магистрали русской общественной мысли. Онъ не принадлежитъ ни къ какой школѣ и не основалъ никакой школы, онъ не ха-

рактеренъ ни для какой эпохи и ни для какого теченія. Онъ ни за кѣмъ не слѣдовалъ и никто за нимъ не слѣдовалъ. Онъ много писалъ на политическія злобы дня, страстно относился къ самымъ жизненнымъ историческимъ задачамъ своего времени, но не имѣлъ вліянія, несмотря на признанный огромный даръ свой, и остался одинокимъ, непонятымъ, никому не пригодившимся, интимнымъ мыслителемъ и художникомъ. Въ почти злободневныя, политическія статьи свои К. Леонтьевъ вложилъ самыя интимныя свои мысли, предчувствія и прозрѣнія. Леонтьевскій подходъ къ вѣчнымъ темамъ черезъ слишкомъ временныя остался чуждымъ и непонятнымъ «правому» лагерю, къ которому онъ былъ формально и оффиціально близокъ, и ненавистенъ и отвратителенъ лагерю «лѣвому». И опять хорошо говоритъ объ этомъ Розановъ: «Западники отталкиваютъ его съ отвращеніемъ, славянофилы страшатся принять его въ свои ряды — положеніе единственное, оригинальное, указывающее уже самою необычайностью своею на крупный, самобытный умъ; на великую силу, мѣсто которой въ литературѣ и исторіи нашей не опредѣлено»... Все творчество К. Леонтьева насыщено волей къ власти и культомъ власти. Но въ жизни оставался онъ самымъ безвластнымъ человѣкомъ. Онъ знаетъ лишь эстетику власти, а не дѣйствительную власть. Онъ былъ одинокъ, непонятъ и не признанъ потому, что онъ былъ первымъ русскимъ эстетомъ. Въ его время эстетизмъ былъ чуждъ въ Россіи всѣмъ направленіямъ.

Когда вникаешь въ образъ К. Леонтьева и въ судьбу его, иногда кажется, что онъ былъ такъ мало понятъ,

такъ мало оцѣненъ, такъ одинокъ у себя на родинѣ, потому что много было въ немъ не русскихъ чертъ, чуждыхъ русскому чувству жизни, русскому характеру, русскому міросозерцанію. Онъ пишетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, что *думаетъ не о страдающемъ человѣчествѣ, а о поэтическомъ человѣчествѣ*. Это равнодушіе къ «страдающему человѣчеству» и это исканіе *«поэтическаго человѣчества»* не могло не показаться чужимъ и даже отталкивающимъ широкимъ слоямъ русской интеллигенціи. К. Леонтьевъ не былъ гуманистомъ или былъ имъ исключительно въ духѣ итальянскаго Возрожденія XVI вѣка. Онъ долженъ былъ казаться русскому обществу чужестранцемъ ужъ изъ-за своего остраго и воинствующаго эстетизма. Эстеты появились у насъ лишь въ началѣ XX вѣка, но и то по подражанію, а не по природѣ, по «направленію», а не по чувству жизни. К. Леонтьевъ былъ также романтикомъ. Романтизмъ — западное явленіе, рожденное на католической и протестанской духовной почвѣ, чуждое православному Востоку. У К. Леонтьева былъ культъ любви къ женщинѣ, котораго почти не знаютъ русскіе. У него была латинская ясность и четкость мысли, не было никакой расплывчатости и безгранности. Въ мышленіи своемъ онъ былъ физіологъ и патологъ. И это черта чуждая русскимъ и не любимая ими. К. Леонтьевъ былъ аристократъ по природѣ, по складу характера, по чувству жизни и по убѣжденію. И это не русская въ немъ черта. Русскіе — демократичны, они не любятъ аристократизма. Славянофилы были очень типичными русскими барами-помѣщиками, но въ барствѣ ихъ не было ничего аристократическаго. Аристократизмъ

есть явленіе западное. Почти всѣ русскіе писатели, русскіе мыслители прошли черезъ увлеченіе народнически-демократическими идеями, этими идеями плѣнялись у насъ и слѣва и справа. К. Леонтьевъ былъ совершенно чуждъ народнически-демократическихъ увлеченій, въ его душѣ не было тѣхъ струнъ, которыя пробуждаютъ народолюбивыя чувства и склоняютъ къ демократическимъ идеямъ. Въ этомъ отношеніи съ Леонтьевымъ можно сравнить лишь Чаадаева, который также прожилъ всю жизнь одинокимъ чужестранцемъ. Но пародоксально и оригинально въ Леонтьевѣ то, что при такой совокупности свойствъ онъ всегда хотѣлъ держаться *русскаго* направленія и поэтому его по недоразумѣнію зачислили въ славянофильскій лагерь. Онъ, конечно, никогда не былъ славянофиломъ и во многомъ былъ антиподомъ славянофиловъ. Но онъ не былъ и западникомъ, подобно Чаадаеву. Онъ не принадлежитъ никакому направленію и никакой школѣ. Онъ не типиченъ и не характеренъ, какъ типичны и характерны славянофилы, какъ типичны и характерны въ другомъ отношеніи русскіе радикальные западники — онъ самъ по себѣ. Онъ человѣкъ исключительной судьбы. К. Леонтьевъ принадлежитъ къ тѣмъ замѣчательнымъ людямъ, для которыхъ основнымъ двигателемъ является не потребность дѣла, служеніе людямъ или объективнымъ цѣлямъ, а потребность разрѣшить проблему личной судьбы. Онъ занятъ самимъ собой передъ лицомъ вѣчности. Поэтому онъ не находитъ себѣ мѣста, мѣняетъ профессіи, не можетъ ни на чемъ успокоиться. Онъ то врачъ, то консулъ, то литераторъ, то цензоръ, то монахъ. Онъ рѣшаетъ объ-

ективные вопросы въ связи съ субъективнымъ вопросомъ своей судьбы. Стиль его жизни, стиль его писаній совершенно объективный. Онъ изъ тѣхъ, для кого субъективное и объективное отождествляется. Такіе люди особенно интересны. Вотъ какъ характеризуетъ онъ стремленія своей юности: «Мнѣ было тогда 23 года; я жилъ личной жизнью воображенія и сердца, искалъ во всемъ поэзіи, и не только искалъ, но и *находилъ* ее. Я желалъ и приключеній, и труда, и наслажденій, и опасностей, и энергической борьбы, и поэтической лѣни»... Розазановъ имѣлъ основанія сказать о К. Леонтьевѣ: «онъ отличался вкусами, позывами гигантски напряжеными къ ultra-біологическому, къ жизненно-*напряженному*. Его «эстетизмъ» былъ синонимиченъ, или, пожалуй, вытекалъ, или коренился на анти-*смертности*, или, пожалуй, на *безсмертіи красоты*, прекраснаго, прекрасныхъ формъ». Вся жизнь К. Леонтьева распадается на двѣ половины — до религіознаго переворота 1871 г. и послѣ религіознаго переворота. И въ первую и во вторую половину жизни онъ рѣшаетъ проблему личной судьбы. Но въ первую половину жизни онъ рѣшаетъ эту проблему подъ знакомъ исканія счастья въ красотѣ, исканія «ultra-біологическаго», «жизненно-напряженнаго». Во вторую половину жизни онъ рѣшаетъ эту проблему подъ знакомъ исканія спасенія отъ гибели. *Эстетическая упоенность жизнью и религіозный ужасъ гибели — вотъ два мотива всей жизни К. Леонтьева.* Инстинктъ «анти-смерти» и «безсмертія красоты» дѣйствуетъ и въ томъ и въ другомъ жизненномъ періодѣ.

II

Національные, сословные, семейные инстинкты и традиціи преломляются въ неповторимой индивидуальности и такъ создается человѣкъ. Органическая наслѣдственность человѣка, его происхожденіе, преданія, которыми окружено его дѣтство — все это не случайныя оболочки человѣка, не наносное въ немъ, отъ чего онъ можетъ и долженъ совершенно освободиться, все это — глубокія связи, опредѣляющія его судьбу. Не случайно Константинъ Леонтьевъ родился дворяниномъ, какъ не случайно онъ родился русскимъ. Связь его съ предками не была случайной эмпирической связью, она имѣетъ отношеніе къ глубочайшему ядру его жизни. К. Леонтьева нельзя себѣ иначе представить, какъ русскимъ бариномъ, бариномъ не только по физическому, внѣшнему его облику, но и по внутреннему, духовному его облику. Безъ барства Леонтьева, безъ аристократическихъ его инстинктовъ непонятна вся его судьба и необъяснимо все его міросозерцаніе. Онъ духомъ своимъ принадлежитъ своей родинѣ и своему роду. Большіе, творческіе люди перерастаютъ родъ свой, выходятъ изъ быта своего, но они предполагаютъ въ родѣ и въ бытѣ почву ихъ питавшую и воспитавшую. Л. Толстой невозможенъ внѣ вскормившаго и вспоившаго его дворянско-помѣщичьяго быта, внѣ того рода, противъ котораго онъ возсталъ съ небывалымъ радикализмомъ. Дворянинъ можетъ возстать на дворянство, баринъ можетъ дать негодующую и уничтожающую критику барства, но онъ дѣлаетъ это по дворянски и по барски. Л. Толстой также до конца ос-

тался бариномъ въ своемъ отрицанiи барства, какъ К. Леонтьевъ въ своемъ утвержденiи.

Константинъ Николаевичъ Леонтьевъ родился 13 января 1831 г. въ сельцѣ Кудиново, Мещовскаго уѣзда Калужской губернiи. По его словамъ родился онъ, какъ и Вл. Соловьевъ, на 7 мѣсяцѣ. Отецъ его Николай Борисовичъ былъ ничѣмъ не замѣчательный человѣкъ и никакого влiянiя на сына своего не оказалъ. Подобно многимъ другимъ дворянамъ онъ служилъ въ гвардiи, былъ удаленъ изъ полка за буйство и жилъ потомъ помѣщикомъ средней руки. Средства у него были небольшiя. Въ своихъ воспоминанiяхъ К. Н. отзывается объ отцѣ довольно непочтительно: «отецъ мой былъ изъ числа тѣхъ легкомысленныхъ и ни къ чему невнимательныхъ русскихъ людей (и особенно прежнихъ дворянъ), которые и не отвергаютъ ничего, и не держатся ничего строго. Вообще сказать, отецъ былъ и не уменъ, и не серьезенъ». К. Н. отнесся къ смерти отца совершенно равнодушно. Есть основанiя думать, что онъ былъ незаконный сынъ. Всѣ его дѣтскiя впечатлѣнiя и всѣ чувства его были направлены на мать. Мать его Ѳеодосiя Петровна во всѣхъ отношенiяхъ стояла выше отца и трудно понять даже, почему она вышла за него замужъ. Она принадлежала къ старому дворянскому роду Карабановыхъ. Вотъ какъ описываетъ К. Леонтьевъ образъ дѣда своего Петра Матвѣевича Карабанова: «Онъ былъ, можетъ быть, — одинъ изъ самыхъ «выразительныхъ» представителей того рода прежнихъ русскихъ дворянъ, въ которыхъ иногда привлекательно, а иногда

возмутительно, сочеталось нѣчто тонко «Версальское» съ самымъ страннымъ, по своей необузданной свирѣпости, «азіатскимъ». Истинный баринъ съ виду, красивый и надменный до-нельзя, во многихъ случаяхъ великодушный рыцарь, ненавистникъ лжи, лихоимства и двуличности, смѣлый до того, что *въ то время* рѣшился кикинуться съ обнаженной саблей на губернатора, когда тотъ позволилъ себѣ усомниться *въ истинѣ его словъ*... слуга Государю и *отечеству преданный*, энергическій и вѣрный, любитель стихотворства и всего прекраснаго, Петръ Матвѣевичъ былъ въ то же время властолюбивъ до безумія, развращенъ до преступности, подозрителенъ до-нельзя и жестокъ до безсмыслія и звѣрства». Не случайно былъ у К. Леонтьева такой дѣдъ. Нѣкоторыя черты дѣда передались внуку. И въ немъ было сочетаніе «Версальской» тонкости и свирѣпости, хотя и очень смягченной. Образъ матери занимаетъ центральное мѣсто въ первыхъ впечатлѣніяхъ и въ дѣтскихъ воспоминаніяхъ К. Н. Съ ней связаны его первыя эстетическія и религіозныя впечатлѣнія, оставившія слѣдъ на всей его жизни. Первыя религіозныя переживанія, которыя навсегда запомнились К. Н., срослись у него съ эстетическими. И образъ красивой и изящной матери съигралъ тутъ немалую роль. «Помню картину, помню чувство. Помню кабинетъ матери, полосатый, трехцвѣтный диванъ, на которомъ я, проснувшись, лѣнился. Зимнее утро, изъ оконъ виденъ садъ нашъ въ снѣгу. Помню, сестра, обратившись къ углу, читаетъ по книжкѣ псаломъ: «Помилуй мя, Боже!» «окропиши мя исопомъ и очищуся; омоеши мя и паче снѣга

убѣлюся. Жертва Богу духъ сокрушенъ; сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ!» Эти слова я съ того времени запомнилъ, и они мнѣ очень нравились. Почему-то особенно трогали сердце... И когда уже мнѣ было 40 лѣтъ, когда матери не было на свѣтѣ, когда послѣ цѣлаго ряда сильнѣйшихъ душевныхъ бурь, я захотѣлъ сызнова учиться вѣрить и попалъ на Аѳонъ къ русскимъ монахамъ, то отъ этихъ утреннихъ молитвъ въ красномъ кабинетѣ, съ видомъ на засыпанный снѣгомъ садъ и отъ этихъ словъ псалма мнѣ все свѣтился какой-то и дальній, и коротко знакомый, любимый и теплый свѣтъ. Поэзія религіозныхъ впечатлѣній способствуетъ сохраненію въ сердцѣ любви къ религіи. А любовь можетъ снова возжечь въ сердцѣ и угасшую вѣру. Любя вѣру и ея поэзію, захочется опять вѣрить». «Жертва Богу духъ сокрушенъ, сердце сокрушенно и смиренно, Богъ не уничижитъ». Я съ тѣхъ поръ никогда не могу вспомнить о матери и родинѣ, не вспомнивши этихъ словъ псалма; до сихъ поръ не могу ихъ слышать, не вспоминая о матери, о молодой сестрѣ, о миломъ Кудиновѣ нашемъ, о прекрасномъ обширномъ садѣ и о видѣ изъ оконъ этой комнаты. Этотъ видъ не только лѣтомъ, когда передъ окнами цвѣло въ круглыхъ клумбахъ столько розъ, но и зимою былъ исполненъ невыразимой, только близкимъ людямъ вполнѣ понятной поэзіи!» У К. Н. съ дѣтства была эстетическая любовь къ православному богослуженію и это съиграло немалую роль въ его религіозномъ переворотѣ.

Первыя острыя, пронзающія эстетическія воспріятія жизни К. Леонтьевъ испыталъ въ связи съ образомъ

своей матери и образомъ своей родной усадьбы Кудиново. Такъ материнское лоно — родной матери и родной земли, было изначально обвѣяно для него красотой. «Въ нашемъ миломъ Кудиновѣ, въ нашемъ просторномъ и веселомъ домѣ, котораго теперь нѣтъ и слѣдовъ, была комната окнами на западъ, въ тихій, густой и обширный садъ. Вездѣ у насъ было щеголевато и чисто, но эта казалась мнѣ лучше всѣхъ; въ ней было нѣчто таинственное и мало доступное и для прислуги, и для постороннихъ, и даже для всей семьи. Это былъ кабинетъ моей матери... Мать любила уединеніе, тишину, чтеніе и строгій порядокъ въ распредѣленіи времени и занятій. Когда я былъ ребенкомъ, когда еще «мнѣ были новы всѣ впечатлѣнья бытія»... я находилъ этотъ кабинетъ прелестнымъ... У матери моей было сильное воображеніе и очень тонкій вкусъ». «Лѣтомъ были почти всюду цвѣты въ вазахъ, сирень, розы, ландыши, дикій жасминъ; зимою всегда пахло хорошими духами. Былъ у насъ, я помню, особый графинчикъ, граненый и красивый, наполненный духами съ какой-то машинкой, которой устройство я не понималъ тогда, не объясню и теперь... Была какая-то проволока витая и былъ фитилекъ, и что-то зажигалось; проволока накаливалась до красна, и комната наполнялась благоуханіемъ легкимъ и тонкимъ, постоянно, ровно и надолго... Воспоминаніе объ этомъ очаровательномъ материнскомъ «Эрмитажѣ» до того связаны въ сердцѣ моемъ и съ самыми первыми религіозными впечатлѣніями дѣтства, и съ раннимъ сознаніемъ красотъ окружающей природы, и съ драгоцѣннымъ образомъ красивой, всегда щеголеватой и благородной ма-

тери, которой я такъ неоплатно былъ обязанъ всѣмъ (уроками патріотизма и монархическаго чувства, примѣрами строгаго порядка, постояннаго труда и утонченнаго вкуса въ ежедневной жизни)». По словамъ самого К. Н. у матери его былъ характеръ не ласковый и не нѣжный, а суровый, сердитый и вспыльчивый. Но отношеніе его къ матери напоминаетъ влюбленность и чувство это осталось у него навсегда. И онъ никогда не хотѣль оскорбить тѣхъ чувствъ и идеаловъ, которымъ мать его была вѣрна до гроба. Это были монархическія чувства и консервативные идеалы и они срослись для К. Леонтьева съ образомъ прекраснаго. Съ образомъ прекраснаго навсегда связалось у него и родное Кудиново, которое подъ конецъ жизни принужденъ онъ былъ продать мужику, запутавшись въ долгахъ. Онъ всю жизнь прожилъ подъ обаяніемъ поэзіи и красоты русскихъ помѣщичьихъ усадебъ. И возненавидѣлъ все то, что убивало эту поэзію и красоту. Либерально-эгалитарный прогрессъ убивалъ все то прекрасное, что связано было для него съ образомъ родной матери и родной усадьбы. Навсегда запечатлѣлся въ его сердцѣ день именинъ его сестры и восторженное воспріятіе красоты цвѣтовъ въ Кудиновѣ. «Съ этой минуты у меня явилось и осталось на всю жизнь ясное, сознательное представленіе о первыхъ красотахъ весны и лѣта; о томъ, что цвѣты въ вазѣ на столѣ это что-то веселое, молодое, благородное какое-то, возвышенное... Все, что только люди думаютъ о цвѣтахъ, я сталъ думать лишь съ этого утра 18 мая. И съ тѣхъ поръ я не могу уже видѣть ни ирисовъ, ни сирени, ни нарциссовъ, даже на картинѣ, чтобы не вспомнить именно объ

этомъ утрѣ, объ этомъ букетѣ, объ этихъ именинахъ сестры.» У К. Леонтьева очень рано кристаллизовалась опредѣленная эстетика жизни, и она стала господствующей въ немъ стихіей. Всѣ жизненныя явленія онъ оцѣнивалъ этой своей неизмѣнной эстетикой и построилъ цѣлую теорію эстетическаго критерія, какъ самаго всеобъемлющаго. Даже Аѳонъ, Оптина Пустынь, монашество не поколебали въ немъ этой эстетики, о которую все для него разбивалось и отъ которой онъ не могъ отречься, такъ какъ она была заключена въ его ноуменальномъ существѣ.

Въ романѣ «Подлипки», который носитъ въ значительной степени, автобіографическій характеръ, К. Леонтьевъ описываетъ поэзію дворянской усадьбы и вкладываетъ въ героя своего Ладнева свои собственныя тончайшія эстетическія переживанія. Ладневъ, какъ и К. Леонтьевъ, дорожитъ *изяществомъ въ чувственности*, его не соблазняетъ неизящное, простое. Но эстетическое упоеніе жизнью и эстетическая ея оцѣнка имѣетъ обратной своей стороной разочарованіе, меланхолію и пессимизмъ, ибо въ жизни преоблацаетъ уродство и красота оскорбляется на каждомъ шагу. Эти разочарованія, меланхолія и пессимизмъ очень рано начались у К. Н. Онъ не обольщалъ себя надеждой, что въ земной жизни можетъ восторжествовать красота. Онъ рано увидалъ, что красота идетъ на убыль, что *то, что люди называютъ «прогрессомъ» несетъ съ собой смерть красотѣ.* Онъ почувствовалъ это раньше, чѣмъ французскіе «декаденты», символисты и католики конца XIX вѣка, но пережилъ это еще съ большимъ трагизмомъ, ибо искалъ

эстетики жизни и не могъ утѣшиться *эстетикой искусства*, какъ утѣшался Гюисмансъ и др. Уже герой «Подлипокъ», жаждавшій любви, сладострастія и упоенія жизнью, восклицаетъ: «О, Боже мой! не лучше ли стать схимникомъ или монахомъ, но монахомъ твердымъ свѣтлымъ, знающимъ, чего хочетъ душа, свободнымъ, прозрачнымъ, какъ свѣжій осенній день?... Эта свѣтлая одинокая жизнь не лучше ли и душнаго брака, гдѣ должны такъ трагически мѣшаться и жалость, и скука, и бѣдные проблески послѣдней пропадающей любви, и дѣти, и однообразіе?». Такія мысли очень рано зародились у К. Леонтьева, въ самомъ началѣ его жизненнаго пути. Онъ чувствовалъ непроходимую пропасть между поэзіей романтической любви и бракомъ, семьей. Объ этомъ не разъ писалъ онъ впослѣдствіи. Вотъ какія ноты звучатъ въ концѣ романа: «Подлипки»: «Какъ душно вездѣ. Даже великіе люди... какъ кончали они? Смерть и смертью... Къ чему же привела ихъ жизнь?... Какъ жива передо мною картина, гдѣ Наполеонъ въ круглой широкой шляпѣ и сюртукѣ стоитъ, заложивъ руки за спину... Передъ нимъ какая-то дама и негръ, обремененный ношей... Какъ ему скучно! И еще картина: M-me Bertrand съ высокимъ гребнемъ, ракъ внутри, раскрытый ротъ и смерть. Еще я вижу Гете въ старомодномъ сюртукѣ, старого Гете, женатаго на кухаркѣ... какъ душно въ его комнатѣ! Шиллеръ изнуренъ ночнымъ трудомъ и умираетъ рано; Руссо, мужъ Терезы, которая не понимаетъ, кто ея мужъ... и это еще все великіе люди! Не ужасъ ли это, не ужасъ ли со всѣхъ сторонъ?» К. Леонтьевъ вошелъ въ жизнь романтикомъ, но романтикомъ

суровымъ и безпощаднымъ, не убаюкивающимъ себя «красными умыслами». Онъ былъ предтечей нео-романтическаго движенія конца XIX и начала XX вѣка, первымъ мученикомъ этого движенія духа, самымъ серьзнымъ, не останавливающимся на полпути, все доводившимъ до конца. Свое вступленіе въ жизнь онъ прекрасно характеризуетъ словами героя «Египетскаго голубя»: «Послѣ первыхъ удачъ, сообразныхъ съ моими идеалами, я полюбилъ жизнь со всѣми ея противорѣчіями, непримиримыми на вѣки, и сталъ считать почти священнодѣйствіемъ мое страстное участіе въ этой живописной драмѣ земного бытія, которой глубокій смыслъ мнѣ казался невыразимо таинственнымъ, мистически неразгаданнымъ. Пріучая себя къ борьбѣ, я вмѣстѣ съ тѣмъ учился какъ можно сильнѣе и сознательнѣе наслаждаться тѣмъ, что посылала мнѣ судьба. Немногіе умѣли такъ, какъ я умѣлъ, восхищаться розами, не забывая ни на мигъ ту боль, которую причиняли мнѣ тогда же даже и самые мелкіе шипы!» Страсное участіе въ живописной драмѣ земного бытія, попытки разгадать ея глубокій и таинственный смыслъ, окунувшись въ ея пучину, принесли ему глубокія разочарованія и страданія, привели его къ паническому ужасу гибели и обратили къ таинственному и неразгаданному смыслу бытія.

III

По окончаніи гимназіи въ 1849 г. К. Леонтьевъ поступилъ сначала въ Ярославскій лицей, но въ томъ же году былъ переведенъ въ Московскій университетъ на

медицинскій факультетъ. Медицина не была избрана имъ по призванію, а подъ давленіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ и по желанію матери. Врачемъ онъ былъ недолгій період своей жизни и большая часть его жизни не имѣла никакого отношенія къ медицинѣ. Да и весь складъ личности К. Н. очень не подходилъ для медицинской дѣятельности. Но занятіе медициной не прошло для него безслѣдно. Онъ прошелъ естественно-научную школу, въ ней выработались навыки его мысли и онъ навсегда остался натуралистомъ по складу своего мышленія. Натурализмъ К. Леонтьева былъ однимъ изъ опредѣляющихъ элементовъ его духовной жизни и онъ связался съ его эстетизмомъ, а позднѣе и съ его религіозностью. Онъ остался анатомомъ, физіологомъ и патологомъ человѣческаго общества и пользовался методомъ аналогіи, сравнивая процессъ упростительного смѣшенія въ общественной жизни съ процессомъ болѣзни, напр. съ воспаленіемъ легкихъ. У К. Н. Леонтьева была французская ясность ума, онъ всегда мыслилъ рѣзко и чеканно. Ему совершенно чужда была всякая метафизическая туманность и неясность. Нѣмецкое метафизическое глубокомысліе его не привлекаетъ, онъ нехорошо себя чувствуетъ въ этомъ своеобразномъ царствѣ. К. Леонтьевъ — замѣчательный мыслитель, острый и радикальный, но онъ не философъ по характеру своего образованія, по складу ума и по культурѣ ума. Въ слишкомъ отвлеченныхъ философскихъ вопросахъ онъ всегда чувствуетъ себя безпомощнымъ. Мышленіе его было натуралистическое и художественное, ясное и образное, мысль его не могла двигаться въ абстракціяхъ. Въ умственномъ

типѣ его было что-то романское. И не случайно, что въ началѣ жизни ему пришлось пройти медицинскую школу, столь чуждую его призванію. Во всемъ творчествѣ К. Леонтьева чувствуется, что образованіе его не было гуманитарнымъ. Онъ пережилъ увлеченіе естественными науками. Онъ былъ и остался реалистомъ, и въ своей общественной философіи, и въ своей беллетристикѣ, и въ своей публицистикѣ, и въ самомъ подходѣ своемъ къ религіознымъ вопросамъ. Съ этимъ реализмомъ соединялъ онъ романтику чувствъ; но онъ никогда не былъ идеалистомъ. Это — умственный темпераментъ полярно противоположный Вл. Соловьеву.

Періодъ студенческой жизни въ Москвѣ не былъ радостнымъ и счастливымъ для К. Н. Онъ болѣлъ, нуждался въ деньгахъ, чувствовалъ отчужденіе отъ медицины и отъ товарищей студентовъ. Требованія къ жизни у него были огромныя. Онъ искалъ жизни повышенной, яркой, разнообразной, искалъ жизни, а не смысла жизни. Вѣры у него въ то время не было никакой. И онъ переживаетъ періодъ острой меланхоліи, которая такъ характерна для даровитыхъ юношей, полныхъ бурныхъ стремленій, не находящихъ себѣ удовлетворенія. Самъ онъ хорошо харектеризуетъ свое состояніе: «Мнѣ тогда очень тяжело было жить на свѣтѣ; — я страдалъ тогда отъ всего: отъ нужды и свѣтскаго самолюбія, отъ жизни въ семьѣ, которая мнѣ многимъ не нравилась, отъ занятій въ анатомическомъ театрѣ надъ смрадными трупами разныхъ несчастныхъ и покинутыхъ людей... отъ недуговъ тѣлесныхъ, отъ безвѣрія, отъ боязни, *что отцвѣту, не успѣвши расцвѣсть*, отъ боязни рано уме-

реть, «sans avoir connu la passion, sans avoir été aimé!» Романтическая жажда любви, предчувствіе ея восторговъ и боязнь уйти изъ жизни, не испытавъ этихъ высшихъ подъемовъ жизненнаго напряженія, особенно интересна и значительна въ этихъ словахъ, въ которыхъ К. Н. вспоминаетъ свою юность. Въ одномъ мѣстѣ онъ признается, что мать его довольно женоподобно воспитывала. И въ самомъ складѣ его натуры были черты женственныя. Это можетъ удивить тѣхъ, которые знаютъ К. Леонтьева по его свирѣпой и жестокой публицистикѣ. Но это дѣлается несомнѣннымъ, когда глубже вникаешь въ его личную судьбу. Слишкомъ сложный характеръ, романтическая окраска жизни чувствъ, сильное преобладаніе эстетизма, невозможность найти себѣ устойчивое мѣсто въ жизни, бурныя стремленія и вѣчная неудовлетворенность — всѣ эти свойства предполагаютъ априприсутствіе, на ряду съ рѣзко мужскими чертами, и женственной черты, не однополое, а двуполое, муже-женственное строеніе души. Жажда любви, вѣчное исканіе любовныхъ восторговъ и невозможность найти единую, утоляющую, истинно брачную любовь обыкновенно говоритъ о сложномъ сочетаніи мужскихъ и женскихъ началъ въ характерѣ человѣка. Таковъ былъ К. Леонтьевъ. Онъ придавалъ огромное значеніе красивой внѣшности, изяществу и физической силѣ. Черта натуръ эротическихъ. Съ Боткинымъ онъ обращается грубо, потому что ему не нравится его внѣшность. Подобно многимъ романтическимъ и идеальнымъ юношамъ своего времени, онъ увлекался Жоржъ Зандъ, и она оказала большое вліяніе, если не на развитіе его мыслей, то на развитіе

его чувствъ. К. Н. говоритъ, что въ молодости онъ былъ и романтикомъ и нигилистомъ... Юность свою онъ называетъ «мечтательной, тщеславной и отвратительно-страдальческой». Тогда въ немъ присходила жестокая борьба поэзіи съ нравственностью. Политикой молодой К. Н. не интересовался. «О государственныхъ собственно вопросахъ я и не размышлялъ въ эти годы; я даже вовсе тогда не понималъ ихъ и не искалъ понимать, сводя все на вопросы или личнаго счастья, или личнаго достоинства, или къ поэзіи встрѣчъ, борьбы, приключеній и т. д.» Революціями онъ интересовался исключительно со стороны драматизма, поэзіи борьбы, а не со стороны перестройки общества. К. Леонтьевъ принадлежалъ къ тому типу яркихъ людей, которые «больше думали *о развитіи* собственной личности, чѣмъ о пользѣ людей». Къ этому типу принадлежалъ и великій Гете.

Въ этотъ московскій періодъ К. Н. влюбился въ одну дѣвицу Зинаиду Яковлевну Кононову и пользовался взаимностью. Отношенія ихъ продолжались пять лѣтъ и «принимали разныя формы отъ дружбы до самой пламенной страсти». Отношенія эти были повидимому неясныя, неопредѣлившіяся окончательно и онѣ не давали окончательного удовлетворенія. Эта первая извѣстная намъ любовь К. Н. кончается разрывомъ и инициатива разрыва принадлежитъ ему. З. Я. Кононова выходитъ замужъ по разсчету. К. Н. имѣлъ большой успѣхъ у женщинъ и это продолжалось всю жизнь. Онъ былъ очень красивъ. Тургеневъ говоритъ о К. Н. , что онъ «чрезвычайно joli garçon», и въ глаза ему говоритъ: « при вашей внѣшности, при

вашихъ способностяхъ, если бы вы были болѣе лихимъ,- вы бы съ ума сводили многихъ женщинъ.» Самъ К. Н. признается, что успѣхъ у женщинъ больше его радовалъ, чѣмъ признаніе его таланта. Какъ характерно для этого періода жизни К. Н. мѣсто его воспоминаній, въ которомъ онъ сопоставляетъ свою жизнь съ жизнью Каткова, у котораго жена была «худа, плечи высоки, носъ великъ», квартира была «труженническая» и халатъ «обыкновенный»: «побывавши у него, я возвращался въ свои отдаленныя, просторныя и приличныя три комнаты, смотрѣлся въ зеркало и видѣлъ...и въ немъ и во всемъ другомъ... много, очень много надеждъ... Семьи, слава Богу, около меня давно уже не было. З. меня ждала наверху, въ хорошихъ комнатахъ, сидя на шелку и сама въ шелкахъ. Душистая, хитрая, добрая, страстная, самолюбивая... Tu demande, si je t'aime, говорила она, ah! je t'adore... Mais non! J'aurais voulu inventer un mot... Это не то, что Мадамъ Каткова... Бѣдный, почтенный, но все таки бѣдный Катковъ. Тургеневъ, по крайней мѣрѣ, холостъ, баринъ, очень красивъ, bel homme, у него 2000 душъ... Это другое дѣло.» К.Н. самъ совѣтуетъ З. выйти замужъ за другого. Онъ «приноситъ любовь въ жертву свободѣ и искусству». «Онъ приносилъ въ жертву и молодую страсть, и надежды на тихое семейное счастье, возможное съ такой умной и доброй женщиной, неизвѣстному будущему поэзіи, приключеній и славѣ!» К. Н. боится брака и семейной жизни. Онъ хочетъ остаться свободнымъ, хочетъ сохранить поэзію, которой грозитъ опасность отъ семейнаго счастья, дѣтей и пр. Онъ готовъ пожертвовать счастьемъ и лич-

ной любовью во имя творческой жизни. Его отталкиваетъ реализація мечты. Это — романтическая черта въ характерѣ К. Леонтьева . Онъ порываетъ не только съ любимой женщиной, но и со своимъ другомъ, нѣкіимъ Георгіевскимъ, котораго онъ характеризуетъ, какъ одного изъ самыхъ умныхъ, почти геніальныхъ людей, когда почувствовалъ, что теряетъ свободу, что находится въ слишкой большой отъ него зависимости, что стѣсненъ его навязчивыми оцѣнками. К. Н. хочетъ остаться совершенно свободнымъ и одинокимъ для исканія сильной, разнообразной и красивой жизни. Онъ, какъ и всѣ романтики, надѣялся еще впереди испытать что-то самое могущественное, небывалое и прекрасное и хотѣлъ сбросить всѣ препятствія съ своего пути.

IV

По своей природѣ и по своему дарованію К. Леонтьевъ прежде всего художникъ. Неудовлетворенныя творческія стремленія, сопровождающіяся томленіемъ и меланхоліей, должны были разрядиться въ творчествѣ. Эти стремленія, какъ и у многихъ творческихъ натуръ, не нашли себѣ осуществленія въ жизни и реализовались въ литературѣ. К. Н. окончательно ощутилъ въ себѣ призваніе художника подъ напоромъ мучительныхъ жизненныхъ переживаній. Первымъ его литературнымъ произведеніемъ была комедія «Женитьба по любви», написанная въ 1851 году. Ему тогда было 21 годъ. По словамъ самого К. Н., первое его произве-

деніе было цѣликомъ основано на тонкомъ анализѣ болѣзненныхъ чувствъ. Свой первый литературный опытъ К. Н. рѣшается отнести къ Тургеневу. Изъ писателей онъ встрѣчалъ Хомякова и Погодина, но они ему не нравились. Тургенева же онъ любилъ, какъ писателя, и находился подъ его вліяніемъ. Въ своихъ воспоминаніяхъ «Мои дѣла съ Тургеневымъ» К. Н. очень интересно описываетъ чувства, съ которыми онъ шелъ къ Тургеневу. Эстетизмъ К. Н. и его аристократизмъ впервые тутъ сказались очень ярко. «Я не зналъ ни наружности, ни состоянія Тургенева и ужасно боялся встрѣтить человѣка *не годнаго въ герои*, некрасиваго, скромнаго, небогатого, однимъ словомъ жалкаго труженика, которыхъ видъ и такъ уже прибавлялъ яду въ мои внутреннія язвы. Терпѣть не могъ я смолоду безцвѣтности, скуки и буржуазнаго плебейства». К. Н. описываетъ наружность Тургенева и первое впечатлѣніе отъ встрѣчи съ нимъ. Эстетическія опасенія разсѣялись. «Руки *какъ слѣдуетъ* красивыя «des mains soignées», большія, мужскія руки».. «Такой баринъ». Тургеневъ оказался «гораздо *героичнѣе* своихъ героевъ». Тургеневъ первый оцѣнилъ художественный даръ К. Леонтьева. Онъ очень покровительствовалъ начинающему писателю и много сдѣлалъ для него. «Ваше произведеніе болѣзненное, но очень хорошее». Такъ оцѣнилъ онъ «Женитьбу по любви». Тургеневъ имѣлъ огромное значеніе въ меланхолической и несчастной юности К. Леонтьева, онъ способствовалъ просвѣтленію его жизни. «*Очень многому* въ этомъ просвѣтленіи моей жизни былъ главной причиной Тургеневъ. Онъ наставилъ и вознесъ меня; именно

вознесъ; меня нужно было тогда вознести, хотя бы только для того, чтобы *поставить на ноги.* До того первые два года московской студенческой жизни были для меня жестоки; до того я былъ безжалостно истерзанъ и непониманіемъ близкихъ людей, и внѣшними обстоятельствами, и первыми неожиданными тѣлесными недугами, и бурнымъ вихремъ впервые серьезно *перерождающейся мысли.»* Тургеневъ старался напечатать въ журналахъ первыя произведенія К. Н., но они были запрещены цензурой, что впослѣдствіи самъ К. Н. одобрялъ. Первыя литературныя выступленія К. Н. имѣли успѣхъ, его хвалили и одобряли. Краевскій поощрялъ его писать побольше. Катковъ очень хорошо относился къ нему. Какъ не соотвѣтствуетъ это начало литературной дѣятельности тому невниманію и непониманію, которое онъ встрѣтилъ, когда въ зрѣломъ возрастѣ писалъ лучшія свои вещи! О Тургеневѣ вспоминаетъ онъ съ теплымъ чувствомъ признательности. Изъ-за Тургенева главнымъ образомъ порвалъ онъ со своимъ другомъ Георгіевскимъ, такъ какъ не могъ вынести его рѣзкихъ отзывовъ. Послѣ «Женитьбы по любви» К. Н. пишетъ романъ «Булавинскій заводъ», но не заканчиваетъ его. Для напечатанія его встрѣтились цензурныя затрудненія. Вспоминая долгое время спустя о замыслѣ этого романа, К. Н. говоритъ: «Цензура была бы совершенно права, если бы не пропустила «Булавинскаго завода» въ томъ видѣ, въ какомъ на досугѣ, отъ времени до времени, я въ теченіе двухъ лѣтъ обдумывалъ его продолженіе. Содержаніе его было въ высшей степени безнравственно, особенно со стороны эротической... Въ то время уже мало-по-малу

подкрадывалась къ уму моему та вредная мысль, что «нѣтъ ничего безусловно нравственнаго, а все нравственно или безнравственно только въ *эстетическомъ* смыслѣ... Что къ кому идетъ»... Эта мысль, что «критерій *всему* долженъ быть не нравственный, а эстетическій», что «даже самъ Неронъ мнѣ дороже и ближе Акакія Акакіевича,или какого-нибудь другого простого и добраго человѣка... эта мысль, говорю я, которая, начиная приблизительно съ 25 года моей жизни и почти до 40 легла въ основу моего міровоззрѣнія въ эти зрѣлые годы мои, уже и въ ту раннюю пору начала проникать въ мои произведенія».. К. Н. окончательно почувствовалъ себя писателемъ, сознáлъ свое призваніе. Это ослабило его меланхолическое настроеніе. Но онъ недоволенъ своей манерой писать, чувствуетъ въ себѣ недостатокъ смѣлости быть до конца самимъ собой, ложный стыдъ. Онъ хотѣлъ бы «одну вещь геніальную написать, пусть она будетъ въ безстыдствѣ искренна, но прекрасна. Ты умрешь, а она останется». Онъ чувствуетъ противоположность между наукой и искусствомъ. Московскій студенческій періодъ его жизни кончается, въ немъ назрѣваетъ кризисъ и кризисъ этотъ разрѣшается внезапнымъ измѣненіемъ внѣшнихъ условій, которому онъ съ радостью пошелъ на встрѣчу.

V

Крымская война потребовала медиковъ на театръ военныхъ дѣйствій. К. Н., не окончивъ пятаго курса, получилъ степень лѣкаря и, изъявивъ желаніе поступить

на военно-медицинскую службу, въ 1854 г. былъ опредѣленъ въ полкъ батальоннымъ лѣкаремъ. Въ Августѣ того же года онъ переѣхалъ въ Керчь младшимъ ординаторомъ госпиталя, а затѣмъ въ Еникале. Вся жизнь и внѣшняя и внутренняя мѣняется, онъ переходитъ въ совершенно иную атмосферу, болѣе близкую къ природѣ, вращается среди простыхъ, некультурныхъ людей, и, можетъ быть, впервые чувствуетъ наслажденіе жизнью. Меланхолія и слабость проходятъ. Въ Крыму онъ возмужалъ и сформировался. «Вспоминая въ то время свое болѣзненное, тоскующее, почти мизантропическое студенчество, я не узнавалъ себя. Я сталъ за это время здоровъ, свѣжъ, бодръ; я сталъ веселѣе, спокойнѣе, тверже, на все смѣлѣе, даже цѣлый рядъ литературныхъ неудачъ за эти семь лѣтъ ничуть не поколебали моей самоувѣренности, моей почти мистической вѣры въ какую-то особую и замѣчательную звѣзду мою». На свою жизнь въ Керчи онъ смотритъ какъ на лѣкарство. Онъ поэтъ, мыслитель и художникъ, притворяется на время «младшимъ ординаторомъ и болѣе ничего». Ему было пріятно, что никто не знаетъ, кто онъ, что самолюбіе его не страдаетъ отъ людей. Онъ полюбилъ тамъ впервые экзотическую жизнь, непохожую на жизнь въ Москвѣ и Калугѣ. «Такъ было сладко на душѣ... Страна вовсе новая, полудикая, живописная; холмы то зеленые, то печальные, на берегу широкаго пролива; красивыя армянскія и греческія дѣвушки. Встрѣчи новыя. Одинокія прогулки по скаламъ, по степи унылой, по набережной при полной лунѣ зимой. Татарскія бѣдныя жилища... Воспоминанія о страсти еще не потухшей, о матери далекой, о родинѣ

русской». Онъ вспоминаетъ съ ужасомъ и стыдомъ, что въ Москвѣ «болѣзненно любилъ, болѣзненно мыслилъ, безпокойно страдалъ, все высокими и тонкими страданiями». «Я глядѣлся въ зеркало, видѣлъ, до чего эта простая, грубая и дѣятельная жизнь даже тѣлесно переродила меня: здѣсь я сталъ свѣжъ, румянъ и даже помолодѣлъ въ лицѣ до того, что мнѣ давали всѣ не больше 20 лѣтъ... И я былъ отъ этого въ восторгѣ и начиналъ почти любить даже и взяточниковъ, сослуживцевъ моихъ, которые ничего «тонкаго» и «возвышеннаго» не знаютъ и знать не хотятъ!» У К. Н. было много любовныхъ исторiй. И одна изъ этихъ крымскихъ любовныхъ исторiй, повидимому не болѣе глубокая, чѣмъ всѣ остальныя, имѣла роковыя послѣдствiя на всю его жизнь, брачно связавъ его съ женщиной, съ которой у него не было ничего общаго. Для всей жизни К. Н. характерно обилiе и разнообразiе романовъ, но романовъ не глубокихъ, не захватывавшихъ его сердца, не клавшихъ печати на его духовную жизнь. Онъ такъ и не встрѣтилъ своей избранницы, своей суженой. Онъ не позналъ истинной любви. У него была страстная, но эротически не утонченная натура. Онъ слишкомъ хорошо позналъ Афродиту простонародную, но такъ и не позналъ Афродиты Небесной. Это имѣло опредѣляющее значенiе для его духовной жизни и этимъ отчасти нужно объяснить исключительно монашески-аскетическiй, суровый и безрадостный типъ его религiозности. Романтизмъ Леонтьевской эротики не былъ глубокимъ, онъ не искалъ, подобно Вл. Соловьеву, Небесной Подруги. Его эротика исключительно земная и языческая. И онъ самъ всегда противопоставлялъ ее

своему христіанству. Въ то время какъ Вл. Соловьевъ связывалъ свою эротику со своимъ христіанствомъ, у К. Леонтьева нельзя найти никакихъ слѣдовъ религіознаго культа вѣчной женственности. Его религіозность не «софійная», если употреблять терминъ, который сталъ популяренъ въ нашемъ поколѣніи. Такое отношеніе К. Н. къ женственному началу и къ эротикѣ опредѣлилось очень рано. И онъ остался такимъ же, когда сдѣлался монахомъ. Для К. Н. характерно, что онъ не могъ избрать себѣ всю жизнь единаго предмета любви, какъ и единаго призванія, какъ и единаго мѣста жительства, какъ и близкаго и родного круга людей. Въ міру онъ былъ странникомъ и успокоился лишь въ Оптиной Пустыни.

Въ письмахъ къ матери изъ Крыма, написанныхъ съ большимъ лиризмомъ и нѣжностью, К. Н. жалуется на недостатокъ матеріальныхъ средствъ. Матеріальная нужда преслѣдовала его всю жизнь. Это было большимъ испытаніемъ для его барски-аристократическихъ инстинктовъ, для его эстетизма, требовавшаго пластической красоты окружающей обстановки, для его неприспособленности къ какой либо хлѣбной профессіи. Эстетизмъ К. Леонтьева былъ по преимуществу живописно-пластическій. А такіе люди очень страдаютъ отъ некрасивой и безвкусной обстановки, имъ нужна воплощенная красота, богатство жизни. «Какъ вспомнишь, пишетъ К. Н. матери изъ Крыма, что уже скоро 25 лѣтъ, а все живешь въ нуждѣ и не можешь даже достичь того, чтобы быть хоть одѣтымъ порядочно, такъ и станетъ немного досадно, вспомнишь, сколько неудачъ на литературномъ поприщѣ пришлось перенести съ видимымъ хладнокрові-

емъ, сколько всякихъ дрязгъ и гадостей въ прошедшемъ, такъ и захочется работать, чтобы поскорѣе достичь хоть 1000 р. с. въ годъ». Тѣ же жалобы слышны въ письмахъ К. Н., написанныхъ уже старикомъ, подъ конецъ жизни. Матеріальная необезпеченность была его рокомъ, какъ и рокомъ многихъ замѣчательныхъ людей. Онъ любилъ богатство и блескъ. Но Провидѣніе, для высшихъ какихъ-то цѣлей, предназначило ему бѣдность въ жизненный удѣлъ. Онъ долженъ былъ зарабатывать себѣ насущный хлѣбъ, въ то время какъ питалъ отвращеніе къ типу труженика. Всякая хлѣбная работа представлялась ему мѣщанствомъ и претила его барскимъ вкусамъ. Онъ любилъ внѣшнюю красоту жизни, но былъ безкорыстнымъ человѣкомъ и не умѣлъ устраиваться въ жизни. Характерная судьба, выпадающая на долю многихъ исключительныхъ людей, прошедшихъ черезъ жизнь непонятыми и одинокими. Въ этомъ есть таинственный для насъ высшій смыслъ.

Спокойная жизнь въ Еникале начала тяготить К. Н. Мирная профессія военнаго врача была не по немъ. Его потянуло на войну. Онъ хотѣлъ приключеній и сильныхъ впечатлѣній. Въ немъ было что-то отъ тѣхъ русскихъ молодыхъ людей, которые въ 20 года прошлаго вѣка стремились на Кавказъ и участіемъ въ Кавказскихъ войнахъ хотѣли утолить свою жажду сильной и разнообразной жизни, заглушить тоску отъ спокойной и однообразной цивилизованной жизни. И это — романтическая черта. Любовь къ войнѣ и идеализація войны остались у К. Н. навсегда. Въ войнѣ онъ видѣлъ противоположность современной буржуазной цивилизаціи. По тѣмъ же вну-

треннимъ мотивамъ К. Н. любилъ и восточныхъ разбойниковъ. Онъ не любилъ литературнаго общества и всегда держался въ сторонѣ отъ него. «Мнѣ и народъ, и знать, les deux extrêmes, всегда больше нравились, чѣмъ тотъ средній, профессорскій и литературный кругъ, въ которомъ я принужденъ былъ вращаться въ Москвѣ. Я хотѣлъ быть на лошади... Гдѣ въ Москвѣ лошадь? Я хотѣлъ лѣса и зимою: гдѣ онъ?.. Мнѣ изъ литераторовъ и ученыхъ *лично* никто не нравился для общества и жизни... Я на всѣхъ почти ученыхъ и литераторовъ смотрѣлъ, какъ на необходимое зло, какъ на какія-то жертвы общественнаго темперамента и любилъ жить далеко отъ нихъ». Въ словахъ этихъ, столь искреннихъ какъ и все, что написано К. Н., звучатъ мотивы, родственные пушкинскому Алеко. Но культурная обстановка русскаго общества въ эпоху К. Леонтьева осложнилась. Военные эстетически привлекали его болѣе, чѣмъ литераторы и профессора. Онъ искалъ эстетики жизни, искалъ счастья въ красотѣ. И не могъ найти ни эстетики жизни, ни счастья въ красотѣ у окружавшаго его культурнаго общества, у русской интеллигенціи. Подобно французскимъ романтикамъ инстинкты его природы толкали его къ экзотикѣ. Война была для него прежде всего эстетическимъ феноменомъ. «Я ужасно боялся, что при моей жизни не будетъ никакой большой и тяжелой войны. И на мое счастье пришлось увидѣть разомъ — и Крымъ и войну». Онъ былъ храбръ, любилъ приключенія. Онъ не любилъ сѣрой, обыденной жизни, обыденнаго труда, обыденныхъ отношеній, обыденныхъ чувствъ. Онъ всю жизнь бѣжалъ отъ обыденной, прозаической жизни, сначала въ восточ-

ную экзотику, потомъ на Аѳонъ и въ Оптину Пустынь. Поэтому онъ не любилъ семейной обстановки, родственниковъ, братьевъ. Только къ матери было у него поэтическое отношеніе. «Я въ то время сталъ находить, что поэтъ, художникъ, мечтатель и т. п. *не долженъ имѣть никакихъ* этихъ братьевъ, сестеръ и т. д... Нужно мнѣ было дойти до 40 лѣтъ и пережить крутой переломъ, возвратившій меня къ *положительной* религіи, чтобы я былъ въ силахъ вспомнить, что привязанность къ роднымъ имѣетъ въ себѣ нѣчто болѣе христіанское, чѣмъ дружба съ чужими по своевольному избранію сердца и ума... Мое воспитаніе, увы! строго-христіанскимъ не было». Но инстинктовъ своихъ К. Н. никогда не удалось побороть. Онъ находитъ, что въ Кудиновѣ, «гдѣ аллеи въ саду такъ длинны и таинственны, гдѣ самый шумъ деревьевъ для меня какъ будто осмысленнѣе и многозначительнѣе, чѣмъ тотъ же шумъ въ другихъ мѣстахъ, должно существовать то, *въ чемъ я находилъ поэзію*». Поэзію онъ находилъ въ матери, въ горбатой теткѣ и нянѣ, въ братьяхъ же не находилъ ее. Обыденность и прозу войны К. Н. тоже не могъ бы принять и полюбить. Его издалека плѣняла лишь поэзія войны, лишь эстетика ея, лишь несходство ея обстановки съ той обыденной обстановкой, въ которой живутъ родственники, литераторы и все современное цивилизованное общество. Онъ лишь слегка прикоснулся къ войнѣ и вынесъ изъ нея повышенныя эстетическія переживанія.

Но скоро его начала тяготить жизнь военнаго врача въ Крыму. Въ немъ зародились творческія литературныя замыслы. Онъ сознавалъ себя писателемъ по призванію.

Шесть мѣсяцевъ провелъ онъ въ отпуску у крымскаго помѣщика Шатилова и началъ писать большой романъ «Подлипки». Въ 1857 г. онъ получилъ увольненіе отъ службы и возвратился въ Москву. По пріѣздѣ въ Москву ему сейчасъ же пришлось хлопотать о мѣстѣ. Онъ, въ концѣ концовъ, остановился на мѣстѣ домашняго врача въ Нижегородской губерніи въ имѣніи баронессы Розенъ. Жизнь въ имѣніи бар. Розенъ протекала спокойно и весело. Онъ прожилъ тамъ два года. Но и тамъ начинается у него томленіе, исканіе иной, болѣе богатой и сложной жизни. Положеніе сельскаго врача дѣлалось для него невыносимымъ. Онъ рѣшаетъ окончательно бросить медицинскую дѣятельность и переѣхать къ себѣ въ Кудиново. Но въ Кудиновѣ онъ остался недолго. Его тянетъ въ Петербургъ, въ центръ умственной жизни. Онъ рѣшаетъ посвятить себя исключительно литературной дѣятельности и жить литературнымъ трудомъ.

VI.

Какъ и всегда это бываетъ, Петербургъ не оправдалъ его надеждъ и принесъ ему много разочарованій. Литература не могла обезпечить его. Приходилось давать уроки и дѣлать переводы съ иностраннаго. Эта черная работа была для него очень тягостна. К. Н. надѣялся въ Петербургѣ проводить свои идеи, имѣть вліяніе. Но идеи его и настроеніе слишкомъ рѣзко отличались отъ господствовавшихъ въ 60 годы, онъ былъ несвоевременен̆ъ, ненуженъ и непонятенъ. Онъ былъ одинокъ въ своемъ

эстетизмѣ. Культура красоты была чужда людямъ 60 годовъ. Ему же были чужды либерально-демократическія идеи и настроенія того времени. Въ 1862 году онъ окончательно порываетъ съ остатками прогрессивныхъ, либерально- эгалитарныхъ идей и дѣлается консерваторомъ. Этотъ эстетическій разрывъ очень ярко и образно описанъ К.Н. Однажды шелъ онъ по Невскому съ нѣкіимъ Піотровскимъ, сотрудникомъ «Современника» и ученикомъ Чернышевскаго и Добролюбова. Они приблизились къ Аничкову мосту. К.Н. спросилъ у своего спутника: «желали бы вы, чтобы во всемъ мірѣ всѣ люди жили все въ одинаковыхъ, чистыхъ и удобныхъ домикахъ? Піотровскій отвѣтилъ: конечно, чего же лучше? Тогда я сказалъ: Ну такъ я не вашъ отнынѣ! Если къ такой ужасной прозѣ должно привести демократическое движеніе, то я утрачиваю послѣднія симпатіи свои къ демократіи. Отнынѣ я ей врагъ! До сихъ поръ мнѣ было неясно, чего прогрессисты и революціонеры хотятъ... Въ это время мы были уже на Аничковомъ мосту или около него. Налѣво стоялъ домъ Бѣлосельскихъ, розоватого цвѣта, съ большими окнами, съ каріатидами; за нимъ по набережной Фонтанки видно было Троицкое подворье, выкрашенное темно-коричневой краской съ золотымъ куполомъ надъ церковью, а, направо, на самой Фонтанкѣ, стояли садки рыбные, съ ихъ желтыми домиками, и видны были рыбаки въ красныхъ рубашкахъ. Я указалъ Піотровскому на эти садки, на домъ Бѣлосельскихъ, и на подворье и сказалъ ему: Вотъ вамъ живая иллюстрація. Подворье во вкусѣ византійскомъ, — это церковь, религія; домъ Бѣлосельскихъ въ видѣ какого-то «рококо» — это знать,

аристократія; желтые садки и красныя рубашки — это живописность простонароднаго быта. Какъ это все прекрасно и осмысленно! И все это надо уничтожить и сравнять для того, чтобы вездѣ были маленькіе, одинаковые домики, или вотъ — такія многоэтажныя казармы, которыхъ такъ много на Невскомъ. — Какъ вы любите картины! — воскликнулъ Піотровскій. — Картины въ жизни, возразилъ я — не просто картины для удовольствія зрителя; онѣ суть выразители какого-то внутренняго, высокаго закона жизни, — такого же нерушимаго, какъ и всѣ другіе законы природы». Очень характерно для К. Леонтьева, что политическія симпатіи его окончательно сформировались не подъ вліяніемъ отвлеченной мысли или переживаній нравственнаго порядка, а подъ вліяніемъ образно-пластическихъ впечатлѣній. Онъ сдѣлался «консерваторомъ», потому что увидѣлъ, что прекрасное на сторонѣ церкви, монархіи, войска, дворянства, неравенства и т. д., а не на сторонѣ современнаго равенства и средней буржуазности. Образъ прекраснаго былъ для него связанъ съ разнообразіемъ. Прекрасно лишь общество, основанное на разнообразіи, на дифференціаціяхъ, на неравенствѣ. Это стало аксіомой его общественной философіи. Это не только критерій красоты, но и критерій жизненности. Кризисъ онъ пережилъ бурно и мучительно. Нужно было отказаться отъ Жоржъ Зандъ и Тургенева, отъ западныхъ учителей, отъ гуманизма. «Были тутъ и личныя, случайныя, сердечныя вліянія, помимо гражданскихъ и умственныхъ. Да, я исправился скоро, хотя борьба *идей* въ умѣ моемъ была до того сильна въ 60 году, что я исхудалъ и почти цѣлыя петербургскія

ночи проводилъ безъ сна, положивши голову и руки на столъ въ изнеможенiи страдальческаго раздумья... Я *идеями* не шутилъ, и не легко мнѣ было сжигать то, чему меня учили поклоняться и наши и западные писатели». И здѣсь, когда К.Н. описываетъ свой политическiй переворотъ, какъ и позже, когда онъ описываетъ свой религiозный переворотъ, онъ намекаетъ на какiя-то *сердечныя влiянiя*. Въ эротической природѣ К.Н. всегда существовало мѣсто его внутренней жизни, связанное съ его отношенiемъ къ женщинамъ, которое онъ никогда не раскрываетъ до конца.

У К. Леонтьева формируется мiросозерцанiе, во многомъ предвосхищающее Нитцше. Это мiросозерцанiе называютъ «эстетическимъ аморализмомъ». Впервые выражено оно въ романѣ «Въ своемъ краю», устами блестящаго Мильнѣева. «Необходимо страданiе и широкое поле борьбы... Я самъ готовъ страдать, и страдалъ, и буду страдать... И не обязанъ жалѣть другихъ разсудкомъ... Идеалъ всемiрнаго равенства, труда и покоя? Избави Боже!» «Намъ есть указанiе въ природѣ, которая обожаетъ разнообразiе, пышность формъ; наша жизнь по ея примѣру должна быть сложна, богата. Главный элементъ разнообразiя есть личность, она выше своихъ произведенiй... Многосторонняя сила личности или односторонняя доблесть ея — вотъ болѣе другихъ ясная цѣль исторiи; будутъ истинные люди, будутъ и произведенiя! Что лучше — кровавая, но пышная духовно эпоха возрожденiя, или какая-нибудь нынѣшняя Данiя, Голландiя, Швейцарiя, смирная, зажиточная, умѣренная? *Прекрасное — вотъ цѣль жизни* (курсивъ мой Н.Б.), и добрая

нравственность и самоотверженіе цѣнны только какъ одно изъ проявленій прекраснаго, какъ свободное творчество добра. Чѣмъ больше развивается человѣкъ, тѣмъ больше онъ вѣритъ въ прекрасное, тѣмъ меньше въ полезное.». «Не въ томъ дѣло, чтобы не было нарушенія закона, чтобы не было страданій, но въ томъ, чтобы страданія были высшаго разбора, чтобы нарушеніе закона происходило не отъ вялости или грязнаго подкупа, а отъ страстныхъ требованій лица! И Креонъ у Софокла правъ, какъ законъ, повелѣвающій убить Антигону, и Антигона, которая, любя брата, похоронила его, — права!». «Нравственность есть только уголокъ прекраснаго... Иначе куда же дѣть Алкивіада, алмазъ, тигра и т. д.» «А какъ же оправдать насиліе?» — спрашиваютъ Мильнѣева. «Оправдайте прекраснымъ, одно оно вѣрная мѣрка на все.» «Что бояться борьбы и зла?... Поэзія та велика, въ которой добро и зло велики. Дайте и злу и добру свободно расширить крылья, дайте имъ просторъ... Отворяйте ворота: вотъ вамъ, создавайте; вольно и смѣло... Растопчутъ кого нибудь въ дверяхъ — туда и дорога! Меня — такъ меня, васъ — такъ васъ... Вотъ что нужно, что было во всѣ великія эпохи... Если для того, чтобы на одномъ концѣ существовала Корделія, необходима леди Макбетъ, давайте ее сюда, но избавьте насъ отъ безсилія, сна, равнодушія, пошлости и лавочной осторожности... Кровь не мѣшаетъ небесному добродушію... Жанна Д'Аркъ проливала кровь, а она развѣ не была добра, какъ ангелъ? И что за односторонняя гуманность, доходящая до слезливости?... Одно столѣтнее, величественное дерево дороже двухъ десятковъ безличныхъ людей и я не срублю его

чтобы купить мужикамъ лѣкарство отъ холеры.» Какъ необычны и странны эти рѣчи въ Россіи 60 годовъ, жившей гуманными, либерально-демократическими идеями и стремленіями! Для русской интеллигенціи это былъ голосъ изъ другого міра и онъ не могъ быть услышанъ. Услышанъ могъ быть этотъ голосъ лишь въ началѣ XX вѣка, когда мы узнали уже и Ницше, и Ибсена, и французскихъ эстетовъ. Кровные инстинкты К.Леонтьева, его пониманіе прекраснаго, его отвращеніе къ утилитаризму отталкивали его отъ прогрессивнаго лагеря. Но онъ не могъ остаться одинокимъ созерцателемъ. Онъ искалъ эстетики жизни, а не эстетики искусства. И онъ связалъ себя съ лагеремъ консервативнымъ, такъ какъ въ великомъ прошломъ была эстетика жизни. Консерватизмъ не требовалъ служенія человѣческой пользѣ и всеобщему благу, онъ оставлялъ свободное мѣсто для красоты и потому уже имѣлъ для К.Н. большую привлекательность. Консервативное направленіе было очень непопулярно въ широкихъ кругахъ русскаго общества и нравственно заподазривалось. К.Н. пришлось быть противъ всѣхъ, плыть противъ теченія. «*Эстетику приличествуетъ* во время неподвижности быть за движеніе, во время распущенности — за строгость; художнику прилично было быть либераломъ при господствѣ рабства, ему слѣдуетъ быть аристократомъ по тенденціи при демагогіи; немножко libre penseur (хоть немножко) при лицемѣрномъ ханжествѣ, набожнымъ — при безбожіи... т.е. не гнуть передъ толпой: «ни помысловъ, ни шеи.» Міросозерцаніе К. Леонтьева сложилось въ атмосферѣ «демагогіи», и онъ сталъ аристократомъ; въ атмосферѣ

«безбожія» — и онъ сталъ набожнымъ. Онъ исполнилъ долгъ эстетика и художника.

У К.Леонтьева было большое художественное дарованіе, которое не развернулось до конца, такъ какъ было пресѣчено пережитымъ имъ религіознымъ кризисомъ. Романы перваго періода его творчества не принадлежатъ къ лучшимъ его произведеніямъ. Въ нихъ есть прекрасныя мѣста, но написаны они неровно. Художественной цѣльности въ нихъ нѣтъ. К.Леонтьевъ былъ импрессіонистомъ, когда объ импрессіонизмѣ еще ничего не говорилось. Для своего времени онъ былъ новымъ и оригинальнымъ художникомъ. Онъ не былъ отравленъ народничествомъ, не проводилъ никакихъ общественныхъ тенденцій. У него была большая свобода и смѣлость. Какъ художникъ, онъ очень эротиченъ, не по русски эротиченъ. И самъ онъ потомъ аскетически осудилъ свой эротизмъ. Онъ великолѣпно передаетъ тѣ томительно-прекрасныя чувства, которыя вызываетъ прошлое. Въ первыхъ произведеніяхъ К. Н. чувствуется что-то Тургеневское. Впослѣдствіи творчество его пріобрѣло большую силу и остроту. Онъ романтикъ и реалистъ съ очень сильнымъ преобладаніемъ красочности. Въ исторіяхъ русской литературы не отводятъ никакого мѣста К.Леонтьеву, и это показатель низкаго уровня нашего культурнаго сознанія и нашихъ эстетическихъ вкусовъ. К.Леонтьевъ, какъ художникъ, стоитъ въ сторонѣ отъ большого пути русской литературы, онъ почти не русскій художникъ. Но онъ будетъ еще оцѣненъ, какъ представитель чистаго искусства. Онъ любилъ красивое и отвращался отъ уродливаго — явленіе рѣдкое въ нашей русской литературѣ.

Въ 1861 г. К.Н. внезапно отправился въ Өеодосію и тамъ, не предупреждая родныхъ, обвѣнчался съ Е л-заветой Павловной Политовой, полуграмотной и краси вой мѣщанкой, дочерью Өеодосійскаго грека — мелкаго торговца. Съ ней у него, повидимому, была связь во время его пребыванія въ Крыму. Онъ былъ въ нее влюбленъ, но влюбленность эта была неглубокой. К.Н. считалъ себя обязаннымъ къ этому браку, и онъ не былъ для него физически непріятенъ. Онъ предпочиталъ простыхъ и наивныхъ дѣвушекъ образованнымъ и свѣтскимъ. Въ бракѣ К.Н. на первый взглядъ есть что-то безсмысленное и жестокое для него по тѣмъ послѣдствіямъ, которыя ему пришлось нести всю жизнь. Но такія событія не бываютъ случайными, въ нихъ есть свой высшій смыслъ. У К.Леонтьева и должна была быть такая жена — красивая гречанка, простая и полуграмотная, добродушная и незначительная, его непонимающая и внутренне съ нимъ не связанная. И не случайно она сошла съ ума, и онъ долженъ былъ жить съ женой, находящейся въ состояніи слабоумія и опустившейся. Характеръ эротизма К.Н. велъ къ такой судьбѣ. Въ сумасшествіи жены онъ видѣлъ расплату за свои грѣхи. На семью онъ склоненъ былъ смотрѣть какъ на «ужасную прозу» и даже «каторгу», если она не скрашивается иконой въ углу, пенатами у очага или стихами Корана. Послѣ женитьбы К.Н. еще острѣе почувствовалъ недостатокъ матеріальныхъ средствъ. Онъ пробовалъ поселиться въ Кудиновѣ, но и тамъ жить нельзя было. Онъ началъ унывать и приходить въ отчаяніе. Въ концѣ концовъ онъ рѣшается взять мѣсто и останавливается на дипломатической службѣ. Черезъ

знакомаго своего брата, вице-директора Азіатскаго Департамента Стремоухова, онъ опредѣляется въ Азіатскій Департаментъ. Послѣ девятимѣсячной службы въ центральномъ учрежденіи, онъ въ 1863 г. получаетъ назначеніе секретаремъ консульства на о. Критѣ и уѣзжаетъ туда вмѣстѣ съ женой. На Востокѣ начинается новый, самый яркій періодъ его жизни. Тамъ онъ находитъ эстетику жизни, которой не могъ нигдѣ до сихъ поръ найти. Но тамъ же переживаетъ онъ и религіозный кризисъ, послѣ котораго жизнь его становится подъ знакъ исканія спасенія.

ГЛАВА II.

Дипломатическая служба на Востокѣ. Экзотика Востока и буржуазность Запада. Повѣсти «Изъ жизни христіанъ въ Турціи.» «Египетскій голубь». Греко-Болгарскій вопросъ. Религіозный переворотъ. Аѳонъ. Возвращеніе въ Россію.

I

Консульская жизнь К. Леонтьева на Ближнемъ Востокѣ была періодомъ высшаго цвѣтенія его жизни въ міру, упоенія жизнью, почти достиженія того счастья въ красотѣ, котораго онъ искалъ и не находилъ въ Россіи. На Востокъ бѣжалъ онъ отъ буржуазной европейской цивилизаціи, которой проникалась все болѣе и болѣе и Россія. Такъ англичане бѣжали въ Италію, французы къ дикимъ народамъ и на Дальній Востокъ. Романтическое томленіе влекло людей, раненыхъ уродливостью окружающей ихъ жизни, въ даль, въ страны съ яркимъ и живописнымъ бытовымъ укладомъ, не похожимъ на бытовой укладъ слишкомъ привычный и опосты-

лѣвшій. Мы иначе воспринимаемъ и переживаемъ свой собственный бытъ и бытъ экзотическихъ странъ и народовъ. Нашъ собственный бытъ для насъ слишкомъ часто бываетъ мучительной прозой и наше отношеніе къ нему связано съ борьбой за существованіе и повседневными интересами. Бытъ другихъ народовъ, особенно народовъ экзотическихъ, воспринимается нами, какъ поэзія, мы не прикованы къ нему никакими нуждами, онъ не изуродованъ для насъ гнетущей обыденностью. Это остро переживали Шатобріанъ и Стендаль, Гогенъ и П.Клодель, прерафаэлиты и В.Патеръ. Романтическое бѣгство отъ обыденности въ экзотику мы встрѣчаемъ и у К.Леонтьева. Онъ проповѣдывалъ самобытное русское направленіе и русскій самобытный идеалъ культуры. Онъ много говорилъ о красотѣ и своеобразіи русскаго быта въ отличіе отъ Западной Европы, изуродованной мѣщанской цивилизаціей. Но это былъ самообманъ, часто встрѣчающійся. Въ Россіи К.Н. почти всегда испытывалъ тоску и томленіе. Ни въ чемъ не видно, чтобы онъ эстетически и съ упоеніемъ переживалъ русскій бытъ. Гораздо сильнѣе онъ воспринималъ его обыденность и уродство и испытывалъ вѣчное недовольство и томленіе по инымъ краямъ. Въ отличіе отъ славянофиловъ К.Леонтьевъ не былъ бытовымъ человѣкомъ. Онъ былъ уже оторванъ отъ родовой почвы. Эстетъ не можетъ быть человѣкомъ быта. Своеобразіе и красоту русскаго быта и русскаго культурнаго типа онъ переживалъ главнымъ образомъ на Востокѣ, въ Турціи, и Греціи и изъ прекраснаго далека строилъ свое ученіе о культурной самобытности Россіи. Такъ Тютчевъ переживалъ свое славянофильство глав-

нымъ образомъ въ Римѣ. Цвѣтущая сложность и разнообразіе жизни К.Леонтьева на Востокѣ было уходомъ изъ русскаго быта, изъ русской обыденности.

К.Н. — человѣкъ сложной культуры. Отвращеніе его къ современной культурѣ, борьба противъ культуры и идеализація стараго быта, первобытной силы — все это такъ характерно для культурнаго человѣка, влюбленнаго въ сложную и прекрасную культуру. Мы съ этимъ явленіемъ хорошо знакомы по французамъ. К.Леонтьевъ былъ уже человѣкомъ того сложнаго сознанія, которое идею и созерцаемый образъ красоты ставитъ выше крови, племени, которое уже оторвано отъ родовой почвы. Потому и была такъ трагична судьба К.Леонтьева, въ то время какъ судьба славянофиловъ не была такъ трагична. Ни Кирѣевскій, ни Хомяковъ, ни Аксаковъ не стали бы искать на Востокѣ сложности и разнообразія, красочности и пластичности. У славянофиловъ не было того надлома, отъ котораго пошли новыя души. Славянофилы стараго типа, типа не вполнѣ исчезнувшаго и въ наше время, не могли бы въ такомъ тонѣ описывать свое упоеніе консульской службой на Востокѣ: «я ужасно люблю ее , эту службу, совсѣмъ не похожую на нашу домашнюю обыкновенную службу. Въ этой дѣятельности было столько именно не европейскаго, не «буржуазнаго», не «прогрессивнаго», не нынѣшняго; въ этой службѣ было столько простора личной волѣ, личному выбору добра и зла... Столько простора самоуправству и вдохновенію!.. Жизнь Турецкой провинціи была такъ пасторальна съ одной стороны, такъ феодальна съ другой!» Это говоритъ герой прелестной повѣсти «Египетскій Голубь».

Но въ героѣ этомъ К.Н. описываетъ свою жизнь и всѣ слова єго принадлежатъ ему самому. Въ «Египетскомъ Голубѣ» отразилось языческое упоеніе жизнью и красотой ея. Въ концѣ повѣсти К.Н. пишетъ, какъ человѣкъ уже окончательно потерявшій вѣру въ земную жизнь, въ возможность земной радости, въ прочность красоты здѣсь на землѣ: «я началъ писать это въ одну веселую минуту, когда я осмѣлился подумать на мгновеніе, что и для меня пѣсня жизни не совсѣмъ еще спѣта. *Тогда*, когда на персиковой вѣтви ворковалъ мой бѣдный голубь, у меня было такое множество желаній, я такъ любилъ въ то время жизнь... Самыя страданія мнѣ иногда невыразимо нравились». «Я вѣрилъ тогда въ *какія-то мои права* на блаженство земное и на *высокія идеальныя радости* жизни!» Быстротечныя минуты радости и счастья онъ пережилъ съ необычайной остротой. «Какъ я счастливъ, о, Боже! Мнѣ такъ ловко и тепло въ моей мѣховой русской шубкѣ, крытой голубымъ сукномъ. Какъ я радъ, что я русскій. Какъ я радъ, что я еще молодъ! Какъ я радъ, что я живу въ Турціи! О, дымокъ ты мой милый и сѣрый, дымокъ домашняго труда! О, какъ кротко и гостепріимно восходишь ты передо мной надъ черепицами многолюднаго тихаго города! Я иду по берегу рѣчки, отъ Махель-Нэпрю, а заря вечерняя все краснѣе и прекраснѣе. Я смотрю впередъ, и вздыхаю, и счастливъ... И какъ не быть мнѣ счастливымъ? По берегу рѣчки, по любимой моей этой прелестной дорогѣ отъ Махель-Нэпрю къ городскимъ воротамъ растутъ кусты черной ежевики... Вотъ здѣсь на восхитительномъ *для меня*, (да, *для меня*, только *для моего* исполненнаго радости сердца), на вос-

хитительномъ изгибѣ берега, на кустѣ три листочка поблекшихъ, всѣ они бѣлые съ одной стороны и такіе темнобархатные, такіе черные съ другой. И на черномъ этомъ бархатѣ я вижу серебрянныя пятна, — звѣздочки зимней красоты... Я счастливъ... Я страдаю... Я влюбленъ безъ ума.. влюбленъ... Но въ кого? Я влюбленъ въ здѣшнюю жизнь; я люблю всѣхъ встрѣчныхъ мнѣ по дорогѣ; я люблю безъ ума этого стараго бѣднаго болгарина съ сѣдыми усами, въ синей чалмѣ, который мнѣ сейчасъ низко поклонился; я влюбленъ въ этого сердитаго, тонкаго и высокаго турка, который идетъ передо мной въ пунцовыхъ шальварахъ... Мнѣ хочется обоихъ ихъ обнять; я ихъ люблю одинаково!» Вотъ въ какой атмосферѣ упоенности жизнью, эстетическихъ экстазовъ протекало время службы К.Н. на Балканахъ. Это не походитъ на то душевное состояніе, которое онъ испытывалъ въ Москвѣ, въ Петербургѣ, въ деревнѣ. Онъ осуществлялъ «долгъ жизненной полноты» . Въ самый развратъ съумѣлъ онъ вложить много поэзіи и красоты. Именно этотъ періодъ жизни К.Н. даетъ основаніе В.В.Розанову открыть въ немъ алкивіадовское начало. «Разсматривая по смерти этого *монаха* его библіотеку, я увидалъ толстый томъ съ надписью: «Alcibiade» — французская монографія о знаменитомъ аѳинянинѣ. Такого воскрешенія аѳинизма, шумныхъ «агора» аѳинянъ, страстной борьбы партій и чуднаго эллинскаго «на ты» къ богамъ и къ людямъ, — этого я никогда еще не видалъ ни у кого, какъ у Леонтьева. Всѣ Филальеры и Петрарки проваливаются какъ поддѣльныя куклы, въ попыткахъ подражать грекамъ, сравнительно съ этимъ Калужскимъ помѣщикомъ, который и не хотѣлъ

никому подражать, но былъ въ точности какъ бы вернувшимся съ азіатскихъ береговъ Алкивіадомъ, котораго не догнали стрѣлы враговъ, когда онъ выбѣжалъ изъ зажженнаго дома возлюбленной.». Розановъ увидалъ въ К.Леонтьевѣ что-то «дикое и царственное», «человѣка пустыни», «коня безъ узды». «Леонтьевъ былъ первый изъ русскихъ и, можетъ быть , европейцевъ, который открылъ «паѳосъ» туретчины, ея воинственности и женолюбія, религіозной наивности и фанатизма, преданности Богу, и своеобразнаго уваженія къ человѣку. «Ахъ ты, турецкій игуменъ», не могъ я не сказать, перечитавъ у него разговоръ одного муллы съ молодымъ туркомъ, полюбившимъ христіанку». Розановъ не понималъ К.Леонтьева въ полнотѣ духовнаго образа и духовнаго пути, не хотѣлъ знать Леонтьева-христіанина. Но Леонтьевъ на Востокѣ въ концѣ 60-ыхъ и началѣ 70 г.г. былъ такимъ, какимъ его описываетъ Розановъ. Онъ былъ влюбленъ въ турокъ и Исламъ. И онъ навсегда получилъ какую-то прививку отъ Ислама, которая сказалась и на его христіанствѣ и искажала его.

II.

Началъ свою службу на Востокѣ К.Н. на островѣ Критѣ, который произвелъ на него чарующее впечатлѣніе. «Полгода въ Критѣ, вспоминаетъ онъ, были какимъ-то очаровательнымъ медовымъ мѣсяцемъ моей службы; тамъ я гулялъ по берегу морскому, мечталъ подъ оливками, знакомился съ поэтическими жителями этой страны, ѣздилъ по горамъ». Криту К.Н. посвятилъ свои

прелестные разсказы «Очерки Крита», «Крозо», «Хамадъ и Макалы». На Критѣ онъ пробылъ не болѣе полугода. Онъ ударилъ хлыстомъ французскаго консула, который позволилъ себѣ оскорбительно отозваться о Россiи. Послѣ этого онъ былъ отозванъ въ Адрiанополь и черезъ 4 мѣсяца назначенъ секретаремъ консульства въ Адрiанополь. Во время отсутствiя консула онъ самъ управлялъ консульствомъ. Адрiанополь не очень ему нравился, ему непрiятно было тамошнее буржуазное общество. Кромѣ того онъ страдалъ отъ недостатка денегъ, запутался въ долгахъ, ему не хватало жалованья при барскихъ его привычкахъ и онъ находилъ, что должность секретаря не соотвѣтствуетъ его возрасту. Въ Адрiанополѣ его приглашали на мѣстныя празднества, и онъ танцевалъ подъ турецкую музыку съ хорошенькими дѣвушками предмѣстiй. Онъ любилъ также устраивать состязанiе борцовъ. Въ 1867 г. К.Н. назначили вице-консуломъ въ Тульчу. Жизнь въ Тульчѣ была для него болѣе обезпеченной и прiятной. «Я желаю одно , пишетъ онъ К.А. Губастову, — свить на вѣкъ мое гнѣздо въ Тульчѣ.... Здѣсь есть и движенiе, и покой, и востокъ, и западъ, и сѣверъ, и югъ.». Русскiй посолъ въ Константинополѣ гр. Игнатьевъ одобрялъ К.Н. Во время жизни въ Тульчѣ начались первые признаки умопомѣшательства жены К.Н., повидимому отъ ревности, на почвѣ измѣнъ мужа. И эта болѣзнь жены была тяжелымъ испытанiемъ всей дальнѣйшей жизни К.Н. Въ 1869 г. онъ назначается консуломъ въ Янину. Тамъ онъ заболѣлъ лихорадкой. Въ 1871 г. К.Н. назначается консуломъ въ Салоники. Вообще онъ дѣлаетъ быструю дипломатическую карьеру.

Въ этотъ восточный, консульскій періодъ жизни языческій культъ любви и сладострастія достигаетъ у К.Леонтьева высшаго своего напряженія. На Востокѣ было у него большое количество серьезныхъ увлеченій и любовныхъ похожденій. Эротическая фантазія его была безудержна и безпредѣльна. Жену свою онъ по своему любилъ, но измѣнялъ ей на каждомъ шагу. Туземки Ближняго Востока были для него большимъ соблазномъ. Своему пріятелю по дипломатической службѣ на Востокѣ К. Губастову онъ пишетъ: «Чтобы вполнѣ постичь поэзію Адріанополя послушайте моихъ совѣтовъ: 1, не откладывая заведите себѣ любовницу простенькую болгарку или гречанку; 2, ходите почаще въ турецкія бани; 3, постарайтесь добыть турчанку, это ужъ не такъ трудно; 4, не радуйтесь вниманіемъ франковъ и не хвалите madame Badetti; 5, гуляйте почаще на берегу Тунджи и вспоминайте меня; 6, подите когда нибудь съ кавасомъ къ мечети Султанъ Баязета и устройте тамъ на лужайкѣ, около кіоска, борьбу молодыхъ турокъ, подъ звукъ барабана; это прелесть!». Нужно полагать, что К.Н. самъ слѣдовалъ тѣмъ совѣтамъ, которые давалъ Губастову. Были у него и болгарки, и гречанки, и турчанки. Въ другомъ письмѣ тому же Губастову онъ пишетъ: «Не думайте, чтобы моя личная жизнь была безцвѣтна. Къ сожалѣнію, она очень бурна. Вы говорите, зачѣмъ я все думаю о страждущемъ человѣчествѣ (т.е. критянахъ), а не о себѣ. Во 1-хъ я думаю не столько о страждущемъ, сколько о поэтическомъ человѣчествѣ, а во 2-хъ тутъ и я не забытъ». Въ томъ же письмѣ онъ сообщаетъ о болѣзни жены и о томъ, что она подурнѣла. И еще пишетъ онъ все тому же

Губастову: «Есть сердечныя дѣла, да еще какія!». К.Н. отдѣляетъ любовь отъ брака и семьи. «Бракъ есть раздѣленіе труда, тяжкій долгъ, святой и неизбѣжный, но тяжелый, налагаемый обществомъ, какъ подати, работа, война и пр. Работа и война имѣютъ свои поэтическія и сладкія минуты, ими можно восхищаться, но надо понимать, что одна большей частью нестерпимо скучна, а другая очень опасна и тяжела. Отчего же на бракъ не хотятъ смотрѣть какъ на общественное тягло, которое иногда не лишено поэзіи, но отъ войны и тяжелой работы отличается тѣмъ, что война опасна, но не скучна, а работа большей частью скучна, но не опасна физически. Бракъ же для женщины опасенъ физически, а для мужчины— скученъ большей частью, крайне. Я согласенъ съ тѣмъ французомъ, который сказалъ: l'amour n'a rien à faire avec les devoirs penibles et sevères du mariage... Не понимаю и ревности къ законной женѣ. Это что-то черезчуръ первобытное.». К.Н. чуждо было трудовое чувство жизни, онъ былъ слишкомъ баринъ и аристократъ. Трудъ и бремя брака и семьи противны его эстетикѣ; романтикъ возстаетъ въ немъ противъ всякой прозы и обыденности. Позже, когда романтизмъ въ немъ ослабѣлъ и побѣдилъ монашескій аскетизмъ, онъ писалъ: «*Романтическій и моральный идеализмъ и христіанскій спиритуализмъ — большая разница*. Бракъ есть духовное таинство, а не достиженіе сердечнаго идеала. Послѣдній можетъ легко обмануть, а таинство для вѣрующаго человѣка — все будетъ таинствомъ. Вѣрующій человѣкъ и въ несчастливомъ бракѣ о святынѣ этого таинства не забудетъ». У К. Н. была прирожденная склонность къ многоженству

и онъ не видѣлъ никакихъ разумныхъ оправданій моногамическаго брака. Въ этомъ отношеніи онъ былъ турокъ и сердечныя влеченія болѣе склоняли его къ исламу, чѣмъ къ христіанству. Христіанство онъ всегда утверждалъ вопреки своей природѣ, во имя обузданія ея. «Многоженство должно быть отвергаемо лишь на основаніи христіанскаго догмата, на основаніи *вѣры*... А на основаніяхъ одного *разума* можно, *пожалуй*, и *поліандрію* проповѣдывать... Но если мы устранимъ вмѣшательство положительной религіи, то остается для подобнаго рѣшенія лишь одно средство — *художественное чувство*. Съ точки зрѣнія эстетической мы, хотя и озираясь съ нѣкоторымъ страхомъ, сознаемся, что къ стыду нашему, намъ султанъ турецкій нравится больше, чѣмъ «честный» европейскій безбожникъ или даже деистъ, живущій почему-то невозмутимо со своей раціональной женою не «во славу Божію», а во славу «разума». Въ этомъ отношеніи К. Н. рѣзко отличается отъ славянофиловъ, людей очень добродѣтельныхъ и преданныхъ идеалу семейственности. На Востокѣ ему не нравится у православныхъ недостатокъ романтизма въ любви. «Я зналъ очень хорошо, *что именно* мнѣ не нравится на Востокѣ... Мнѣ не нравилась тогда сухость единовѣрцевъ нашихъ въ любви. Мнѣ ненавистно быдо отсутствіе въ ихъ сердечной жизни того романтизма, къ которому я дома въ Россіи съ самаго дѣтства привыкъ. Съ этой и только съ одной этой стороны я былъ «европейцемъ» до крайности. Я обожалъ всѣ оттѣнки романтизма: отъ самаго чистаго аскетическаго романтизма... и до того тонкаго и облагороженнаго обоготворенія изящной плоти, которой

культомъ такъ проникнуты стихи Гете, А. де Мюссе, Пушкина и Фета». У христіанъ Востока не поется блестящая арія страстной любви. «Есть и другая сторона жизни, тѣсно связанная съ вопросомъ о романтизмѣ въ сердечныхъ дѣлахъ: это вопросъ *о семьѣ*... Всякій знаетъ, какъ отношенія между христіанской семьей и сердечнымъ романтизмомъ многосложны, противорѣчивы и вмѣстѣ съ тѣмъ неразрывны и глубоки. То дополняя другъ друга въ разнообразной и широкой жизни обществъ истинно развитыхъ и возводя семейный идеалъ до высшей степени чистоты, изящества и поэзіи, то вступая въ раздирающую и трагическую борьбу, романтическій культъ нѣжныхъ страстей и быть можетъ нѣсколько сухой съ перваго взгляда спиритуализмъ христіанскаго воздержанія проникаютъ духомъ своимъ издавна всю исторію западныхъ обществъ, господствуя даже и въ безсознательныхъ сердцахъ, то въ полномъ согласіи, увѣнчанные благодатью церкви, то вступая въ эту страшную и всѣмъ намъ такъ близко, такъ болѣзненно знакомую коллизію, въ ту коллизію, которой и драма, и поэзія, и романъ, и музыка, и живопись обязаны столькими великими и вдохновенными моментами. На Востокѣ у христіанъ образованнаго класса я этого ничего не видѣлъ». Эти свои романтическія чувства и мысли К.Н. вкладываетъ въ уста героя «Египетскаго Голубя». По «романтическому культу нѣжныхъ страстей» онъ былъ «европейцемъ». Романтизмъ этотъ не характеренъ не только для христіанъ Востока, но не характеренъ и для русскихъ. Въ русской литературѣ почти нѣтъ культа любви. К.Леонтьевъ былъ болѣе «европейцемъ», чѣмъ самъ это сознавалъ и чѣмъ

это принято о немъ думать. Онъ былъ влюбленъ въ старую Европу, рыцарскую, католическую, романтическую. Онъ ненавидѣлъ лишь современную буржуазно-демократическую Европу и ненавидѣлъ ее за то, что она измѣнила своимъ святынямъ, своей былой красотѣ. «Христіанство не отрицаетъ обманчиваго и коварнаго изящества зла; оно лишь учитъ насъ бороться противъ него и посылаетъ на помощь ангела молитвы и отреченія. Поэтому-то и родственность романтизма эротическаго и романтизма религіознаго въ душѣ нашей такъ естественна и такъ опасна». Такъ можетъ говорить лишь «европеецъ», западный, а не восточный человѣкъ. К.Н. принадлежитъ острый афоризмъ о фракѣ, какъ «куцомъ траурѣ, который Западъ надѣлъ съ горя по своему великому, религіозному аристократическому и артистическому прошедшему». Такого рода ненависть къ европейскому фраку могла быть лишь у человѣка, влюбленнаго въ великое прошедшее Запада. Все это очень важно для правильнаго пониманія міросозерцанія К.Леонтьева. По душевнымъ своимъ основамъ онъ не имѣетъ почти ничего общаго съ славянофилами, и соприкосновеніе его теоретическаго міросозерцанія съ славянофильствомъ очень поверхностно. Правильно сопоставлять К. Леонтьева съ Чаадаевымъ, какъ это и дѣлаетъ хорошо знавшій его Губастовъ.

III.

Жизнь К.Леонтьева на Востокѣ дала огромные импульсы для его творчества. Можно сказать, что самыя значительныя произведенія его написаны подъ вліяніемъ

переживаній и мыслей, рожденныхъ на Востокѣ. Востокъ окончательно сформировалъ его духовную личность, страшно обострилъ его политическую, философскую и религіозную мысль, возбудилъ его художественное творчество, которое посвящено, главнымъ образомъ, жизни христіанъ въ Турціи. Если бы К.Леонтьевъ не служилъ дипломатомъ на Балканахъ, то его творческій обликъ былъ бы инымъ. Все его мышленіе и все его творчество насыщены образами Востока. Онъ почти не можетъ вести своего размышленія иначе, какъ отталкиваясь отъ восточной темы. На нихъ развиваетъ онъ мысли, имѣющія міровое значеніе. Восточные образы неразрывны для него съ красотой и радостью жизни. Съ этимъ связана нѣкоторая узость Леонтьевскаго творчества, нѣкоторая однотонность, недостатокъ разнообразія. На Востокѣ прежде всего искалъ и осуществлялъ онъ эстетику жизни, но также и эстетику искусства. К.Н. не могъ жить только искусствомъ, подобно французскимъ эстетамъ, какъ не могъ жить философскимъ созерцаніемъ, отвлеченной мыслью. Ему нужна была разнообразная жизнь, окруженная образами пластической красоты. Эстетика его не выносила ничего средняго, умѣреннаго, не яркаго. Болѣе всего К.Н. любилъ Константинополь и тамъ находилъ эстетику жизни, которой въ такой полнотѣ не могъ найти нигдѣ. «Я люблю самую *жизнь* этого посольства (въ Константинополѣ), пишетъ онъ Губастову, его интересы, мнѣ родственны тамъ всѣ занятія, и въ средѣ этого общества мало есть лицъ, о которыхъ я вспоминаю безъ удовольствія, пріязни и благодарности. Я люблю самый городъ, острова, грековъ, турокъ... все люблю тамъ, и

будьте увѣрены, что я *ежедневно терзаюсь мыслію о* томъ, что не могу придумать средство переселиться туда навсегда. Ни Москва, ни Петербургъ, ни Кудиново, ни самая выгодная должность, гдѣ попало, ни даже монастырь самый хорошій — не могутъ удовлетворить меня такъ, какъ Константинополь... Только разнообразная жизнь Константинополя (гдѣ есть и отшельники на о. Халки, въ лѣсу, и гостиная Игнатьевыхъ, и политическая жизнь, и *поздняя обѣдня*, и безконечный матеріалъ литературы)... Только эта сложная жизнь могла удовлетворить моимъ *нестерпимо* сложнымъ потребностямъ». У него навсегда осталось томленіе по Константинополю и мечта вернуться туда. Съ Константинополемъ были сявзаны завѣтныя мечты его. И трудно сказать, какой Константинополь былъ ему дороже, Константинополь византійскій или Константинополь турецкій. Константинополь и Греція имѣли для К. Леонтьева то же значеніе, которое для многихъ имѣли Римъ и Италія. Онъ чувствовалъ и любилъ красоту старой Европы, но онъ не жилъ ею непосредственно, не черпалъ изъ нея источниковъ творческаго вдохновенія. Его слишкомъ отталкивала современная буржуазная Европа. Всѣ надежды его на цвѣтущую и сложную культуру были связаны съ Востокомъ. Онъ придавалъ огромное значеніе внѣшнему стилю жизни и пластической ея сторонѣ. То, что европейскіе люди надѣли фракъ и пиджакъ, онъ считалъ роковымъ и для ихъ духа. Онъ видѣлъ въ этомъ знакъ внутренняго процесса разложенія и смерти. На Востокѣ процессъ разложенія еще не такъ далеко зашелъ, хотя роковые

признаки его Леонтьевъ видѣлъ и предрекалъ послѣдствія его.

«Всѣ истинные художники, всѣ поэты, всѣ мыслители, одаренные эстетическимъ чувствомъ, не любили *средняго человѣка*». «Всѣ истинные поэты и художники *въ душѣ* любили дворянство, высшій свѣтъ, дворъ, военное геройство». «Байронъ бѣжалъ изъ *цивилизованныхъ* странъ въ *запущенные тогда и одичалые сады* Италіи, Испаніи и Турціи. Тогда въ Турціи еще жилъ Али-Паша Янинскій, котораго свирѣпость была живописнѣе *сѣрой* свирѣпости французскихъ коммунаровъ; въ Италіи, въ то время, было еще восхитительное царство развалинъ и плюща, калабрійскихъ разбойниковъ, Мадоннъ и монаховъ. «Ограниченный» Сардинскій король не запиралъ еще первосвященника римскаго въ ватиканскую тюрьму и не обращалъ еще съ помощью людей *прогресса* всемірнаго города въ простую столицу неважнаго государства. Въ Испаніи боя быковъ еще не стыдились тогда. И даже, сражаясь за Грецію, великій человѣкъ не предвидѣлъ, что интересная Греція «Корсара» въ Фустанеллѣ —есть лишь плодъ азіатскаго давленія, спасительнаго для поэзіи, и что освобожденный отъ турка корсаръ надѣнетъ дешевый сюртучишко и пойдетъ болтать всякій вздоръ на скамьяхъ аѳинской «говорильни». «Безъ мистики и пластики религіозной, безъ величавой и грозной государственности и безъ знати блестящей и прочно устроенной — какая же будетъ въ жизни поэзія?... Не поэзія ли всеобщаго *раціональнаго мѣщанскаго счастья?*».... К. Н. болѣе всего заботила не «эстетика отраженій» на полотнѣ или въ книгахъ, а эстетика *самой жизни*. Онъ все

еще вѣрилъ и надѣялся, что эстетика жизни, эстетика *единства въ разнообразіи* сохранится на Востокѣ, тогда какъ на Западѣ казалось ему безнадежно проиграннымъ дѣло эстетики жизни, — тамъ и «эстетика отраженій» скоро будетъ невозможна. Онъ видѣлъ, что экзотическій, живописный бытъ Востока разрушался. Особенно остро подмѣчалъ онъ этотъ прогрессъ у балканскихъ славянъ, которыхъ не любилъ и съ которыми не связывалъ никакихъ надеждъ. Всѣ надежды его были связаны съ византійскимъ духомъ, съ греческимъ православіемъ и съ Турціей, которые препятствуютъ либерально-эгалитарному прогрессу и спасаютъ отъ разложенія. Наблюденія надъ жизнью славянъ въ Турціи и на Балканахъ поколебали въ немъ вѣру въ племенной, національный принципъ и привели къ отрицательному отношенію къ панславизму. О національной политикѣ потомъ имъ были высказаны необычайно острыя и глубокія мысли. Внутренняя драма К. Н., которая привела его къ религіозному кризису, къ ужасу гибели и исканію спасенія, была въ томъ, что онъ страстно искалъ земной радости, земной прелести и земной красоты и не вѣрилъ въ прочность и вѣрность всего земного. Чувство гибели всего земного, тлѣнности земной красоты было у него уже до духовнаго перелома. Это чувство быдо заложено въ его романтическомъ темпераментѣ. Какъ романтикъ, хотѣлъ онъ во имя красоты противорѣчій, страданій и неосуществимости желаній. Романтическая эстетика К. Н. требовала существованія зла на ряду съ добромъ. Это повліяло и на все его пониманіе христіанства.

Въ такой духовной атмосферѣ окончательно созрѣлъ

въ К. Леонтьевѣ художникъ. Онъ пишетъ прекрасныя, красочныя повѣсти изъ жизни христіанъ въ Турціи, которыя ждутъ еще справедливой оцѣнки Въ нѣкоторыхъ разсказахъ онъ обнаруживаетъ изумительный объективный даръ художественнаго воспроизведенія быта Востока. Таковы повѣсти и разсказы, помѣщенныя во второмъ томѣ собранія сочиненій — «Очерки Крита», «Хризо» и др. Очень хороша старинная восточная повѣсть «Дитя души». На ряду съ этимъ онъ пишетъ вещи совершенно субъективныя, представляющія автобіографическое отраженіе его собственной судьбы. Такъ лучшая изъ его субъективныхъ вещей «Египетскій Голубь», написанная позже, имѣетъ огромное значеніе для его біографіи. Вся повѣсть ведется отъ лица человѣка, искавшаго, подобно самому К. Н., счастья въ красотѣ и упоеніи жизнью Востока, гдѣ онъ служитъ дипломатомъ. Большая часть повѣствованія окрашена языческой радостью и упоенностью, проникнута своеобразнымъ леонтьевскимъ эротизмомъ, но написана послѣ того, какъ герой пережилъ внутреннюю катастрофу и потерялъ всѣ надежды на земное счастье. Онъ стоитъ въ церкви въ одинъ изъ дней, когда все земное, самое прекрасное и радостное, оказалось невѣрнымъ и непрочнымъ, и, когда діаконъ сталъ молить о христіанской кончинѣ жизни нашей «безболѣзненной» и «мирной», и о «добромъ отвѣтѣ на судѣ Христовомъ», онъ «вдругъ почувствовалъ желаніе положить глубокій поклонъ и всталъ съ земли не скоро и, касаясь лбомъ пола, думалъ: «вотъ этого, конечно, и *только этого* мнѣ должно желать». И образъ плѣнявшей его Маши Антоніади далеко отодвинулся отъ него. Повѣсть «Египетскій Голубь» напи-

сана ретроспективно, но она насыщена мотивами восточной жизни К. Н. и отражаетъ время его консульской службы со всѣми обманчивыми и невѣрными радостями.

Одно изъ лучшихъ художественныхъ твореній К. Леонтьева это — повѣсть «Исповѣдь мужа» (Ай-Бурунъ). Впослѣдствіи онъ рѣзко осудилъ это произведеніе и не хотѣлъ, чтобы оно было перепечатано. Вотъ его собственный отзывъ: «Въ высшей степени безнравственно, чувственное, языческое, дьявольское сочиненіе, тонко-развратное; ничего христіанскаго въ себѣ не имѣющее, но смѣлое и хорошо написано; съ искреннимъ чувствомъ глубоко развращеннаго сердца... Я бы просилъ *въ этомъ видѣ* ее не печатать: — *грѣхъ!* и грѣхъ великій! Именно *потому*, что написана хорошо и съ чувствомъ». Въ этомъ судѣ надъ собственнымъ произведеніемъ есть что-то мучительное, напоминающее драму Гоголя или Ботичелли. «Исповѣдь мужа» очень тонкая вещь, новая по духу, въ русской литературѣ единственная въ своемъ родѣ. Она отражаетъ очень тонкій эротизмъ сложной души, столь непохожей на людей 60 годовъ, столь чуждой имъ. Психологія любви человѣка среднихъ лѣтъ къ молодой дѣвушкѣ, согласіе отказаться отъ нея и помочь ея любви къ другому — все это описано съ тонкостью и изяществомъ, почти не бывшими въ русской литературѣ. Большой романъ «Одиссей Полихроніадесъ» изъ греческой жизни К. Н. считалъ лучшимъ своимъ произведеніемъ. Но мнѣніе автора для насъ не обязательно. Въ «Одиссеѣ Полихроніадесѣ» есть много хорошаго, въ немъ есть великолѣпное знаніе жизни грековъ, но онъ растянутъ и скучноватъ. Большія вещи не очень удавались Леонтьеву.

Онъ все же былъ писателемъ импрессіонистическаго темперамента. И даже въ стилѣ эпически-этнографическомъ ему лучше удавались небольшія вещи. Больше всего работалъ К. Н. надъ серіей романовъ подъ общимъ заглавіемъ «Рѣка временъ». Они должны были быть связнымъ повѣствованіемъ о русской жизни съ 1811 г. и по 1862 г. Возможно, что въ нихъ окончательно развернулось бы дарованіе К. Леонтьева. Но имъ не суждено было увидать свѣта. У К. Н. было большое и оригинальное художественное дарованіе, и онъ могъ бы выйти на совершенно самостоятельный путь, если бы отдался художественному творчеству. Но онъ не могъ отдаться ему по духовной природѣ своей и по духовному пути своему. К. Леонтьевъ не могъ создать совершенныхъ произведеній ни въ какой области. Онъ творилъ жизнь свою. И въ этомъ отношеніи судьба его была характерно русской судьбой, судьбой русскаго писателя, искавшаго самой жизни и спасенія, несмотря на многіе его западныя черты.

IV.

Восточный вопросъ былъ въ центрѣ размышленій К. Леонтьева. На немъ кристаллизовалась вся его философія общества и философія исторіи. Въ сложной и запутанной восточной политикѣ онъ занялъ совершенно оригинальное положеніе, рѣзко отдѣлявшее его отъ традиціонныхъ славянофильскихъ точекъ зрѣнія. На Балканахъ К. Леонтьевъ любилъ грековъ и турокъ и не любилъ славянъ, особенно болгаръ. Во всѣхъ столкно-

веніяхъ сочувствіе его всегда было на сторонѣ грековъ и даже турокъ противъ славянъ. Его отталкивалъ демократизмъ балканскихъ славянъ. Онъ видѣлъ въ южномъ славянскомъ мірѣ торжество ненавистныхъ ему европейскихъ либерально-эгалитарныхъ началъ и предсказывалъ окончательную и скорую побѣду въ этомъ мірѣ всеуравнивающаго европейскаго мѣщанства. Онъ не видѣлъ у южныхъ славянъ тѣхъ крѣпкихъ началъ, которыя противились бы этому роковому разрушительному процессу. Аристократическая нелюбовь К. Леонтьева къ демократизму славянъ была въ немъ какой-то не русской чертой, отличавшей его отъ славянофиловъ. Онъ предпочиталъ поляковъ, ему нравился ихъ аристократизмъ, ихъ вѣрность католичеству. На Востокѣ онъ высоко цѣнилъ грековъ, какъ хранителей византійскаго православія. У грековъ сильно было монашество и они боролись за церковныя начала противъ демократическаго прогресса. Лишь въ вѣрности традиціямъ и преданіямъ византизма видѣлъ онъ серьозную преграду для мірового процесса разложенія и опошленія, въ который вовлечены и всѣ балканскіе народы. У славянъ онъ не находилъ вѣрности византійскимъ началамъ. Турокъ онъ любилъ эстетически за ихъ старый, не европейскій красочный бытъ, у него вѣдь былъ «паѳосъ туретчины». Власть турокъ мѣшала народамъ Балканскаго полуострова окончательно ввергнуться въ пучину европейскаго демократическаго прогресса. Онъ считалъ эту власть благопріятной для охраненія древняго православія на Востокѣ. Онъ привѣтствовалъ турецкія гоненія на христіанъ. «Пока было жить страшно, пока турки часто насиловали, грабили, убивали,

казнили, пока въ храмъ Божій нужно было ходить ночью, пока христіанинъ былъ собака, онъ былъ болѣе человѣкъ, т.е. идеальнѣе. Въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ этого столѣтія были еще добровольные мученики, были матери, которыя говорили сыновьямъ, какъ лакедемонскія матери: «лучше пусть убьютъ тебя турки, нежели видѣть мнѣ тебя измѣнникомъ Христу.» Въ монастыри шли прежде богатые и высокопоставленные люди. Богатые, знатные фанаріоты, молдаво-волашскіе бояре приносили въ даръ на церкви и обители огромныя имѣнія... Эти политическіе успѣхи Церкви послужили косвенно и неожиданно къ ослабленію православія сердечнаго, личнаго, мистическаго. Свобода открыла настежь двери мелочнымъ европейскимъ вліяніямъ, мелкому самодовольству». Вотъ почему не могло быть у К. Леонтьева паѳоса освобожденія славянъ. Онъ дорожилъ на Востокѣ не славизмомъ, а византизмомъ. Интересы Церкви ставилъ онъ на первомъ планѣ и имъ подчинялъ интересы политическіе. Европейскій демократическій прогрессъ онъ считалъ для православія и для славянства болѣе опаснымъ, чѣмъ турецкій гнетъ и турецкія насилія надъ христіанами. И онъ готовъ былъ сохранить подольше власть Турціи на Балканахъ, чтобы не побѣждали ненавистныя ему освободительно-уравнительныя начала. Туретчина предохраняетъ отъ мѣщанства. Либеральное и демократическое славянофильство было ему противно, претило всѣмъ его инстинктамъ, онъ рѣшительно разошелся съ И. Аксаковымъ въ славянской политикѣ на Востокѣ. И его готовы были признать измѣнникомъ славянофильскимъ идеаламъ и традиціямъ русской политики на

Востокѣ. К. Леонтьевъ былъ болѣе прозорливъ и видѣлъ дальше. Многія его предсказанія сбылись. Онъ проникалъ вглубь дѣйствующихъ въ исторіи міровыхъ началъ. Онъ не находился во власти политическихъ интересовъ и эмоцій сегодняшняго дня. Его интересовали въ восточномъ вопросѣ судьбы Церкви, судьбы человѣчества, судьбы Россіи въ мірѣ. Но Леонтьевъ никогда не пробовалъ примѣнить къ русскому православію тѣхъ истинъ, которыя онъ высказывалъ о православіи Балканскихъ славянъ. Можно вѣдь было бы также сказать, что гоненія, когда «въ храмъ Божій нужно будетъ ходить ночью» способствовали бы возрожденію православія въ Россіи, а господствующее положеніе и покровительство вели къ упадку православія. Не только Туретчина, но и большевизмъ предохраняютъ христіанъ отъ мѣщанства. Въ отличіе отъ славянофиловъ и Данилевскаго К. Леонтьевъ отрицалъ самостоятельность славянства и единство ихъ культуры. Онъ не вѣрилъ вообще въ самостоятельность племенного, національнаго принципа и не соглашался признать его верховенство. Должна быть высшая идея, образующая національность, цѣликомъ ее себѣ подчиняющая. Такой высшей идей онъ считалъ византизмъ. Но славяне на Востокѣ какъ разъ очень слабо представляютъ эту высшую идею, они не являются вѣрными ея рыцарями, они раскрыты для дѣйствій иныхъ, низшихъ, либерально-демократическихъ идей. Панславизмъ К. Леонтьевъ считалъ опаснымъ для Россіи, для русской идеи въ мірѣ. «Я понялъ, что всѣ славяне, южные и западные, именно въ томъ, столь дорогомъ для меня *культурно-оригинальномъ смыслѣ*, суть для насъ, русскихъ, не что иное, какъ

неизбѣжное политическое зло, ибо народы эти до сихъ поръ въ лицѣ «интеллигенціи» своей ничего, кромѣ самой пошлой и обыкновенной *современной буржуазіи*, міру не даютъ». Какъ подозрительно относился К. Н. къ идеѣ Восточно-Славянскаго Союза, какъ претилъ ему славянскій демократизмъ, видно изъ жестокихъ словъ его о чехахъ, которыхъ онъ еще болѣе не любилъ, чѣмъ славянъ балканскихъ: «Было бы большимъ счастьемъ, если бы нѣмцы *заставили бы* насъ предать чеховъ на совершенное съѣденіе германизму. Иначе можно опасаться, что они попадутъ тоже въ составъ великаго Восточно- Славянскаго Союза; это было бы великимъ бѣдствіемъ. Чехи — это европейскіе буржуа по преимуществу; буржуа изъ буржуа; «честные» либералы изъ «честныхъ» либераловъ. Ихъ претенціозное и либеральное бюргерство гораздо вреднѣе своимъ мирнымъ вмѣшательствомъ, чѣмъ бунтъ польской шляхты. Это тоже *химическое*, внутреннее отравленіе. Ихъ гуситизмъ гораздо опаснѣе іезуитизма... Если бы нужно было проиграть два сраженія нѣмцамъ, чтобы *обстоятельства* заставили насъ сь радостью отдать имъ чеховъ , то я съ моей стороны, желаю отъ души, чтобы мы эти два сраженія проиграли!». Слова эти будутъ для многихъ звучать отталкивающе и почти отвратительно, но они сказаны съ обычнымъ для К.Н. радикализмомъ, искренностью и безграничной смѣлостью. Онъ не щадитъ ни себя, ни другихъ. Онъ такъ же хочетъ насилія нѣмцевъ надъ чехами, какъ и насилія турокъ надъ балканскими славянами, чтобы славянство не окончательно обмѣщанилось. Онъ хотѣлъ не освобожденія славянъ, а порабощенія и угнетенія славянъ, такъ какъ вѣрилъ, что подъ

гнетомъ славяне будутъ духовно выше и оригинальнѣе, при свободѣ же обмѣщанятся, потеряютъ своеобразіе и либерально-демократическіе принципы поставятъ выше Церкви и старыхъ святынь. Въ имманентныя духовныя силы славянства К. Н. не вѣрилъ, не видѣлъ въ немъ никакихъ преимуществъ. Онъ отдавалъ предпочтеніе не только грекамъ, но и нѣмцамъ, и туркамъ. Онъ—крайній антиславянофилъ по своимъ инстинктивнымъ симпатіямъ и вѣрованіямъ, болѣе антиславянофилъ, чѣмъ многіе наши западники, многіе наши либералы и демократы. И Аксаковъ и славянофилы рѣшительно возстали противъ пародоксальныхъ мнѣній К. Леонтьева. Леонтьевъ не сочувствовалъ національному движенію среди балканскихъ славянъ. «Съ перваго взгляда все это движеніе христіанъ кажется не столько *демократическимъ*, сколько *національнымъ*. Но это лишь одна изъ *особыхъ формъ* общаго прогресса демократизаціи всей Европы, какъ Западной, такъ и Восточной.» Если турки будутъ изгнаны изъ Царьграда и Россія не замѣнитъ труднаго охранительнаго давленія собственной дисциплиной, то Царьградъ превратится въ центръ международной революціи, который затмитъ Парижъ. Поэтому, по мнѣнію К. Н., Царьградъ долженъ быть турецкимъ до тѣхъ поръ, пока онъ не сдѣлается русскимъ. Онъ боится не только разгрома Турціи, но и Австріи. «*Бойтесь того, чтобы наше торжество не зашло слишкомъ далеко; чтобы не распалась Австрія и чтобы мы не оказались внезапно и безъ подготовки лицомъ къ лицу съ новыми милліонами эгалитарныхъ и свободолюбивыхъ братьевъ славянъ!*». Эти смѣлыя, радикальныя и пародоксальныя мысли К. Леон-

тьева не могли имѣть успѣха. Онъ не могъ имѣть вліянія въ славянской политикѣ. Вліяніе всегда имѣютъ среднія мысли. «Реакціонность» К. Леонтьева была преждевременной, онъ заглянулъ слишкомъ впередъ. Потомъ онъ писалъ: «Было время, лѣтъ десять, пятнадцать тому назадъ, я еще мечталъ своими статьями сдѣлать какую-то «пользу»... я вѣрилъ тогда еще наивно, что я *«кому слѣдуетъ* открою глаза»... Я постоянно оправданъ позднѣйшими событіями, но не людской догадкой и не современной справедливостью критики. Теперь я разучился воображать себя очень нужнымъ и полезнымъ; я имѣю достаточно основаній, чтобы считать свою литературную должность, если не совсѣмъ уже безполезной, то во всякомъ случаѣ *преждевременной*».

Въ греко-болгарской церковной распрѣ К. Леонтьевъ рѣшительно сталъ на сторону грековъ, въ то время какъ на сторонѣ болгаръ было русское общественное мнѣніе, и славянофилы, и Катковъ, и нашъ посолъ Гр. Игнатьевъ. Сущность этой распри заключается въ томъ, что болгары, зависѣвшіе въ церковномъ отношеніи отъ греческаго патріарха въ Константинополѣ, захотѣли самостоятельности и отдѣлились отъ патріарха. Помѣстный соборъ въ Константинополѣ въ 72 г. объявилъ ихъ «схизматиками». «Славянская» политика на Востокѣ требовала сочувствія болгарамъ. Въ этомъ видѣли борьбу за національную независимость. Леонтьевъ же видѣлъ въ этомъ ущербъ для Православной Церкви на Востокѣ, подрывъ авторитета патріарховъ, побѣду« демократическихъ» началъ надъ «византійскими» началами. К. Н. всегда ставилъ интересы религіозно-церковные выше

интересовъ національныхъ и государственныхъ. Православная Церковь на Востокѣ была ему дороже славянства. Отношеніе русскаго общественнаго мнѣнія къ болгарамъ онъ называлъ болгаробѣсіемъ. И съ политической точки зрѣнія онъ лучше другихъ видѣлъ, что болгары не будутъ друзьями Россіи. Но главное не въ этомъ. Онъ не могъ примириться съ демократизаціей Церкви, къ которой вели національныя притязанія болгаръ. Онъ былъ сторонникомъ строго-іерархическаго строя Церкви и скорѣе склоненъ былъ сочувствовать папизму, чѣмъ демократизму въ Церкви. По его мнѣнію «и Катковъ, и Аксаковъ, такъ и скончались въ заблужденіи» «по греко-болгарскому вопросу». «Разница только та, что у Аксакова заблужденіе было, вѣроятно, болѣе искреннее и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе близорукое, опять-таки либерально-славянское по существу его *собственной вѣры;* а у Михаила Никифоровича — едва ли! Онъ имѣлъ тутъ, по всѣмъ примѣтамъ, другіе виды, гораздо болѣе дальнозоркіе и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе для Церкви вредные. Ему, видимо, хотѣлось вообще заблаговременно сокрушить силы всѣхъ восточныхъ Церквей, чтобы въ случаѣ скораго разрѣшенія восточнаго вопроса, русскому чиновнику не было бы уже тамъ ни въ чемъ живыхъ и твердыхъ препонъ... Духъ Ѳеофана Прокоповича и подобныхъ ему!» Такой патріотической политики, которая обращаетъ Церковь въ свое орудіе, К. Н. не выносилъ. Церковь для него выше патріотизма. Въ этомъ мотивѣ онъ близокъ къ Вл. Соловьеву. Въ греко-болгарскомъ вопросѣ у К. Н. возникло разногласіе съ Игнатьевымъ, которое сдѣлало затруднительной его дальнѣйшую дипломатическую

службу на Востокѣ. Къ этому присоединились и причины чисто личнаго характера. Онъ долженъ былъ выйти въ отставку. Приспособляться К.Н. не умѣлъ. Онъ отличался прямотой характера. Въ это время уже кончался періодъ упоенности жизнью Востока; онъ пережилъ духовный кризисъ, измѣнившій все направленіе его жизни.

V.

Никогда нельзя до конца понять, почему произошелъ съ человѣкомъ духовный переворотъ, послѣ котораго онъ переходитъ внутренне въ иное измѣреніе. Остается какая то тайна неповторимо индивидуальнаго существованія, для которой и пережившій ее не всегда находитъ подходящія слова. Можно установить нѣсколько типовъ религіозныхъ обращеній и описать дѣйствующіе въ нихъ мотивы. Но это всегда будутъ абстракціи, не покрывающія сложной индивидуальной дѣйствительности. Наши догадки подводятъ къ тайнѣ пережитаго переворота, но не проникаютъ въ послѣднюю ея глубину. Причины глубокаго духовнаго потрясенія пережитаго К. Н. въ 1871 г., послѣ котораго начинается новая эра его жизни, не до конца ясны и самъ онъ говоритъ объ этомъ лишь намеками. Для насъ ясно, почему такой человѣкъ, какъ Леонтьевъ, долженъ былъ пережить глубокій религіозный переворотъ и какого онъ типа, и что случилось именно въ 71 г. Но что непосредственно предшествовало самому важному событію его жизни, недостаточно извѣстно фактически и недостаточно понятно психологически.

Признаки назрѣвающаго душевнаго переворота начинаются уже въ 1869 г. Онъ пишетъ Губастову: «А главное — тоска такая на сердцѣ, которую я еще въ жизни не испытывалъ... Главною виною моя внутренняя жизнь». Началось разочарованіе, утомленіе, сомнѣніе. Прошло упоеніе жизнью. Земная радость, земное счастье въ красотѣ — недостижимы. Всякій грѣхъ несетъ за собой неотвратимую кару. Душевная почва была уже разрыхлена у К. Н. Въ іюлѣ 1871 г. онъ заболѣлъ сильнымъ желудочнымъ разстройствомъ, которое принялъ за холеру. Докторъ ему мало помогаетъ, и онъ рѣшаетъ, что положеніе его безнадежно. Его охватываетъ ужасъ смерти и гибели. Очень характерно то, что говоритъ Губастовъ объ этомъ моментѣ со словъ самого К. Н.: «Болѣзнь возмутила его болѣе всего съ эстетической стороны. Онъ мнѣ часто говорилъ потомъ о его ужасѣ умереть при такой прозаической обстановкѣ». К. Н. заперся въ темную комнату, чтобы не знать, когда день и когда ночь. И вотъ въ одну изъ самыхъ страшныхъ минутъ съ нимъ произошло чудо религіознаго перерожденія, описанное имъ въ письмѣ къ Розанову. Есть какая-то недосказанность въ его описаніи и объясненіи происшедшаго событія, но это единственный источникъ о происшедшемъ съ нимъ переворотѣ. «Причинъ было *много разомъ*, и *сердечныхъ, и умственныхъ*, и, наконецъ, тѣхъ *внѣшнихъ и повидимому* (только) *случайныхъ*, въ которыхъ нерѣдко гораздо больше открывается Высшая Телеологія, чѣмъ въ ясныхъ самому человѣку внутреннихъ перерожденіяхъ. Думаю, впрочемъ, что въ основѣ всего лежитъ, съ одной стороны, уже тогда, въ 1870—71 году, *давняя* (съ 1861 — 62 г.)

философская ненависть къ формамъ и *духу новѣйшей европейской* жизни; а съ другой — *эстетическая и дѣтская* какая-то приверженность къ *внѣшнимъ формамъ* Православія; прибавьте къ этому сильный и неожиданный толчекъ сильнѣйшихъ) и глубочайшихъ потрясеній (слыхали вы французскую поговорку: «cherchez la femme!», т.е. во всякомъ серьезномъ дѣлѣ жизни «ищите женщину», и, наконецъ, внѣшнюю *случайность опаснѣйшей и неожиданной болѣзни и ужасъ умереть въ ту минуту, когда только что были задуманы* и не написаны еще: и *гипотеза тріединаго процесса*, и Одиссей Полихроніадесъ, и, наконецъ, не были еще высказаны о «юго-славянахъ» всѣ тѣ *обличенія* въ европеизмѣ и безвѣріи, которыя я самъ признаю рѣшительно исторической заслугой моей. Однимъ словомъ, *все главное мною сдѣлано послѣ 1872 — 73 г.*, т.е. послѣ поѣздки на Аѳонъ и послѣ *страстнаго* обращенія къ *личному* православію......
Личная вѣра почему то вдругъ докончила въ 40 лѣтъ и политическое, и художественное воспитаніе мое. Это и до сихъ поръ удивляетъ меня и остается для меня таинственнымъ и непонятнымъ. Но въ лѣто 1871 года, когда въ Салоникахъ, лежа на диванѣ въ страхѣ *неожиданной* смерти (отъ сильнѣйшаго приступа *холеры*), я смотрѣлъ на образъ Божьей Матери (только что привезенный мнѣ монахомъ съ Аѳона), я *ничего этого* предвидѣть еще не могъ и всѣ литературные планы мои еще были даже очень смутны. Я думалъ въ ту минуту не о *спасеніи души* (ибо вѣра въ Личнаго *Бога* давно далась мнѣ гораздо легче, чѣмъ вѣра въ *мое собственное безсмертіе*), я, обыкновенно вовсе не боязливый, пришелъ

въ ужасъ просто отъ мысли о тѣлесной смерти и, *будучи уже заранѣе подготовленъ* цѣлымъ рядомъ другихъ психологическихъ превращеній, симпатій и отвращеній, *я вдругъ*, въ одну *минуту, повѣрилъ* въ существованіе и могущество *этой Божіей Матери;* повѣрилъ такъ ощутительно и твердо, какъ если бы видѣлъ передъ собою *живую,знакомую*, дѣйствительную женщину, очень добрую и очень могущественную и воскликнулъ: «Матерь Божія! Рано! Рано умирать мнѣ!.. Я еще ничего не сдѣлалъ достойнаго моихъ способностей и велъ *въ высшей степени* развратную, *утонченно* грѣшную жизнь! Подними меня съ этого одра смерти. Я поѣду на Аѳонъ, поклонюсь старцамъ, чтобы они обратили меня въ *простого и настоящаго* православнаго, вѣрующаго *въ среду и пятницу* и въ чудеса, и даже постригусь въ монахи».

К. Н. былъ необыкновенно искренній, открытый, правдивый человѣкъ; это чувствуется въ каждой его строчкѣ. Описаніе величайшаго переворота его жизни поражаетъ свой простотой, отсутствіемъ рисовки и прикрасъ. Закостенѣлый раціоналистъ не найдетъ ничего особеннаго въ происшедшемъ съ К. Н. Человѣкъ испугался смерти и отъ страха прибѣгъ къ помощи высшихъ силъ. Случаи такіе бывали нерѣдко. Переубѣдить такого раціоналиста нелегко. Внѣшніе факты сами по себѣ, въ голой своей эмпиричности, ничего не доказываютъ. Но тотъ, кто привыкъ видѣть черезъ внѣшнюю символику фактовъ духовную дѣйствительность, будетъ пораженъ проявленіемъ въ жизни К. Леонтьева дѣйствія Божьяго Промысла. Въ происшедшемъ съ нимъ религіозномъ переворотѣ, какъ и во всякомъ религіозномъ переворотѣ,

основной дѣйствующей причиной является ниспосланная ему Божья благодать. Душевная почва была готова и Божья благодать совершила дѣло перерожденія души. Характеръ духовнаго переворота предопредѣлилъ религіозный типъ К. Леонтьева. Въ его религіозномъ обращеніи дѣйствовала благодатная сила Божія, но самъ онъ принадлежитъ къ безблагодатному религіозному типу. Ужасъ гибели временной и вѣчной легъ въ основу его вѣры. Эстетическое отвращеніе къ современной буржуазной цивилизаціи и буржуазному прогрессу укрѣпило въ немъ любовь къ Византійскому православію и къ монашеству. Типъ религіозности К. Н. былъ въ своемъ зарожденіи и основномъ направленіи дуалистическимъ. Для силы его религіозныхъ переживаній необходимы полярныя противоположности и контрасты. Отрицательное отталкиваніе усиливаетъ его вѣру. Положительныя благостныя переживанія въ немъ сравнительно слабы. Онъ принялъ христіанство прежде всего, какъ религію страха, а потомъ уже любви. Въ очень интересномъ письмѣ къ одному студенту, напечатанномъ въ «Богословскомъ Вѣстникѣ», К. Н. такъ характеризуетъ свой духовный переломъ: «Мнѣ не доставало тогда *сильнаго* горя; не было и тѣни *смиренія*, я вѣрилъ *въ себя*. Я былъ тогда гораздо счастливѣе, чѣмъ въ юности и потому я былъ крайне самодоволенъ. Съ 69 года *внезапно* начался переломъ; ударъ слѣдовалъ за ударомъ. Я впервые *ясно* почувствовалъ надъ собою какую-то высшую десницу и захотѣлъ этой десницѣ подчиниться и въ ней найти опору отъ *жесточайшей* внутренней бури; я искалъ только *формы* общенія съ Богомъ. *Естест-*

веннѣе всего было подчиниться въ *православной формѣ*. Я поѣхалъ на Аѳонъ, чтобы *попытаться* стать *настоящимъ* православнымъ; чтобы меня строгіе монахи *научили* вѣровать. Я согласенъ былъ имъ *подчиниться* умомъ и волей. Между тѣмъ *удары извнѣ* сами по себѣ продолжались все болѣе и болѣе сильные; *почва* душевная была готова и пришла, наконецъ, неожиданная минута, когда я, до тѣхъ поръ вообще смѣлый, почувствовалъ незнакомый мнѣ дотолѣ *ужасъ*, а не просто страхъ. Этотъ ужасъ былъ въ одно и то же время и духовный и тѣлесный; одновременно *и ужасъ грѣха и ужасъ смерти*. А до этой минуты я не того, ни другого сильно не чувствовалъ. *Черта завѣтная была пройдена*. Я сталъ *бояться Бога и Церкви*. Съ теченіемъ времени *физическій* страхъ опять *прошелъ*, духовный же остался и *все выросталъ*». Религіозный ужасъ остался у К. Н. навсегда. Отнынѣ жизнь его становится подъ знакъ исканія спасенія. Онъ даетъ обѣтъ поступить въ монахи, если Матерь Божія спасетъ его жизнь. Молитва его была услышана, и онъ выздоровѣлъ. Послѣ этого черезъ всю его жизнь проходитъ стремленіе уйти изъ міра въ монастырь. Человѣкъ Возрожденія, язычникъ до самой глубины своего существа, раскрываетъ въ себѣ противоположный полюсъ. И жизнь его двоится. Онъ еще долгое время остается въ міру, но тоска по монашеству не даетъ ему покоя.

По выздоровленіи К. Н. немедленно черезъ горы, верхомъ, отправляется на Аѳонъ къ старцамъ. Въ первый разъ онъ остался тамъ недолго и возвратился въ Салоники для того, чтобы найти тамъ какой-то важный документъ. Онъ нашелъ документъ въ чемоданѣ. Въ томъ

же чемоданѣ находились и рукописи его романа «Рѣка временъ», надь которымъ онъ долго работалъ и съ которымъ много связывалъ. К.Н. беретъ всѣ рукописи и неожиданно бросаетъ въ пылающій каминъ, гдѣ онѣ сгораютъ. Дѣйствуетъ онъ, повидимому, въ полусознательномъ состояніи. Онъ приноситъ первую жертву Богу, онъ жертвуетъ тѣмъ, что дороже всего творцу. Пережитая К. Н. драма напоминаетъ драму Гоголя, но послѣдствія ея иныя. Быть можетъ именно потому, что К. Н. началъ новую жизнь послѣ религіознаго переворота съ жертвы своимъ творчествомъ, творчество его не пресѣкается и не умаляется, а усиливается и расцвѣтаетъ. «Знаете ли Вы, пишетъ онъ впослѣдствіи А. Александрову, что я двѣ самыя лучшія свои вещи, романъ и не-романъ («Одиссея» и «Византизмъ и Славянство») написалъ *послѣ 1½ года общенія съ Аѳонскими монахами*, чтенія аскетическихъ писателей и *жесточайшей* плотской духовной борьбы съ самимъ собою?». И оптинскіе старцы благословляютъ его на писаніе, не требуютъ отъ него отказа отъ творчества. Сожженіемъ «Рѣки временъ» онъ уже что-то преодолѣваетъ въ себѣ. Въ это время въ Салоникахъ онъ производитъ на другихъ настолько странное впечатлѣніе, что въ городѣ рѣшили, что русскій консулъ помѣшался. Онъ бросаетъ консульство на произволъ судьбы, извѣщаетъ посла, что не можетъ управлять имъ по болѣзни, и вновь ѣдетъ на Аѳонъ. На этотъ разъ онъ остается на Аѳонѣ около года. Въ то время на Аѳонѣ были замѣчательные старцы о. Іеронимъ и о. Макарій, которые и дѣлаются духовными руководителями К. Н. Для исполненія

клятвеннаго обѣщанія, даннаго Божьей Матери, К. Н. проситъ своихъ наставниковъ постричь его въ монахи. Но мудрые старцы отклоняютъ его просьбу. Они прозорливо видѣли, что К. Н. не готовъ еще для монашества, что характеръ у него слишкомъ страстный и порывистый, что въ міру не все еще предназначенное ему имъ изжито, что подвигъ монашества былъ бы для него слишкомъ труденъ. К. Н. возвращается въ міръ, но сохраняетъ въ глубинѣ души своей рѣшеніе раньше или позже уйти въ монастырь. Отнынѣ міру онъ принадлежитъ лишь наполовину. Внѣшній видъ его мѣняется. Онъ уже не имѣетъ вида человѣка, ищущаго наслажденія и упоеннаго земной жизнью. По внѣшнему виду своему онъ производитъ впечатлѣніе осунувшееся, понуренное, сосредоточенное. Онъ снимаетъ ненавистный ему сюртукъ и надѣваетъ что-то среднее между поддевкой и подрясникомъ, кафтанъ, въ которомъ остается до конца жизни, снимая его лишь въ крайнихъ случаяхъ.

К. Н. выходитъ въ отставку съ пенсіей и поселяется на продолжительное время въ Константинополѣ. Вращается онъ главнымъ образомъ въ посольскихъ кругахъ. На него смотрятъ какъ на мечтателя и неосновательнаго человѣка, но интересуются имъ и дружатъ съ нимъ. Жизнь въ Константинополѣ онъ считаетъ счастливымъ временемъ своей жизни. Душевная буря послѣ пребыванія на Аѳонѣ улеглась. Онъ ведетъ свѣтскую и разнообразную жизнь, внѣшне мало отличающуюся отъ прежней. Но внутренне онъ уже другой человѣкъ. Онъ остался эстетомъ и натуралистомъ, но религіозный мотивъ — исканіе спасенія, дѣлается господствующимъ.

К. Н. окончательно становится православнымъ, но окончательно христіаниномъ онъ не сдѣлается никогда. Этотъ періодъ константинопольской жизни былъ самымъ плодотворнымъ въ литературномъ отношеніи. Въ это время онъ написалъ самую значительную свою вещь «Византизмъ и Славянство». У него выработалось цѣльное міровоззрѣніе и явилась потребность изложить его. Свою философію исторіи и общества онъ пріурочиваетъ къ вопросамъ славянской политики на Востокѣ. Таковъ его боевой темпераментъ. Въ это же время онъ написалъ «Одиссея Полихроніадиса», напечатаннаго въ «Русскомъ Вѣстникѣ». А «Византизмъ и Славянство» Катковъ отказался печатать въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Весной 1874 г. К. Н. окончательно и уже навсегда покидаетъ Константинополь и Востокъ и возвращается сначала въ Москву, а потомъ въ Кудиново. Начинается новый, трудный и страдальческій періодъ его жизни.

ГЛАВА III.

«Византизмъ и Славянство». Натуралистическій характеръ мышленія. Либерально-эгалитарный процессъ. Аристократическая мораль. Эстетическое ученіе о жизни.

I.

У К. Н. Леонтьева не было сложныхъ познавательныхъ интересовъ и широкаго познавательнаго кругозора. Идеи его — остры и радикальны, но не отличаются большимъ разнообразіемъ, и богатствомъ. Онъ искалъ сложной и разнообразной жизни, а не сложнаго и разнообразнаго познанія. Онъ не принадлежитъ къ гностическому духовному типу. Это былъ человѣкъ необыкновенно сильнаго и остраго ума, одинъ изъ умнѣйшихъ русскихъ людей. Но умъ его былъ по преимуществу эмпирическій, а не метафизическій. Онъ совсѣмъ не силенъ въ діалектикѣ и не можетъ мыслить отвлеченно. Онъ самъ признаетъ, что для него непривычны «натуги непрерывной метафизико-діалектической нити» и что онъ заботится о «методѣ дѣйствительной жизни». Никакой философской школы у него не чувствуется, а всегда

чувствуется школа натуралиста и дарованіе художника. «Сознаюсь, что когда я пишу, то больше думаю о живой психологіи человѣчества, чѣмъ о логикѣ; больше забочусь о наглядномъ изложеніи, чѣмъ о послѣдовательности и строгой связи мыслей. Меня самого, при чтеніи чужихъ произведеній, очень скоро утомляетъ строгая послѣдовательность отвлеченной мысли; глубокія отвлеченія мнѣ тогда только понятны, когда при чтеніи у меня въ душѣ сами собой являются *примѣры*, живые образы, какія-нибудь иллюстраціи, хотя бы смутно, туманно, мимолетно, но все-таки живописующія эту чужую логику, насильно мнѣ навязанную; или же пробуждаются, вспоминаются какія-нибудь собственныя *чувства*, соотвѣтствующія этимъ чужимъ отвлеченіямъ. Самыя же эти такъ называемыя «начала» мнѣ мало доступны... Когда мнѣ говорятъ *начало любви*, я понимаю эти слова очень смутно до тѣхъ поръ, пока я не вспоминаю о разныхъ живыхъ проявленіяхъ чувства любви... Вотъ какъ я слабъ въ метафизикѣ». Онъ предпочитаетъ богословіе метафизикѣ, потому что его можно прикрѣпить къ Евангелію, къ соборамъ, къ папской непогрѣшимости и т.п. болѣе зримымъ и осязаемымъ вещамъ. «Я не признаю себя сильнымъ въ метафизикѣ, пишетъ онъ К. Н. Александрову, и всегда боюсь, что я что-нибудь слишкомъ реально и по-человѣчески, а не по-философски понялъ. Я *чувствую* психологію болѣе конкретную, но когда начинается психологія болѣе *метафизическая*, у меня начинаетъ «животы подводить» отъ страха, что я не пойму», Въ метафизикѣ, въ области отвлеченной мысли, онъ всегда пассовалъ передъ Вл. Соловьевымъ и признавалъ

его превосходство. Онъ не платоникъ, не созерцатель общихъ идей. Онъ остался натуралистомъ и въ религіозный періодъ своей жизни. Но его натуралистическія изслѣдованія и построенія были усложнены его эстетическими оцѣнками и религіозными критеріями. Натуралистическіе, эстетическіе и религіозные мотивы дѣйствуютъ въ немъ свободно и самостоятельно, не насилуя другъ друга, но, въ концѣ концовъ, ведутъ къ высшей истинѣ, въ которой совпадаютъ всѣ критеріи и оцѣнки. К. Леонтьевъ былъ необычайно свободный умъ, одинъ изъ самыхъ свободныхъ русскихъ умовъ, ничѣмъ не связанный, совершенно независимый. Въ немъ было истинное свободомысліе, которое такъ трудно встрѣтить въ русской интеллигентской мысли. Этотъ «реакціонеръ» былъ въ тысячу разъ свободнѣе всѣхъ русскихъ «прогрессистовъ» и «революціонеровъ». У него нужно искать свободомыслія родственнаго свободомыслію Ницше. К. Н. говоритъ, что «свобода лица привела личность только къ большей безотвѣтственности и ничтожеству». Онъ дѣлаетъ рѣзкое различіе между «юридической свободой лица и живымъ развитіемъ личности, которое возможно даже и при рабствѣ». Онъ глубоко понялъ, что «индивидуализмъ губитъ индивидуальность людей, областей и націй». «Свернувши круто, пишетъ К. Н. со свойственнымъ ему радикализмомъ и остротой, съ пути эмансипаціи общества и лицъ, мы *вступили на путь эмансипаціи мысли*». И по истинѣ все русское «эмансипаціонное» движеніе, освобождающее общество и лицо, не только не привело къ эмансипаціи мысли, но окончательно поработило мысль. К. Леонтьевъ «эмансипировалъ»

мысль — въ этомъ одна изъ великихъ его заслугъ. Въ немъ было «живое развитіе личности», «индивидуальность», а не индивидуализмъ, не отвлеченная «свобода лица».

Въ своихъ соціологическихъ изслѣдованіяхъ К. Леонтьевъ хотѣлъ быть холоднымъ, безучастнымъ къ человѣческимъ страданіямъ, объективнымъ. Въ этомъ онъ былъ прямой противоположностью русской «субъективной школѣ въ соціологіи». Какъ соціологъ, онъ рѣшительно не хочетъ быть моралистомъ и проповѣдывать любовь къ человѣчеству. Онъ относится къ соціологіи, какъ къ зоологіи, къ которой, кстати сказать, имѣлъ вкусъ и склонность. «Есть люди очень гуманные, но гуманныхъ государствъ не бываетъ. Гуманно можетъ быть *сердце* того или другого правителя; но нація и государство — не человѣческій организмъ. Правда, и они организмы, но другого порядка; они суть *идеи*, воплощенныя въ извѣстный общественный строй. У *идей* нѣтъ гуманнаго сердца. Идеи неумолимы и жестоки, ибо онѣ суть не что иное, какъ ясно или смутно сознанные законы природы и исторіи». «Страданія сопровождаютъ одинаково и процессъ роста и развитія, и процессъ разложенія. Все болитъ у древа жизни людской... *Боль для соціальной жизни, это самый послѣдній изъ признаковъ, самый неуловимый;* ибо онъ субъективенъ». Вотъ съ какой умственной настроенностью подходитъ К. Леонтьевъ къ изслѣдованію общественнаго процесса. И этотъ паѳосъ жестокаго и безпощаднаго натуралиста, объективнаго физіолога и патолога человѣческаго общества находитъ себѣ санкцію въ его эстетическихъ

оцѣнкахъ и въ его религіозной вѣрѣ. Онъ съ религіознымъ паѳосомъ и съ эстетическимъ любованіемъ утверждаетъ дѣйствіе желѣзной природной необходимости въ человѣческомъ обществѣ, объективно-природныя основы общества, не допускающія субъективнаго человѣческаго произвола. *Въ законахъ природы, дѣйствующихъ въ исторіи, онъ видитъ Бога и красоту.* Онъ открываетъ божественное начало не въ человѣческой свободѣ, а въ природной необходимости. Въ этомъ родственъ онъ Ж. де Местру и французской контръ-революціонной католической школѣ, хотя, повидимому, онъ не былъ съ ней знакомъ. Натурализмъ К. Леонтьева приводилъ къ тому, что онъ не понималъ категоріи свободы, не понималъ творческаго значенія духа въ жизни общества.

К. Н. былъ, въ сущности, добрый, мягкій человѣкъ, съ любовью и вниманіемъ относившійся къ людямъ. Это видно изъ его писемъ, изъ воспоминаній о немъ, изъ всей исторіи его жизни. Ужъ навѣрное въ немъ было больше доброты и любви къ людямъ, чѣмъ у Н. Михайловскаго, проповѣдывавшаго гуманную и сердечную «субъективную соціологію». Добрымъ и нѣжнымъ человѣкомъ былъ вѣдь и Ж. де Местръ. Опубликованіе его переписки всѣхъ изумило. Не могли понять, какъ это тотъ, кто проповѣдывалъ апоѳеозъ палача и искупленіе кровью невинныхъ жертвъ, оказался такимъ прекраснымъ человѣкомъ. Жестокія идеи К. Леонтьева тоже внушали самое превратное о немъ мнѣніе. Онъ пишетъ о себѣ А. Александрову: «Я, хоть и никогда не проповѣдую «чистую мораль» и терпѣть не могу, когда пишутъ о

«любви» къ человѣчеству, но самъ не совсѣмъ уже, какъ Вамъ, я думаю, извѣстно, лишенъ нравственныхъ и добрыхъ чувствъ». Въ воспоминаніяхъ своихъ онъ говоритъ о той «любви къ людямъ, о которой я никогда не проповѣдывалъ перомъ, предоставляя это другимъ, но искреннимъ и горячимъ движеніямъ которой я, конечно, никогда не былъ чуждъ. Близкіе мои знаютъ это». И это подтверждаютъ всѣ знавшіе его. К. Н. любилъ конкретныхъ живыхъ людей, встрѣчавшихся ему на жизненномъ пути, онъ не любилъ отвлеченнаго человѣчества и отвлеченнаго человѣка, отвлеченнаго человѣческаго блага и человѣческой пользы. Безпощадная натуралистическая соціологія не мѣшала этой любви къ живымъ людямъ, она не допускала лишь любви къ отвлеченному человѣчеству, къ утопіямъ земного всеблаженства. Эстетика К. Н. относилась съ отвращеніемъ къ отвлеченному человѣчеству и къ земному всеблаженству, но нисколько не противорѣчила любви къ живымъ людямъ Это очень важно выяснить о личности К. Леонтьева. И христіанство его находило себѣ сердечный исходъ въ любви къ живымъ людямъ, а не отвлеченному человѣчеству и отвлеченному человѣческому благу. Въ обществѣ онъ видѣлъ организмъ иного порядка, чѣмъ организмъ человѣческій, и къ нему относился иначе, чѣмъ къ живой человѣческой душѣ. И въ этомъ онъ возвышался надъ обычнымъ русскимъ отношеніемъ къ проблемѣ общества, отношеніемъ сентиментальнымъ, отрицающимъ органическую реальность общества и примѣняющаго къ нему исключительно субъективно-моральныя категоріи. Благодаря такому подходу К. Леонтьеву удалось сдѣлать нѣкоторыя со-

ціологическія открытія, которыя ждутъ еще своей оцѣнки и которыя подтверждаются жизненнымъ общественнымъ процессомъ. «Будемъ строги въ политикѣ; будемъ, пожалуй, жестоки и безпощадны въ «государственныхъ» дѣйствіяхъ; но въ «личныхъ» сужденіяхъ нашихъ не будемъ исключительны. Суровость политическихъ дѣйствій есть могущество и сила національной воли; узкая строгость личныхъ сужденій есть слабость ума и бѣдность жизненной фантазіи». Вотъ почему К. Н. былъ добрымъ и мягкимъ человѣкомъ и жестокимъ и суровымъ соціологомъ. У насъ же слишкомъ часто бываетъ наоборотъ. Типъ К. Н. не только эстетически, но и этически выше. Такъ и Ж. де Местръ былъ выше, чѣмъ Ж. Ж. Руссо. Но всей тревожности и сложности вопроса объ осуществленіи христіанской правды въ жизни общества Леонтьевъ никогда не понималъ изъ за своего натурализма и прирожденнаго своего язычества.

На соціологическое ученіе К. Леонтьева имѣлъ вліяніе Н. Данилевскій своей книгой «Россія и Европа», хотя онъ и стоялъ многими головами ниже. Н. Данилевскій тоже былъ натуралистомъ по складу ума и образованія. И онъ натуралистически обосновывалъ нѣкоторыя славянофильскія идеи. Но уже Данилевскій упрекалъ славянофиловъ въ «увлеченіи общечеловѣческимъ» и въ томъ, что ученіе ихъ «было не чуждо оттѣнка гуманитарности». Онъ уже училъ натуралистически о періодахъ цвѣтенія и упадка, дряхлѣнія цивилизацій, и въ Европѣ, въ романо-германскомъ культурно-историческомъ типѣ видѣлъ начало отцвѣтанія и одряхлѣнія. Данилевскій развилъ теорію культурно-истори-

ческихъ типовъ и пытался установить самобытный славянскій культурно-историческій типъ, который долженъ итти на смѣну типу романо-германскому. Эта теорія, довольно произвольная и, въ чистомъ видѣ, совершенно непріемлемая, оплодотворила мысль К. Леонтьева и дала въ немъ оригинальные плоды. По складу мышленія и подходу къ вопросамъ Данилевскій былъ ему ближе старыхъ славянофиловъ, которые никакого непосредственнаго вліянія на него не оказывали. И у Данилевскаго и у Леонтьева было иное отношеніе къ прошлому Европы, не такое отрицательное, какъ у старыхъ славянофиловъ. Данилевскій даетъ Леонтьеву научный аппаратъ, которымъ онъ пользуется для совершенно своеобразнаго построенія, родившагося изъ совершенно другихъ внутреннихъ мотивовъ и интересовъ. Со свойственнымъ К. Н. благороднымъ безкорыстіемъ, отсутствіемъ завистливаго и самолюбиваго соревнованія, онъ оцѣниваетъ Данилевскаго и его вліяніе на себя выше, чѣмъ тотъ этого заслуживаетъ, хотя нельзя отрицать того, что Данилевскій былъ умный и своеобразный мыслитель. Но мышленіе самого К. Н. было жизненно-конкретнымъ. Вотъ что говоритъ онъ о томъ, какъ написана лучшая его вещь «Византизмъ и Славянство», въ которую онъ вложилъ всю свою общественную философію: «Безъ ученой подготовки, безъ достаточныхъ книжныхъ источниковъ подъ рукой, подчиняясь только внезапно охватившему мою душу огню, я написалъ эту вещь «Византизмъ и Славянство». Сила моего вдохновенія въ то время (въ 73 году) была до того велика, что я самъ теперь дивлюсь моей тогдашней смѣлости». Тол-

чекъ для написанія «Византизма и Славянства» дала восточная политика. К. Н. не могъ писать безъ непосредственныхъ жизненныхъ импульсовъ. Но внутреннихъ побужденій, опредѣлявшихъ всю его философію исторіи, нужно искать глубже. Это — побужденія прежде всего эстетическія, въ концѣ концовъ вызвавшія творческую работу мысли и давшія плодъ познавательный. Надъ философіей исторіи, надъ судьбой обществъ, государствъ и культуръ, надъ движущими пружинами общественнаго процесса К. Н. глубоко задумался прежде всего потому, что его эстетически ранила и ужаснула одна мысль, на которую натолкнула его картина современной Европы: «Не ужасно ли и не обидно ли было бы думать, что Моисей всходилъ на Синай, что эллины строили свои изящные Акрополи, римляне вели Пуническія войны, что геніальный красавецъ Александръ въ пернатомъ какомъ-нибудь шлемѣ переходилъ Граникъ и бился подъ Арбеллами, что апостолы проповѣдывали, мученики страдали, поэты пѣли, живописцы писали и рыцари блистали на турнирахъ *для того только, чтобы французскій или нѣмецкій или русскій буржуа въ безобразной комической своей одеждѣ* благодушествовалъ бы «индивидуально» и «коллективно» на развалинахъ всего этого прошлаго величія?... Стыдно было бы за человѣчество, если бы этотъ подлый идеалъ всеобщей пользы, мелочнаго труда и позорной прозы восторжествовалъ бы навѣки!»

Передъ К. Леонтьевымъ сталъ образъ *мѣщанства*, какъ послѣдній результатъ либерально-эгалитарнаго процесса, которымъ захвачена Европа. И онъ ужаснулся,

содрогнулся отъ отвращенія. Опасность европейскаго мѣщанства почувствовалъ уже Герценъ, котораго К. Н. очень любилъ и который имѣлъ на него нѣкоторое вліяніе. Но К. Леонтьевъ острѣе почувствовалъ проблему мѣщанства и глубже поставилъ ее. И на Западѣ боролись противъ надвигающагося мѣщанства и буржуазности Карлейль, Нитцше, Ибсенъ, Л. Блуа. Но одинъ лишь Л. Блуа, подобно К. Леонтьеву, углубилъ эту проблему до религіозныхъ ея первооcновъ. К. Н. почувствовалъ сначала эстетическую, а потомъ и религіозную ненависть къ «прогрессу», который ведетъ къ царству мѣщанства, онъ возненавидѣлъ свободу и равенство, какъ главныя, по его мнѣнію, орудія мѣщанскаго царства. У К. Н. было иное отношеніе къ Европѣ, чѣмъ у славянофиловъ. Онъ почти влюбленъ въ великое прошлое Европы. Онъ любилъ въ Европѣ «то, что въ преданіяхъ ея прекрасно: рыцарство, тонкость, романтизмъ», любилъ поэзію папъ и противополагалъ ее прозѣ западныхъ рабочихъ. «Въ жизни европейской было больше разнообразія, больше лиризма, больше сознательности, больше разума и больше страсти, чѣмъ въ жизни другихъ, прежде погибшихъ историческихъ міровъ. Количество первоклассныхъ архитектурныхъ памятниковъ, знаменитыхъ людей, священниковъ, монаховъ, воиновъ, правителей, художниковъ, поэтовъ было больше, войны громаднѣе, философія глубже, богаче, религія безпримѣрно пламеннѣе (напр. эллино-римской), аристократія рѣзче римской, монархія въ отдѣльныхъ государствахъ опредѣленнѣе римской; вообще самые принципы, которые легли въ основаніе европейской государствен-

ности, были гораздо многосложнѣе древнихъ». И К.Н. не можетъ простить Европѣ, что она отреклась отъ своего благороднаго прошлаго. Это — совсѣмъ не славянофильская настроенность. Онъ не былъ врагомъ тѣхъ принциповъ, которые были положены въ основу европейской культуры — католичества, феодализма, рыцарства. Онъ былъ врагомъ измѣны этимъ принципамъ, самими же принципами эстетически восторгался. Мѣщанство побѣдило католичество, аристократію, поэзію старой Европы. «Со времени объявленія «правъ человѣка», ровно 100 лѣтъ назадъ началось пластическое искаженіе образа человѣческаго на демократизируемой (т.е. опошляемой) землѣ». Умерла «поэзія жизни» и осталась лишь «поэзія отраженій». «Поэзія жизни» была въ средніе вѣка и въ эпоху Возрожденія. Эти эпохи только и любилъ К. Н. Идеалъ европейской демократіи онъ называетъ «неслыханно-прозаическимъ» и восхваляетъ Герцена за то, что тотъ понялъ это. Что вышло бы отъ торжества революціоннаго соціальнаго идеала во Франціи? «Обновилась ли бы народная физіономія француза? Ничуть; — она стерлась бы еще болѣе. Вмѣсто нѣскольких сотенъ тысячъ богатыхъ буржуа, мы бы получили милліоновъ сорокъ мелкихъ буржуа. По роду занятій, по имени, по положенію общественному они были бы не буржуа; по уму, по нравамъ, по всему тому, что, помимо политическаго положенія, составляетъ сумму качествъ живого лица и зовется его духовной физіономіей или характеромъ, — они были бы буржуа». К. Н. одинъ изъ первыхъ открылъ духовную буржуазность соціализма. «Глупо такъ слѣпо вѣрить, какъ нынче

большинство людей, по-европейски воспитанныхъ, въ нѣчто невозможное, въ конечное царство правды и блага на землѣ, въ мѣщанскій и рабочій, сѣрый и безличный земной рай... Глупо и стыдно, даже людямъ уважающимъ *реализмъ*, вѣрить въ такую *не-реальную* вещь, какъ счастье человѣчества, даже и приблизительное... Смѣшно служить такому идеалу, несообразному ни съ опытомъ исторіи, ни даже со всѣми законами и примѣрами естествознанія. Органическая природа живетъ разнообразіемъ, антагонизмомъ и борьбой; она въ этомъ антагонизмѣ обрѣтаетъ единство и гармонію, а не *въ плоскомъ униссонѣ*. Если исторія есть лишь самое высшее проявленіе органической жизни на землѣ, то и тогда разумный реалистъ не долженъ быть ни демократомъ, ни прогрессистомъ въ нынѣшнемъ смыслѣ. Нелѣпо, оставаясь реалистомъ въ геологіи, физикѣ, ботаникѣ, внезапно перерождаться, *на порогѣ соціологіи*, въ утилитарнаго мечтателя. Смѣшно, отвергая всякую положительную, ограничивающую насъ *мистическую ортодоксію*, считая всякую подобную вѣру удѣломъ наивности или отсталости, поклоняться *ортодоксіи прогресса*, кумиру поступательнаго движенія». Нелѣпая и мелкая мечта о земномъ благоденствіи противорѣчитъ всему, — и эстетическимъ идеаламъ, и религіознымъ вѣрованіямъ, и нравственнымъ понятіямъ, и наукѣ. Человѣку нуженъ опытъ, и онъ на опытѣ убѣдится, что «прогрессъ равномѣрнаго счастья» невозможенъ и что онъ лишь готовитъ почву для новаго неравенства и новыхъ страданій. «Я въ правѣ презирать такое блѣдное и недостойное человѣчество, безъ пороковъ, правда, но и безъ добродѣтелей,

и не хочу ни шагу сдѣлать для подобнаго прогресса!.. И даже больше! если у меня нѣтъ власти, я буду страстно мечтать о поруганіи идеала всеобщаго равенства и всеобщаго безумнаго движенія; я буду разрушать такой порядокъ, если власть имѣю, ибо я слишкомъ люблю человѣчество, чтобы желать ему такую спокойную, быть можетъ, но пошлую и унизительную будущность!». «Прогрессивныя идеи грубы, просты и всякому доступны. Идеи эти казались умными и глубокими, пока были достояніемъ немногихъ избранныхъ умовъ. Люди высокаго ума облагораживали ихъ своими блестящими дарованіями; сами же идеи, по сущности своей, не только ошибочны, они, говорю я, грубы и противны. *Благоденствіе земное* вздоръ и *невозможность;* царство *равномѣрной и всеобщей человѣческой правды* на землѣ — вздоръ и даже обидная *неправда, обида лучшимъ. Божественная истина Евангелія земной правды не обѣщала, свободы юридической не проповѣдывала,*а только нравственную, духовную свободу, доступную и въ цѣпяхъ. *Мученики за вѣру были при туркахъ; при бельгійской конституціи едва ли будутъ и преподобные*». Стиль К. Н. достигаетъ высокаго патетизма. Никто еще не изобличалъ такъ геніально остро низости и уродства идеи земного равнаго благополучія человѣчества. Онъ — самый крайній врагъ эвдемонизма. «О, ненавистное равенство! О, подлое однообразіе! О, треклятый прогрессъ! О, тучная, усыренная кровью, но живописная гора всемірной исторіи! Съ конца прошлаго вѣка ты мучаешься новыми родами. И изъ страдальческихъ нѣдръ твоихъ выползаетъ мышь. Рождается самодовольная

каррикатура на прежнихъ людей; *среднiй рацiональный европеецъ*, въ своей смѣшной одеждѣ, *неизобразимой* даже въ идеальномъ зеркалѣ искусства; съ умомъ мелкимъ и самообольщеннымъ, со своей ползучей по праху земному практической благонамѣренностью! Нѣть, ни когда еще въ исторiи до нашего времени не видалъ никто такого уродливаго сочетанiя умственной гордости передъ Богомъ и нравственнаго смиренiя передъ идоломъ однороднаго, сѣраго рабочаго, *только рабочаго* и *безбожно-безстрастнаго* всечеловѣчества! Возможно ли любить *такое* человѣчество?.» «Не слѣдуетъ ли ненавидѣть не самихъ людей, заблудшихъ и глупыхъ,—«а такое *будущее* ихъ, всѣми силами даже и христiанской души?». Ясно, что К. Н. эстетически любитъ *органическiе* перiоды человѣческой исторiи, *органическое* строенiе общества и не любитъ *критическихъ* перiодовъ, *критическое* строенiе общества. Общество было для него организмомъ и выходъ его изъ органическаго состоянiя означалъ разложенiе и смерть. Проблема соцiологiи и философiи исторiи была для него не только бiологическая проблема, но прежде всего эстетическая. Онъ задумывался надъ вопросами соцiологiи и философiи исторiи подъ вліянiемъ эстетическихъ впечатлѣнiй. И въ сознанiи его произошло сближенiе и совпаденiе эстетическихъ и натуралистическихъ воспрiятiй и критерiевъ. Это отождествленiе эстетической и бiологической оцѣнки можетъ быть охарактеризовано, какъ элементъ натуралистическаго оптимизма въ его мiросозерцанiи. Но въ противорѣчiи со своими прозрѣнiями неизбѣжности соцiальной революцiи, К. Леонтьевъ какъ будто бы считаетъ невозмо-

жнымъ и противорѣчащимъ грѣховной природѣ человѣка осуществленіе соціализма и соціальныхъ утопій, Въ дѣйствительности же соціальный идеалъ самого Леонтьева есть большая утопія, чѣмъ соціализмъ.

III.

Что представляютъ изъ себя съ точки зрѣнія соціальной науки, безстрастной натуралистической науки, тѣ результаты европейскаго прогресса, которые вызвали въ К. Леонтьевѣ эстетическое отвращеніе и ужасъ? Что такое демократическое уравненіе и смѣшеніе, надвигающееся царство мѣщанства, какъ органическій общественный процессъ? У К. Н. есть и другой языкъ, которымъ онъ говоритъ объ общественныхъ явленіяхъ, не только языкъ художника и эстетика, страстнаго публициста и политика, — языкъ натуралиста-соціолога. Самъ онъ , повидимому, придавалъ большое значеніе своей натуралистическо-соціологической теоріи, ждалъ серьозной критики, но такъ и не дождался. Онъ не былъ ученымъ, не былъ спеціалистомъ, не обладалъ большой начитанностью, и люди академическаго склада назовутъ его диллетантомъ. Но самыя глубокія интуиціи въ общественной философіи принадлежатъ не ученымъ академическаго склада, а свободнымъ мыслителямъ. Одинъ Ж. де Местръ или одинъ Чаадаевъ стоитъ многихъ профессоровъ-спеціалистовъ. Необходимо прислушаться внимательнѣе, какъ К. Леонтьевъ говоритъ языкомъ холодной, безстрастной, суровой науки. «Что касается

до соціальной науки, то разъ она принуждена была допустить, что всякое общество и государство, всякая нація и всякая культура — суть своего рода организмы, — а во всякомъ организмѣ развитіе выражается *дифференцированіемъ* (органическимъ раздѣленіемъ) *въ единствѣ*, то она должна допустить и обратное, т.е., что близость разложенія выражается *смѣшеніемъ* того, *что прежде было дифференцировано*, а потомъ, при большой *однородности* положеній, правъ и потребностей, *ослабленіемъ единства*, царившаго прежде въ богатой разновидности составныхъ частей. Распаденіе же на части, какъ результатъ ослабленія единства, есть конецъ всему». Подобно Спенсеру К. Леонтьевъ хочетъ найти *формулу* органическаго *развитія* общества. Спенсера онъ не зналъ, когда писалъ — «Византизмъ и Славянство», но впослѣдствіи прочелъ и призналъ, что у нихъ общая исходная точка зрѣнія. Понятіе развитія у Леонтьева чисто натуралистическое, оно взято изъ естественныхъ наукъ и въ немъ нѣтъ нравственной оцѣнки. Но онъ хочетъ найти не только формулу органическаго развитія общества, но и формулу наибольшаго органическаго совершенства общества, формулу его высшаго цвѣтенія. «*Идея развитія* соотвѣтствуетъ въ тѣхъ реальныхъ, точныхъ наукахъ, изъ которыхъ она перенесена въ историческую область, *нѣкоему сложному процессу* и, замѣтимъ, *нерѣдко вовсе противоположному съ процессомъ распространенія*, *развитія*, процессу какъ бы враждебному этому послѣднему процессу». Процессъ развитія въ органической жизни значитъ вотъ что: «*Постепенное восхожденіе отъ простѣйшаго къ сложнѣйшему*, по

степенная индивидуализація, *обособленіе, съ одной стороны отъ окружающаго міра, а съ другой — отъ сходныхъ и родственныхъ организмовъ, отъ всѣхъ сходныхъ и родственныхъ явленій*. Постепенный ходъ отъ безцвѣтности, отъ *простоты къ оригинальности и сложности*. Постепенное осложненіе элементовъ составныхъ, *увеличеніе богатства внутренняго* и въ тоже время *постепенное укрѣпленіе единства*. Такъ что *высшая точка развитія* не только въ органическихъ тѣлахъ, но и вообще въ органическихъ явленіяхъ, *есть высшая степень сложности, объединенная нѣкіимъ внутреннимъ деспотическимъ единствомъ*». Единство въ разнообразіи, цвѣтущая сложность — вотъ вершина органическаго развитія. Но всякій живой организмъ не только развивается, но и разлагается, идетъ къ смерти. Что такое разложеніе? Какова формула разложенія? «Что бы развитое мы ни взяли, болѣзни ли (органическій сложный и единый процессъ), или живое, цвѣтущее тѣло (сложный и единый организмъ), мы увидимъ одно, что разложенію и *смерти второго* (организма) и *уничтоженію перваго* (процесса) предшествуютъ явленія: упрощеніе составныхъ частей, *уменьшеніе числа признаковъ, ослабленіе единства*, силы и вмѣстѣ съ тѣмъ *смѣшеніе*. Все постепенно *понижается, мѣшается, сливается*, а потомъ уже распадается и гибнетъ, переходя въ нѣчто общее, не собой уже и не для себя существующее. Передъ окончательной гибелью индивидуализація какъ частей, такъ и цѣлаго, слабѣетъ. Гибнущее становится и однообразнѣе внутренно, и ближе къ окружающему міру, и сходнѣе съ родственными, близкими ему явленіями (т.е. *свободнѣе*)».

Для К. Н. въ обществѣ происходитъ совершенно тотъ же процессъ, что и въ организмѣ. Разложеніе, упрощеніе и смѣшеніе есть болѣзнь, ведущая къ смерти. Періодъ смѣсительнаго упрощенія есть періодъ дряхлости общества. Равенство всегда есть дряхлость. К. Н. устанавливаетъ три періода органическаго общественнаго процесса: «Все вначалѣ просто, потомъ сложно, потомъ вторично упрощается, *сперва уравниваясь и смѣшиваясь внутренно*, а потомъ еще болѣе упрощаясь отпаденіемъ частей и общимъ разложеніемъ, до перехода въ неорганическую «нирвану». «Тому же закону подчинены и государственные организмы и цѣлыя культуры міра. И у нихъ очень ясны эти три періода: 1)*первичной простоты*, 2) *цвѣтущей сложности* и 3) *вторичнаго смѣсительнаго упрощенія*».

Эту свою формулу К. Н. примѣняетъ къ новой исторіи. Теперь понятно, что означаетъ мѣщанство современной Европы, отталкивающіе результаты либерально-эгалитарнаго прогресса. Правда эстетическаго воспріятія и эстетической оцѣнки получила біологическое и соціологическое обоснованіе. Европа вступила въ третій періодъ, въ періодъ «вторичнаго смѣсительнаго упрощенія», въ европейскихъ обществахъ начинается одряхленіе и смерть.*) Развитіе кончилось и началось разложеніе. То, что называютъ «прогрессомъ» современные либералы, демократы и соціалисты и есть разложеніе, умираніе. Европа переживала періодъ «сложнаго цвѣ-

*) К. Леонтьевъ уже болѣе 50 лѣтъ тому назадъ открылъ то, что теперь на Западѣ по своему открываетъ Шпенглеръ.

тенія» въ эпоху Возрожденія. «Новое сближеніе съ Византіей и, черезъ ея посредство, съ античнымъ міромъ, привело немедленно Европу къ той блистательной эпохѣ, которую привыкли звать Возрожденіемъ, но которую лучше бы звать эпохой *сложнаго цвѣтенія* Запада; ибо такая эпоха, подобная Возрожденію, была у всѣхъ государствъ и во всѣхъ культурахъ, эпоха *многообразнаго и глубокаго развитія, объединеннаго въ высшемъ духовномъ и государственномъ единствѣ всего, или частей»*. Эпоха «сложнаго цвѣтенія» предполагаетъ сложное, дифференцированное, разнородное и разнообразное строеніе общества, неравенство сословій и классовъ, существованіе аристократіи, сильной государственности, великихъ людей, возвышающихся надъ массой, геніевъ и святыхъ. Страсть къ равенству и къ смѣшенію влечетъ общества и культуры къ смерти. Демократическія движенія означаютъ распаденіе общественнаго организма, наступленіе старости, умираніе. К. Н. открываетъ что-то въ родѣ закона энтропіи въ соціальной жизни. «Вся Европа съ XVIII столѣтія *уравнивается* постепенно, *смѣшивается вторично*. Она *была проста и смѣшана* до IX вѣка; она хочетъ быть опять *смѣшана* въ XIX вѣкѣ. Она прожила 1000лѣтъ! *Она не хочетъ болѣе морфологіи!* Она стремится посредствомъ этого смѣшенія къ идеалу *однообразной простоты* и, не дойдя до него еще далеко, должна будетъ пасть и уступить мѣсто другимъ!» Что такое форма? «*Форма есть деспотизмъ внутренней идеи, не дающій матеріи разбѣгаться*. Разрывая узы этого естественнаго деспотизма, явленіе гибнетъ... Кристаллизація есть деспотизмъ внутренней

идеи». Деспотизмъ внутренней идеи въ современномъ обществѣ исчезаетъ, оно теряетъ форму и декристаллизуется. «Между эгалитарно-либеральнымъ поступательнымъ движеніемъ и идеей развитія нѣтъ ничего логически родственнаго, даже болѣе: *эгалитарно-либеральный процессъ есть антитеза процессу развитія*. При послѣднемъ внутренняя идея держитъ крѣпко общественный матеріалъ въ своихъ организующихъ, деспотическихъ объятіяхъ и ограничиваетъ его разбѣгающіяся, расторгающія стремленія. Прогрессъ же, борющійся противъ всякаго деспотизма — сословій, монастырей, даже богатства и.т.п. есть *ни что иное, какъ процессъ разложенія*, процессъ вторичнаго *упрощенія цѣлаго и смѣшеніе составныхъ частей*... Явленія эгалитарно-либеральнаго прогресса схожи съ явленіями горѣнія, гніенія, таянія льда; они сходны съ явленіями, напр., холернаго процесса, который постепенно обращаетъ весьма различныхъ людей сперва въ болѣе однообразные трупы (равенство), потомъ въ совершенно почти схожіе (равенство) остовы и, наконецъ, въ свободные: азотъ, водородъ, кислородъ и т.п.». «Европа вторично *смѣшалась въ общемъ видѣ своемъ*, составныя части ея стали противъ прежняго *гораздо сходнѣе, однообразнѣе, и сложность пріемовъ* прогрессивнаго процесса есть сложность, подобная *сложности какого-нибудь ужаснаго патологическаго процесса*, ведущаго шагъ за шагомъ *сложный организмъ къ вторичному упрощенію трупа, остова и праха!*» А «все истинно великое, и высокое, и прочное вырабатывается *никакъ не благодаря повальной свободѣ и равенству, а благодаря разно-*

образію положеній, воспитанія, впечатлѣній и правъ въ средѣ, объединенной какой-нибудь высшей и священной властью». Натуралистическій процессъ уравненія представляется К. Леонтьеву таинственнымъ процессомъ. Всѣ современныя силы «являются лишь слѣпыми орудіями той *таинственной воли*, которая шагъ за шагомъ ищетъ демократизировать, уравнять, смѣшать соціальные элементы сперва всей романо-германской Европы, а потомъ быть можетъ, и всего человѣчества».

К. Леонтьевъ очень оригинально опредѣляетъ отношеніе между прогрессистами и реакціонерами. До періода цвѣтущей сложности «всѣ прогрессисты правы, всѣ охранители неправы». «Послѣ цвѣтущей и сложной эпохи, какъ только начинается процессъ упрощенія и *смѣшенія* контуровъ, т.е. большее однообразіе областей, смѣшеніе сословій, подвижность и шаткость властей, приниженіе религіи, сходство воспитанія и т.п., какъ только деспотизмъ формологическаго процесса слабѣетъ, такъ, *въ смыслѣ государственнаго блага, всѣ прогрессисты становятся неправы въ теоріи, хотя и торжествуютъ па практикѣ*. Они неправы въ теоріи; ибо , думая исправлять, они разрушаютъ; они торжествуютъ на практикѣ; ибо идутъ легко по теченію, стремятся по наклонной плоскости. Они торжествуютъ, они имѣютъ громкій успѣхъ. *Всѣ охранители и друзья реакціи правы*, напротивъ, *въ теоріи*, когда начнется процессъ вторичнаго упростительнаго смѣшенія; *ибо они хотятъ лѣчить и укрѣплять организмъ*. Не ихъ вина, что нація не умѣетъ уже выносить дисциплину отвлеченной государственной идеи,

скрытой въ нѣдрахъ ея!» Это очень смѣлая постановка вопроса, въ ней есть безстрашный и подкупающій пессимизмъ. Точка зрѣнія К. Н. имѣетъ мало общаго съ банальнымъ реакціонерствомъ, это во всякомъ случаѣ свободная и дальновидная точка зрѣнія. К. Н. пытается дать единственное въ своемъ родѣ біологическое, соціологическое и эстетическое обоснованіе правды реакціи. Его реакціонерство вытекаетъ изъ любви къ развитію и цвѣтенію, къ культурѣ. Въ этомъ своеобразіе міросозерцанія К. Леонтьева, на которое не было обращено достаточно вниманія. Онъ — человѣкъ Возрожденія и потому реакціонеръ въ наше время. Онъ менѣе всего мракобѣсъ. Его реакціонерство связано съ любовью къ жизни, а не съ отвращеніемъ къ жизни. Онъ реакціонеръ совсѣмъ иного типа, чѣмъ напр. Побѣдоносцевъ, который, впрочемъ, тоже былъ глубже и тоньше, чѣмъ принято о немъ думать. «*Быть просто консерваторомъ* въ наше время было бы трудомъ напраснымъ. Можно любить прошлое, но нельзя *вѣрить* въ его даже приблизительное возрожденіе». «Въ *прогрессъ* надо вѣрить, но не какъ въ улучшеніе непремѣнно, а только какъ въ новое перерожденіе тягостей жизни, въ новые виды страданій и стѣсненій человѣческихъ. *Правильная вѣра въ прогрессъ* должна быть *пессимистическая*, а не благодушная, все ожидающая какой-то *весны*... Въ этомъ мыслѣ, я считаю себя, напр., гораздо больше *настоящимъ* прогрессистомъ, чѣмъ нашихъ либераловъ». Безстрашіе мысли характерно для К. Н. Онъ не дѣлаетъ себѣ никакихъ розовыхъ и оптимистическихъ иллюзій. Онъ прямо смотритъ въ глаза будущему, страшному

и отвратительному для него будущему, и предсказываетъ о немъ много вѣрнаго, уже сбывшагося и сбывающагося. Эстетика К. Н. требовала пессимизма и отвращалась отъ оптимизма. Его натурализмъ и его эстетизмъ влекутъ его къ пессимизму. Въ свободу же духа онъ не вѣритъ, не видитъ ея.

IV.

Натуралистическій критерій и натуралистическая формула развитія совпадаетъ у К. Леонтьева съ эстетическимъ критеріемъ и эстетической формулой. Путь натуралистическій и путь эстетическій приводятъ его къ одной и той же истинѣ. Онъ открываетъ какъ бы предустановленную гармонію законовъ природы и законовъ эстетики, т.е. признаетъ эстетическій смыслъ природной жизни. «Замѣчательно, что съ опредѣленіемъ идеи развитія въ природѣ вещественной соотвѣтствуетъ и основная мысль эстетики: единство въ разнообразіи, такъ называемая *гармонія*, въ сущности не только не исключающая антитезъ и борьбы, и страданій, но даже требующая ихъ». Эстетика К. Н. требуетъ существованія контрастовъ въ общественной жизни, нуждается въ существованіи зла и тьмы наряду съ свѣтомъ и добромъ. Но того же требуетъ и природное цвѣтеніе жизни. К. Леонтьевъ утверждаетъ всеобщій характеръ эстетическаго критерія. Въ замѣчательномъ письмѣ къ о. І. Фуделю онъ предлагаетъ такой чертежъ:

Мистика (особенно положительныя религіи)	Критерій только для единовѣрцевъ; ибо нельзя христіанина судить и цѣнить по мусульмански и наоборотъ.
Этика и политика.	Только для человѣка.
Біологія (физіологія человѣка, животныхъ и растеній, медицина и т. д.)	Для всего органическаго міра.
Физика (т. е. химія, механика и т. д.) и *Эстетика.*	Для всего.

Эстетическій критерій онъ считаетъ примѣнимымъ ко всему, т.е. во всемъ бытіи видитъ существенно эстетическіе признаки. Критерій же этическій захватываетъ сравнительно узкую сферу. При столкновеніи эстетики съ моралью, К. Н. отдаетъ онтологическое предпочтеніе эстетикѣ. «Въ явленіяхъ міровой эстетики есть нѣчто загадочное, таинственное и какъ бы досадное, потому что человѣкъ, *не желающій себя обманывать*, видитъ ясно, до чего часто эстетика съ моралью и съ видимой житейской пользой обречена вступать въ антагонизмъ и борьбу... Юлій Цезарь былъ гораздо безнравственнѣе Акакія Акакіевича, и даже Скобелевъ былъ несравненно развратнѣе многихъ современныхъ намъ «честныхъ тружениковъ», и если у вспомнившаго эти *факты* есть эстетическое чувство, то что ему дѣлать — коли *невозможно отвергнуть*, что въ Цезарѣ и Скобелевѣ въ тысячу разъ больше поэзіи, чѣмъ въ Акакіи Акакіевичѣ

и въ самомъ добромъ и честномъ изъ сельскихъ учителей». Этотъ «эстетическій аморализмъ» сближаетъ К. Леонтьева съ Нитцше. Но нужно сказать, что съ болѣе глубокой точки зрѣнія ни К. Леонтьевъ, ни Нитцше не были аморалистами. Въ концѣ концовъ К. Н. видѣлъ въ красотѣ — добро, а въ уродствѣ — зло. Вторичное упростительное смѣшеніе было для него не только уродствомъ, но и зломъ. И вѣрнѣе было бы сказать, что онъ утверждаетъ не аморализмъ въ общественной и исторической жизни, а иную мораль, несоизмѣримую съ моралью индивидуальной. Но его поразило и плѣнило, что «красивы, прекрасны, привлекательны и т.п. могутъ быть одинаково: какой нибудь кристаллъ и Александръ Македонскій, дерево и сидящій подъ нимъ аскетъ». «Эстетика, какъ критерій, приложима *ко всему*, начиная отъ минераловъ до человѣка. Она поэтому приложима и къ отдѣльнымъ человѣческимъ обществамъ и къ соціологическимъ, историческимъ задачамъ. Гдѣ много поэзіи — непремѣнно будетъ много вѣры, много религіозности и даже много *живой* морали... Эстетика *жизни* гораздо важнѣе отраженной эстетики искусства... Будетъ жизнь пышна, будетъ она богата и разнообразна борьбою силъ божественныхъ (религіозныхъ) и съ силами страстно-эстетическими (демоническими), *придутъ* и геніальныя *отраженія* въ искусствѣ». К. Н. устанавливаетъ тождество красоты съ жизнью, съ бытіемъ. Эстетическая цѣнность для него — первоцѣнность. Въ концѣ концовъ она тождественна со всякой цѣнностью, и съ общественно-политической, и съ моральной, и съ религіозной. Самая борьба божественныхъ и демоническихъ

началъ оправдывается эстетически, но она нужна и для высшихъ цѣлей жизни, для полноты жизни. И самое столкновенiе эстетики съ моралью служитъ полнотѣ жизни. К. Н. исповѣдывалъ своеобразный эстетическiй пантеизмъ, который долженъ будетъ столкнуться съ его религiознымъ теизмомъ. У него была своеобразная натуръ-философiя, но недостаточно раскрытая и обоснованная, не имѣющая никакого гносеологческаго фундамента. Въ основѣ этой натуръ-философiи лежитъ отождествленiе эстетики и бiологiи, красоты и жизни. «Культура тогда высока и влiятельна, когда въ этой развертывающейся передъ нами исторической картинѣ — много *красоты*, *поэзiи*. Основной же общiй законъ красоты есть *разнообразiе въ единствѣ*». Амoралистомъ К. Н. можно назвать лишь въ поверхностномъ и условномъ смыслѣ. Ибо, въ концѣ концовъ, онъ утверждаетъ тождество эстетики и морали, онъ провозглашаетъ особую мораль, какъ и Нитцше. Для него самое существованiе морали требуетъ разнообразiя и контраста, т.е. того же, чего требуетъ и эстетика. «Будетъ разнообразiе — будетъ и *мораль*... Ибо даже всеобщее равноправное и равномѣрное благоденствiе, если бы и осуществилось, на короткое время, то убило бы всякую мораль. Милосердiе, доброта, справедливость, самоотверженiе, все это только тогда и можетъ проявлягься, когда есть горе, неравенство положенiй, обиды, жестокость и т. д.». Осноная идея всей жизни К. Н. это — необходимость и благостность неравенства, контраста, разнообразiя, это идея и эстетическая, и бiологическая, и соцiологическая, и моральная, и религiозная. Онъ прозрѣваетъ ту онто-

логическую истину, что бытіе есть неравенство, а равенство есть небытіе. Онъ проповѣдуетъ не аморализмъ, а болѣе для него высокую мораль неравенства, мораль жизни въ красотѣ. Онъ религіозно вѣрилъ, что самъ Богъ хочетъ неравенства, контраста, разнообразія. Стремленіе къ равенству, къ смѣшенію, къ однообразію — враждебно жизни и безбожно. Демоническая эстетика ближе къ Богу, чѣмъ уравнительная мораль. Поэтому всѣ эстетическія оцѣнки К. Н. имѣютъ для него положительное и объективное соціально-политическое, моральное и религіозное значеніе и смыслъ. И также можно сказать, что натуралистическая соціологическая его теорія имѣетъ значеніе и смыслъ эстетическій, моральный и религіозный. Эстетическія оцѣнки у него имѣютъ характеръ цѣлостныхъ духовныхъ оцѣнокъ.

«Для меня сильный человѣкъ *самъ по себѣ*, яркое историческое и психологическое явленіе *само по себѣ дорого*... Мнѣ дорогъ Бисмаркъ *какъ явленіе, какъ характеръ, какъ примѣръ* многимъ, хотя бы и даже такъ было, что онъ намъ безусловный врагъ». Это оцѣнка эстетическая прежде всего, но также и оцѣнка моральная, въ концѣ концовъ, оцѣнка религіозно-онтологическая. «*Только тамъ много бытовой и всякой поэзіи, гдѣ много государственной и общественной силы.* Государственная сила — есть скрытый желѣзный остовъ, на которомъ великій художникъ — исторія лѣпитъ изящныя и могучія формы культурной человѣческой жизни».. Здѣсь опять эстетическая оцѣнка совпадаетъ съ оцѣнками другого порядка, общественно-государственной и моральной. «Все изящное, въ какомъ бы то ни было родѣ,

являясь въ дѣйствительности, не можетъ не крѣпить національной жизни; оно краситъ и славитъ ее». И тутъ совпаденіе оцѣнокъ. Приведу мѣста, которыя какъ будто бы оправдываютъ взглядъ на К. Леонтьева, какъ на аморалиста въ политикѣ, какъ на ужаснаго макіавелиста. «Хорошіе люди нерѣдко бываютъ хуже худыхъ. Личная честность, вполнѣ свободная, самоопредѣляющая нравственность могутъ *лично же* и нравиться, и внушать уваженіе, но въ этихъ непрочныхъ вещахъ *нѣтъ ничего политическаго, организующаго*. Очень хорошіе люди иногда ужасно вредятъ государству, если политическое воспитаніе ихъ ложно, а Чичиковъ, и городничіе Гоголя несравненно иногда полезнѣе ихъ для цѣлаго». «Я ничего не говорю *о сочувствіяхъ, о страданіяхъ* и т. п. Всѣ эти сердобольныя фразы ни къ чему не ведутъ. Откровенное обращеніе къ *интересамъ эгоистическимъ вѣрнѣе*». «Какое дѣло честной, исторической реальной наукѣ до неудобствъ, до потребностей, до деспотизма, до страданій? Не къ чему эти не научныя сантиментальности, столь выдохшіяся въ наше время, столь прозаическія вдобавокъ, столь бездарныя! Что мнѣ за дѣло въ подобномъ вопросѣ до самыхъ стоновъ человѣческихъ?... Государство есть какъ бы дерево, которое достигаетъ своего полнаго роста, цвѣта и плодоношенія, повинуясь нѣкоему таинственному, независящему отъ насъ деспотическому повелѣнію внутренней, вложенной въ него идеи». Эти мысли, положенныя въ основу соціологическихъ изслѣдованій К. Н., полярно противоположны субъективизму и морализму въ соціологіи. Но значитъ ли это, что онъ былъ аморалистъ?

Нѣтъ, онъ видѣлъ большую моральную высоту и правду въ холодномъ объективизмѣ, суровости, жестокости къ человѣческой природѣ, чѣмъ въ субъективномъ человѣческомъ произволѣ, въ человѣческихъ утилитарныхъ чувствахъ, въ идеѣ блага человѣчества. Это — другая мораль, хотя и мало христіанская. Когда К. Н. восклицаетъ: «вождей создаетъ не парламентаризмъ, а *реальная свобода, т. е. нѣкоторая свобода самоуправства.* Надо *умѣть* властвовать беззастѣнчиво!», онъ не аморалистъ, онъ проповѣдникъ морали власти, морали вождей и водителей противъ морали массъ и автономныхъ личностей. «Гдѣ это законное, *священное право насилія надъ волей нашей* ослабло и въ сознаніи самихъ принуждающихъ и въ сердцахъ принуждаемыхъ, тамъ, гдѣ утратились одинаково и умѣнье смѣло властвовать и умѣнье подчиниться съ любовью и страхомъ, тамъ уже не будетъ ни силы, ни жизни долгой, ни прочнаго, вѣкового порядка». Здѣсь опять эстетическая оцѣнка и эстетическій критерій совпадаетъ съ моральнымъ, съ государственнымъ, съ біологическимъ. «*Извѣстная степень лукавства въ политикѣ есть обязанность*». «Мистицизмъ практичнѣе, «раціональнѣе», такъ сказать, чѣмъ мелкое утилитарное безбожіе». «Они всѣ ставятъ идеаломъ будущаго *нѣчто* самимъ себѣ подобное — *европейскаго буржуа.* Нѣчто *среднее*; ни мужика, ни барина, ни воина, ни жреца, ни британца или баска, ни черкеса или тирольца, ни маркиза въ бархатѣ и перьяхъ, ни траписта во власяницѣ, ни прелата въ парчѣ... Эти люди прежде всего не знаютъ и не понимаютъ законовъ прекраснаго, ибо

всегда и вездѣ именно этотъ средній типъ менѣе эстетиченъ, менѣе выразителенъ, менѣе интенсивно и экстенсивно прекрасенъ, менѣе героиченъ, чѣмъ типы болѣе сложные или болѣе односторонне крайніе... *Это не научно именно потому, что оно не художественно*. Эстетическое мѣрило самое вѣрное, ибо оно *единственно* общее и ко всѣмъ обществамъ, ко всѣмъ религіямъ, ко всѣмъ эпохамъ приложимое». К. Н. убѣжденъ, что средній типъ буржуа не только антиэстетиченъ, но и есть приближеніе къ небытію, есть угашеніе жизни, т. е. въ концѣ концовъ амораленъ, антионтологиченъ, безбоженъ. Вотъ еще яркое мѣсто, подтверждающее вѣрность моего истолкованія К. Леонтьева: «Именно въ соціальной *видимой неправдѣ* и таится невидимая соціальная *истина*; глубокая и таинственная органическая истина общественнаго здравія, которой безнаказанно нельзя противорѣчить даже во имя самыхъ добрыхъ и сострадательныхъ чувствъ. Мораль имѣетъ свою сферу и свои предѣлы; политика свою. Политика, вносимая въ дѣла личныя — черезъ мѣру и въ виду лишь одной личной выгоды, — убиваетъ внутреннюю, *дѣйствительную* мораль. Мораль, вносимая слишкомъ простодушно и горячо въ политическія и общественныя дѣла, колеблетъ, а иногда и разрушаетъ государственный строй». «*Политика не этика*... Что дѣлать. Она имѣетъ свои законы, независимые отъ *нравственныхъ*». «*Для развитія великихъ и сильныхъ характеровъ необходимы великія общественныя несправедливости*». Политика у К. Н. имѣетъ свою мораль, непохожую на мораль личную, нерѣдко разрушающую общество и государство, понижающую жизнь. Эта мораль

оправдываетъ рабство, насиліе и деспотизмъ, если ихъ цѣною покупается государственная и національная крѣпость, культурное цвѣтеніе, самобытность духа. Онъ поетъ хвалу *«хроническому деспотизму* всѣми, болѣе или менѣе, волей и неволей, по любви и изъ страха, изъ выгодъ или изъ самоотверженія признаваемому и терпимому, въ высшей степени *неравномѣрному и разнообразному деспотизму».* Онъ вѣритъ, что черезъ деспотизмъ достигается могущество и цвѣтеніе жизни, осуществляется не только красота, но и правда. На однородной почвѣ, когда произошло уже смѣсительное упрощеніе, невозможно появленіе оригинальныхъ мыслителей, на этой почвѣ не рождаются геніи. Требованіе разнородной почвы — не только эстетическое, но и нравственное. «Для того, кто не считаетъ блаженство и абсолютную правду назначеніемъ человѣчества на землѣ, нѣтъ ничего ужаснаго въ мысли, что милліоны русскихъ людей должны были прожить подъ давленіемъ трехъ атмосферъ — чиновничьей, помѣщичьей и церковной, хотя бы для того, чтобы Пушкинъ могъ написать Онѣгина и Годунова чтобы построился Кремль и его соборы, чтобы Суворовъ и Кутузовъ могли одержать свои національныя побѣды... Ибо слава.., ибо военная слава..., да, военная слава царства и народа, его искусство и поэзія — *факты*; это *реальныя явленія* дѣйствительной природы;это цѣли достижимыя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, высокія. А то безбожно-праведное и плоско-блаженное человѣчество, къ которому вы исподваль и съ разными современными ужимками хотите стремиться, такое человѣчество было бы гадко, если бы оно было

возможно». Эти необычайно яркія и смѣлыя слова, особенно въ Россіи, предполагаютъ опредѣленное нравственное сознаніе, проповѣдуютъ опредѣленную мораль, иную мораль, чѣмъ та, которая всегда проповѣдывалась въ широкихъ кругахъ русской интеллигенціи, которой училъ Л. Толстой и всѣ русскіе народники. Это — мораль цѣнностей, а не мораль человѣческаго блага. Сверхличная цѣнность выше личнаго блага. Достиженіе высшихъ цѣлей, цѣлей сверхличныхъ и сверхчеловѣческихъ оправдываютъ жертвы и страданія исторіи. Называть это просто аморализмомъ есть явное недоразумѣніе. И Нитцше не былъ аморалистомъ, когда онъ проповѣдывалъ мораль любви къ дальнему въ противоположность морали любви къ ближнему. Это — иная мораль. Но совпадаетъ ли она съ моралью христіанской, это болѣе чѣмъ сомнительно. Евангельской морали К. Леонтьевъ никогда не могъ до конца принять. Онъ остается язычникомъ въ своемъ отношеніи къ исторіи и обществу.

К. Леонтьевъ защищаетъ мораль сильныхъ и яркихъ индивидуальностей, мораль героическую противъ морали утилитарной, морали демократической середины. «Съ одной стороны, я уважаю барство; съ другой, люблю наивность и грубость мужика. Графъ Вронскій или Онѣгинъ съ одной стороны, а солдатъ Каратаевъ и кто?... ну, хоть Бирюкъ Тургенева, для меня лучше того «средняго» мѣщанскаго типа, къ которому прогрессъ теперь сводитъ мало-по-малу всѣхъ и сверху и снизу, и маркиза и пастуха». Прозаическую религію всеобщей пользы онъ ненавидѣлъ не только эстетически, но и нравственно.

Идея всеобщаго блага была для него безнравственной идеей. Это необходимо подчеркнуть, чтобы глубже понять К. Леонтьева, чѣмъ его обыкновенно понимаютъ. «Это все лишь *орудія смѣшенія* — это исполинская *толчея, всѣхъ и вся толкущая въ одной ступѣ псевдо-гуманной пошлости и прозы;* все это *сложный алгебраическій пріемъ, стремящійся привести всѣхъ и вся къ одному знаменателю. Пріемы* эгалитарнаго *прогресса* — сложны; *цѣль груба*, проста по мысли, по идеалу, по вліянію и. т. п. Цѣль всего — *средній человѣкъ; буржуа* спокойный среди милліоновъ такихъ же среднихъ людей, тоже покойныхъ.» Слова эти проникнуты не только эстетическимъ, но и нравственнымъ негодованіемъ. К. Н. рѣшительный противникъ морали автономной личности: «Европейская мысль поклоняется человѣку, *потому только, что онъ человѣкъ*, поклоняться она хочетъ не за то, что онъ герой или пророкъ, царь или геній. Нѣтъ, она поклоняется не такому *особому и высокому развитію* личности, а просто индивидуальности *всякаго* человѣка и *всякую личность* желаетъ сдѣлать счастливою (здѣсь на землѣ), равноправною, покойною, надменно-честною и свободною въ предѣлахъ *извѣстной* морали. Это то исканіе всечеловѣческой равноправности и всечеловѣческой правды, исходящей не отъ *положительнаго* вѣроисповѣданія, а отъ того, что философы зовутъ личной, *автономической* нравственностью, это-то и есть ядъ, самый тонкій и самый могучій изъ всѣхъ столь разнородныхъ заразъ, разлагающихъ постепеннымъ дѣйствіемъ своимъ всѣ европейскія общества». Мораль К. Н. стоитъ не за всякую личность, а за личность высокаго

качества, за высокое качество въ личности, за подборъ качествъ. Это — мораль качествъ въ противоположность морали количествъ. У насъ привыкли мораль понимать въ смыслѣ толстовскомъ, и потому К. Леонтьевъ представляется совершеннымъ отрицателемъ морали. По моральному сознанію своему К. Н. — анти-кантіанецъ. Аристократическая мораль — особая мораль, а не аморализмъ. Какъ сознательный глашатай аристократической, качественной морали, К. Н. говоритъ: «Даже и добродѣтели не всѣ одинаково полезны всѣмъ классамъ людей, напр., сильное чувство личнаго достоинства въ людяхъ высшаго круга порождаетъ рыцарство, а разлитое въ народной массѣ оно возбуждаетъ инзуррекціи парижскихъ блузниковъ... *Однообразіе развитія и тутъ оказывается антисоціальнымъ*». Онъ не только эстетически, но и морально не понимаетъ, почему «*сапожнику* повиноваться легче, чѣмъ *жрецу* или *воину*, жрецомъ благословенному». Ему и эстетически и нравственно одинаково отвратительны «и свирѣпый коммунаръ, сжигающій тюльерійскія сокровища, и невѣрующій охранитель капитала». Онъ защищаетъ эстетически и нравственно высокій душевный типъ, когда говоритъ: «Смѣсь *страха и любви* — вотъ чѣмъ должны жить человѣческія общества, если они жить хотятъ... Смѣсь любви и страха въ сердцахъ... священный ужасъ передъ извѣстными идеальными *предѣлами*, любящій страхъ передъ нѣкоторыми *лицами*; чувство искреннее, а не притворное только для политики; благоговѣніе при видѣ даже однихъ иныхъ *вещественныхъ предметовъ*, при видѣ иконы, храма, утвари церковной». Типъ совершенно автономный,

не чувствующій уже «священнаго ужаса» передъ тѣмъ, что выше его, есть нравственно низменнный душевный типъ. «Безъ *насилія* нельзя. Неправда, что можно жить безъ насилія... *Насиліе не только побѣждаетъ, оно и убѣждаетъ многихъ, когда за нимъ, за этимъ насиліемъ есть идея*... Въ трудныя и опасныя минуты исторической жизни, общество всегда простираетъ руки не къ ораторамъ или журналистамъ, не къ педагогамъ или законникамъ, а къ людямъ *силы*, къ людямъ *повелѣвать умѣющимъ, принуждать дерзающимъ!*». Это — опредѣленная мораль силы, столь не похожая на господствующее у русскихъ моральное сознаніе, отрицающее моральное значеніе силы, заподозрѣвающее ее. Но мораль эта не евангельская,

К. Леонтьевъ—врагъ гуманистической морали, одинъ изъ самыхъ страшныхъ и крайнихъ ея враговъ. Онъ всей силой своего страстнаго темперамента, своего остраго ума, своего необычайнаго дарованія отрицалъ всякую связь христіанства съ гуманизмомъ. Онъ предвидѣлъ, чѣмъ кончится гуманизмъ, каковы будутъ его послѣдніе плоды. Онъ понималъ, что гуманистическая свобода опустошаетъ человѣка и должна превращать его въ небытіе. Онъ любилъ и почиталъ не вообще индивидуальность, не всякую индивидуальность, а оригинальную и яркую индивидуальность, — «исключительное, обособленное, сильное и выраженное развитіе характеровъ». Индивидуализмъ, автономизмъ враждебны такому развитію характеровъ, такимъ индивидуальностямъ. «Реальная свобода лица» возможна и при пыткѣ. Какъ преклонялся К. Н. передъ сильно выраженными и оригиналь-

ными характерами, видно изъ его оцѣнки дѣла раскольника Куртина и казака Кувайцева. Раскольникъ Куртинъ закололъ родного сына своего въ жертву Богу. Онъ заставилъ сына одѣть бѣлую рубаху и нанесъ ему нѣсколько ранъ въ животъ. Онъ любилъ сына и совершилъ преступленіе въ религіозномъ экстазѣ. Казакъ Кувайцевъ держалъ у себя подъ тюфякомъ отрѣзанную руку, палецъ и волосы, а также одежду своей умершей возлюбленной. Куртинъ и Кувайцевъ отданы были подъ судъ. «Конечно, говоритъ К. Н. , никто ке станетъ оспаривать у суда право карать поступки, подобные поступкамъ Куртина и Кувайцева. Но обыкновенный судъ, точно такъ же какъ и справедливая полицейская расправа, суть проявленія лишь «*правды внѣшней*», и ни государственный судъ, ни *судъ*, такъ назыв. *общественнаго мнѣнія*, ни полицейская расправа, не исчерпываютъ безконечныхъ правъ личнаго духа, до глубины котораго не всегда могутъ достигать общія правила законовъ и общія повальныя мнѣнія людей. Судья обязанъ карать поступки, нарушающіе общественный строй, но тамъ только сильна и плодоносна жизнь, гдѣ почва своеобразна и глубока даже въ незаконныхъ своихъ произведеніяхъ. Куртинъ и Кувайцевъ могутъ быть героями поэмы болѣе, чѣмъ самый честный и почетный судья, осудившій ихъ вполнѣ законно.». Взоръ К. Н., «полнаго ненависти къ инымъ бездушнымъ и сухимъ сторонамъ современнаго европейскаго прогресса», обращается къ Куртину и Кувайцеву, въ которыхъ онъ видитъ «характеръ трагическаго въ жизни народа». Въ этомъ сказываются не только эстетическія, но и мораль-

ныя вкусы К. Н. Соціологическое и моральное его ученіе полярно противоположно соціологическому и моральному ученію Н. Михайловскаго. К. Н. утверждаетъ, что яркое развитіе личности предполагаетъ дифференцированное и сложное строеніе общества. Упростительное смѣшеніе общества ведетъ и отцвѣтанію личности, къ ея опустошенію. Общественная нивелировка ведетъ къ умиранію не только общественной, но и личной яркости и оригинальности. Индивидуализмъ Михайловскаго, требующій уравненія и смѣшенія общественной среды, враждебенъ индивидуальности. Точка зрѣнія Леонтьева находитъ себѣ подтвержденіе у изслѣдователей совершенно иного типа, напр. у Зиммеля въ его «Соціальной дифференціаціи». На ряду съ истиной соціологическаго характера. К. Н. выясняетъ истину этическаго характера. Сверхличныя цѣнности, религіозныя, культурныя, государственныя, выше личнаго блага. Личное благо должно склониться передъ сверхличными цѣнностями. И это — безспорная истина нравственнаго сознанія. столь противоположнаго нравственному сознанію Толстого, Михайловскаго и мн. русскихъ людей. Но границы сознанія К. Леонтьева были въ томъ, что онъ не понималъ значенія свободы духа, что точка зрѣнія его была не столько духовной, сколько натуралистической. Религіозная проблема человѣка не стояла передъ нимъ во всей глубинѣ. Леонтьевъ забываетъ, что христіанство утверждаетъ абсолютное значеніе всякаго лица человѣческаго.

V.

К. Леонтьевъ пророчески чувствовалъ, что надвигается міровая соціальная революція. Въ этомъ онъ рѣзко отличается отъ славянофиловъ, у которыхъ не было никакихъ катастрофическихъ предчувствій. Онъ съ большой остротой сознавалъ, что старый міръ, въ которомъ было много красоты, величія, святости и геніальности, разрушается. И этотъ процессъ разрушенія представлялся ему неотвратимымъ. Въ Европѣ не можетъ уже быть остановленъ процессъ упростительнаго смѣшенія. Вся надежда была на Россію и на Востокъ. Подъ конецъ и эту надежду онъ потерялъ. «Когда-нибудь погибнуть нужно; отъ гибели и разрушенія не уйдетъ никакой земной общественный организмъ, ни государственный, ни культурный, ни религіозный». К. Н. любилъ «роковое» и въ дѣйствіи «роковыхъ силъ» онъ видѣлъ больше эстетики, чѣмъ въ сознательныхъ человѣческихъ дѣйствіяхъ. «Свершеніе историческихъ судебъ зависитъ гораздо болѣе отъ *чего-то* высшаго и неуловимаго, чѣмъ отъ человѣческихъ, сознательныхъ дѣйствій». Онъ не чувствовалъ эстетики человѣческой свободы. Онъ отрицалъ дѣйствіе свободнаго человѣческаго духа въ исторіи. Въ этомъ онъ былъ близокъ къ школѣ де Местра и Бональда. Но «роковыя силы» противъ него. Въ мірѣ не удается «все церковное, все самодержавное, все аристократическое, все охраняющее прежнее своеобразіе и прежнюю богатую духомъ разновидность». «*Всѣ идутъ къ одному*, къ какому-то средне-европейскому типу общества и къ господству какого-то средняго человѣка.

И будутъ такъ итти, пока не сольются всѣ въ одну всеевропейскую республиканскую федерацію». Революція есть «всемірная ассимиляція» и она идетъ. Въ будущность монархическаго начала для Европы XX вѣка можетъ вѣрить лишь тотъ, «кто не умѣетъ читать живую книгу исторіи». К. Н. предвидѣлъ, что либерализмъ неизбѣжно долженъ привести къ соціализму и съ геніальной прозорливостью опредѣлилъ характеръ грядущаго царства. «Тотъ слишкомъ *подвижный* строй, который придалъ всему человѣчеству эгалитарный и эмансипаціонный прогрессъ XIX вѣка очень непроченъ и, несмотря на всѣ временныя и благотворныя усилія консервативной реакціи, долженъ привести или ко всеобщей катастрофѣ, *или къ медленному, но глубокому перерожденію человѣческихъ обществъ на совершенно новыхъ и вовсе уже не либеральныхъ, а, напротивъ того, крайне стѣснительныхъ и принудительныхъ началахъ. Быть можетъ, явится рабство въ новой формѣ, — вѣроятно, — въ видѣ жесточайшаго подчиненія лицъ мелкимъ и крупнымъ общинамъ, а общинъ государству*».. О будущихъ соціальныхъ формахъ онъ говоритъ: «*либеральны онѣ не будутъ*.. Ужъ, во всякомъ случаѣ, эта новая культура будетъ очень тяжела для многихъ, и замѣсятъ ее люди столь близкаго уже XX вѣка никакъ не на сахарѣ и розовой водѣ равномѣрной свободы и гуманности, а на чемъ-то иномъ, даже страшномъ для непривычныхъ». К. Н. понялъ раньше и лучше другихъ, что гуманизмъ въ соціализмѣ переродится въ антигуманизмъ. Поэтому соціализмъ онъ предпочитаетъ либерализму и демократіи. Въ соціализмѣ болѣзнь доходитъ до своего конца

и можетъ перейти въ свою противоположность, можетъ начаться возрожденіе. Къ либерализму К. Н. былъ особенно несправедливымъ. Соціализмъ же, по его мнѣнію, «служитъ безсознательную службу реакціонной организаціи будущаго». «Какъ вы думаете, г. г. либералы, *вамъ* они что-ли поставятъ памятникъ? Нѣтъ! Соціалисты вездѣ вашъ умѣренный либерализмъ презираютъ... И какъ бы ни враждовали эти люди противъ *настоящихъ охранителей* или противъ формъ и пріемовъ охраненія, имъ неблагопріятныхъ, *но всѣ существенныя стороны охранительныхъ ученій имъ самимъ понадобятся.* Имъ нуженъ будетъ *страхъ*, нужна *будетъ дисциплина.* имъ понадобятся *преданія покорности*, *привычка къ повиновенію;* народы, удачно экономическую жизнь свою пересоздавшіе, *но ничѣмъ на землѣ все таки неудовлетворимые*, воспылаютъ тогда новымъ жаромъ къ *мистическимъ ученіямъ*». Въ словахъ этихъ есть настоящее пророчество. Для Россіи оно сбылось. К. Н. понялъ всю пустоту и ничтожество чувствительнаго гуманизма. «Соціализмъ теперь видимо неотвратимъ, по крайней мѣрѣ, *для нѣкоторой части человѣчества.* Но, не говоря уже о томъ, сколько страданій и обидъ его воцареніе можетъ причинить побѣжденнымъ, сами побѣдители, какъ бы прочно и хорошо не устроились, очень скоро поймутъ что имъ далеко до благоденствія и покоя. *И это какъ дважды два четыре*, вотъ почему: эти будущіе побѣдители, устроятся *или свободнѣе*, либеральнѣе насъ, *или*, *напротивъ того*, законы и порядки ихъ будутъ несравненно стѣснительнѣе нашихъ, строже, принудительнѣе, даже *страшнѣе.* Въ послѣднемъ случаѣ жизнь этихъ *новыхъ людей*

должна быть гораздо тяжелѣе, болѣзненнѣе жизни хорошихъ, добросовѣстныхъ монаховъ въ строгихъ монастыряхъ». К. Леонтьевъ глубоко проникалъ во внутреннюю діалектику общественнаго процесса. Онъ великій разоблачитель всѣхъ иллюзій. «Нѣтъ, нѣтъ вывести насиліе изъ исторической жизни, это то же, что претендовать выбросить одинъ изъ основныхъ цвѣтовъ радуги жизни космической. Этотъ цвѣтъ, эта великая категорія жизни придетъ въ новой и сильнѣйшей формѣ. *Чума* почти исчезнетъ, чтобы дать мѣсто холерѣ».

Ошибочно у К. Леонтьева было отождествленіе свободы и равенства Поэтому онъ одинаково ненавидѣлъ свободу и равенство. Свобода была для него исключительно отрицательнымъ понятіемъ. К. Н. предсказывалъ появленіе на почвѣ соціализма во Франціи великаго вождя и могущественнаго диктатора. Для Франціи онъ желаетъ, чтобы «якобинскій (либеральный) республиканизмъ оказался совершенно несостоятельнымъ и не передъ *реакціей монархизма, а передъ коммунарной анархіей*... Торжество коммуны *болѣе серьезное, чѣмъ минутное господство 71 года*, докажетъ, несомнѣнно въ одно и то же время и *безсиліе «правого порядка», искренно проводимаго въ жизни (чѣмъ искреннѣе, тѣмъ хуже!), и невозможность вновь организоваться народу на однихъ началахъ экономическаго равенства*. Такъ что тѣ государственные организмы, которымъ еще предстоитъ *жить*, поневолѣ будутъ вынуждены избрать новые пути, вовсе непохожіе на тѣ пути, по которымъ шла Европа съ 89 года». К. Н. провидитъ не только всемірную революцію, но и всеобщую войну. Онъ предсказываетъ появле-

ніе фашизма. Онъ жилъ уже предчувствіемъ катастрофическаго темпа исторіи. У него вообще было сильное чувство исторіи въ отличіе отъ огромнаго большинства русскихъ людей. Онъ «предпочитаетъ сложность и драму *исторіи* безсмыслію земного абсолюта». Онъ никогда не искалъ Царства Божьяго на землѣ, царства окончательной правды. Онъ предпочиталъ драматизмъ исторіи съ противорѣчіями, съ контрастами, съ добромъ и зломъ, съ свѣтомъ и тьмой, съ борьбой. И въ этомъ онъ не былъ характерно русскимъ человѣкомъ. Ему чуждо было русское исканіе всеобщаго спасенія, спасенія всѣхъ людей и всего міра. По чувству исторіи, по оцѣнкѣ культуры и общественности онъ скорѣе западный человѣкъ. Онъ любилъ «цѣнности» культуры, хотя и не употреблялъ этого выраженія. Спасенія же онъ искалъ личнаго, а не общественнаго и не мірового. Къ эстетическому и натуралистическому подходу къ общественному процессу у него присоединяется еще подходъ религіозный. *То, что эстетически воспринималъ онъ, какъ уродливый образъ мѣщанства, а натуралистически, какъ процессъ одряхленія и смерти, то религіозно предстало передъ нимъ, какъ предсказанный въ Евангеліи и Апокалипсисѣ конецъ.* И ему эстетически нравилось, что христіанскія апокалиптическія пророчества говорятъ не о царствѣ правды на землѣ подъ конецъ, а объ изсяканіи любви и побѣдѣ началъ антихристовыхъ. Дуализма добра и зла, трагизма, страданія требовала его эстетика. Тезисъ натуралистической соціологіи и философіи исторіи объ одряхлѣніи и смерти всѣхъ націй, государствъ и культуръ не можетъ еще самъ по себѣ быть

истолкованъ апокалиптически, этотъ тезисъ не носитъ еще мірового характера. Но въ исторіи произошло объединеніе человѣчества, объединеніе націй и культуръ, все дѣлается всемірнымъ. И одряхлѣніе и смерть объемлетъ весь міръ, всю міровую культуру. Когда К. Н. потерялъ вѣру въ Россію, онъ воскликнулъ: «*Окончить исторію, погубивъ человѣчество;* разлитіемъ всемірнаго равенства и распространеніемъ всемірной свободы сдѣлать жизнь человѣческую на земномъ шарѣ уже совсѣмъ невозможной. *Ибо ни новыхъ дикихъ племенъ, ни старыхъ уснувшихъ культурныхъ міровъ тогда уже на землѣ не будетъ*». Къ машинѣ, къ техническимъ открытіямъ и къ индустріальному прогрессу у него не было типическаго отношенія романтика. Онъ не могъ примирить поэзію съ утилитарной наукой и машиной. И онъ искалъ спасенія, искалъ сложности и разнообразія не въ творчествѣ, а въ охраненіи, въ реакціи. Съ этимъ связано его ученіе о Византизмѣ и о призваніи Россіи, но объ этомъ нужно говорить отдѣльно. Поэзію государствъ съ ихъ силой и насиліемъ въ прошломъ К. Леонтьевъ романтически преувеличивалъ. Онъ идеализировалъ аристократію историческую, смѣшивая ее съ духовной аристократіей.

VI.

Какъ оцѣнить объективное, научное и философское значеніе соціологическаго ученія К. Леонтьева и его философію исторіи? Для придирчивой и формалистической мысли нашего времени прежде всего должны бросаться въ

глаза методологическіе и гносеологическіе недостатки этого ученія. Неокантіанцы, особенно сторонники Риккерта, не перенесутъ такого натурализма въ общественныхъ наукахъ. іЯ не раздѣляю гносеологической схоластики Риккерта и въ крайнемъ методологизмѣ современной критической философіи вижу упадокъ и вырожденіе философской мысли, отступничество отъ великихъ онтологическихъ задачъ философіи. Но въ крайнемъ натурализмѣ всего мышленія К. Н. нельзя не видѣть внутренняго противорѣчія. Объективизмъ и безстрастіе леонтьевской соціологіи кажущіеся,—въ дѣйствительности это соціологія очень страстная и эмоціональная. Характеръ образованія и просвѣщенія, связаннаго еще цѣликомъ съ естественными науками и позитивнымъ духомъ второй половины XIX вѣка, сталкивается съ интуиціями новаго духа, опередившаго его эпоху. Философская культура К. Н. не стоитъ на высотѣ его смѣлыхъ интуицій и прозрѣній. Замѣчательное ученіе К. Н., въ которомъ ему удалось установить несомнѣнныя истины, не было достаточно углублено . Ученіе это можетъ быть названо общественной морофологіей. Оно устанавливаетъ соотношеніе формъ въ общественной жизни. И многія положенія этой общественной морфологіи имѣютъ объективное значеніе. Но К. Леонтьевъ не доходитъ до общественной онтологіи, онъ остается въ области общественной феноменологіи. Его общественная философія не углублена до *онтологическихъ* основъ общественности. Въ качествѣ морфолога общественности онъ разсматриваетъ общество, какъ организмъ, и изучаетъ смѣну и соотношеіе формъ. Наиболѣе цѣнно уста-

новленное К. Н. соотношеніе между цвѣтущей сложностью общества и его дифференцированностью и морфологическимъ разнообразіемъ, а съ другой стороны, — между отцвѣтаніемъ и умираніемъ общества и упростительнымъ смѣшеніемъ въ немъ. Но какой космическій и онтологическій смыслъ могутъ имѣть эти положенія? И въ жизни природы и въ исторической жизни человѣческихъ обществъ происходитъ борьба хаотическихъ и космическихъ началъ. Побѣда космическихъ началъ въ обществѣ порождаетъ іерархическое, дифференцированное, сложное его строеніе. Побѣда началъ хаотическихъ означаетъ смѣшеніе и упрощеніе, низверженіе іерархическаго строя и лада. Бурное стремленіе къ равенству, къ демократизаціи, которое на извѣстной ступени обнаруживается въ человѣческихъ обществахъ, представляется подъемомъ хаотической стихіи, которая не хочетъ, чтобы общество было космосомъ, іерархическимъ организмомъ. Одряхлѣніе и смерть общественныхъ организмовъ означаетъ распаденіе космическаго ихъ строенія и частичный возвратъ къ хаосу. Демократизація воспринимается, какъ возобладаніе хаоса надъ космосомъ, какъ смѣшеніе, снятіе всѣхъ границъ и дистанцій, сообщающихъ всему форму. Поэтому процессъ этотъ, самъ по себѣ, не означаетъ развитія и прогресса. Онъ можетъ вести къ первоначальному состоянію, можетъ превратить общество въ хаотическую массу. Процессъ этотъ можетъ оказаться смертельнымъ для личности, для самаго образа человѣческаго. Онъ низвергаетъ всякую высокую культуру. Такова одна сторона процесса. К. Н. воспринималъ эту сторону необыкновенно чутко

и прозорливо, прежде всего эстетически. Онъ умѣлъ это выразить въ терминахъ естественно-научной соціологіи. Но есть и другая сторона прогресса демократизаціи — пріобщеніе лишь внѣшне сдержанныхъ хаотическихъ силъ къ космосу, возможный подъемъ количествъ до болѣе высокихъ качествъ. Метафизически углубить эту проблему онъ не съумѣлъ. Натуралистическую аналогію общества и организма онъ простиралъ слишкомъ далеко, и потому смертоносный процессъ упростительнаго смѣшенія представлялся ему слишкомъ роковымъ и неотвратимымъ. Онъ не чувствовалъ дѣйствія свободнаго человѣческаго духа въ исторіи и само дѣйствіе Промысла Божьяго слишкомъ натурализовалъ и склоненъ былъ отождествлять съ законами природы. Онъ не видѣлъ, что жизнь общества есть не только жизнь природная, но и жизнь духовная. Вообще К. Н. не понималъ тайны свободы. Эта тайна не плѣняла его и не притягивала къ себѣ. Въ этомъ была его ограниченность, ограниченность натуралистическаго міросозерцанія. Поэтому онъ совершенно не дорожилъ свободой человѣческаго духа, раскрывшейся въ христіанствѣ, и склоненъ былъ отождествлять свободу съ эгалитарнымъ процессомъ, Въ этомъ корень его метафизической и моральной ошибки. Съ этимъ связано и отрицаніе права, правъ человѣка, коренящихся въ безконечной природѣ человѣческаго духа. Онъ не умѣлъ связать свободы человѣческаго духа съ христіанствомъ, съ христіанскимъ откровеніемъ о человѣкѣ. К. Леонтьевъ не понималъ, что обратной стороной смерти и развоплощенія старыхъ обществъ является освобожденіе христіанства отъ языческаго быта. Самъ

онъ оставался язычникомъ въ отношенiи къ исторiи и обществу. Въ его бурномъ возстанiи противъ гуманизма была большая правда и заслуга его. Но ему не открывалось положительное религiозное отношенiе къ человѣку. Эстетическое ученiе К. Леонтьева о жизни очень оригинально и примѣненiе эстетическаго критерiя къ общественности совершенно своеобразно. Эстетизмъ былъ новымъ явленiемъ, рѣзко отличавшимъ К. Н. отъ людей его эпохи. Но онъ не прошелъ черезъ болѣе утонченную эстетическую культуру конца XIX и начала XX вѣка. Онъ не могъ еще почувствовать прелести и красоты упадочнаго утонченiя культуры. Если бы онъ уже почувствовалъ и пережилъ этотъ закатъ, это очень усложнило бы его слишкомъ прямолинейное ученiе объ упростительномъ смѣшенiи и дряхлости обществъ. Въ упадкѣ и отцвѣтанiи, въ осени великихъ культуръ есть наибольшая сложность, невѣдомая эпохамъ расцвѣта. Это ускользало изъ кругозора К. Н. Онъ принадлежалъ къ той эстетической эпохѣ, которой понятенъ Рафаэль, но непонятенъ Боттичелли. Въ ученiи К. Н., развитомъ главнымъ образомъ въ «Византизмѣ и Славянствѣ», онъ соединилъ свое исканiе полноты жизни въ красотѣ съ своимъ исканiемъ спасенiя. Соединенiе этихъ двухъ основныхъ стремленiй его жизни привело къ глубокимъ и острымъ мыслямъ, къ дерзновенному радикализму.

ГЛАВА IV.

Стремленіе къ монашеству. Борьба эстетики и аскетики. Нужда. Болѣзни. Жизнь въ Москвѣ. Оптина пустынь Принятіе тайнаго пострига. Смерть. Духовное одиночество и непризнаніе. Отношеніе съ Вл. Соловьевымъ. Отношеніе къ русской литературѣ.

I.

Періодъ отъ возвращенія съ Востока и до поселенія въ Оптиной Пустынѣ былъ самымъ тяжелымъ и несчастнымъ въ жизни К. Леонтьева. Вся его жизнь стоитъ подъ знакомъ нужды, болѣзней, духовнаго одиночества и непризнанія. Внутренно же жизнь его поставлена подъ знакъ стремленія къ монашеству. Онъ ведетъ трудную борьбу со своей страстной языческой природой, со своей «демонической эстетикой». Осенью 1874 г. онъ съѣздилъ въ Оптину Пустынь, находившуюся въ 60 верстахъ отъ Кудинова, и тамъ познакомился со старцемъ Амвросіемъ, который имѣлъ опредѣляющее вліяніе на его дальнѣйшую духовную жизнь, и съ о. Кли-

ментомъ Зедергольмомъ, съ которымъ сблизился и о которомъ написалъ книгу. Мать К. Н. вспоминаетъ, что когда его маленькимъ привезли въ Оптину Пустынь, ему тамъ такъ понравилось, что онъ сказалъ: «Вы меня больше сюда не возите, а то я непремѣнно тутъ останусь». Въ этомъ было какое-то дѣтское предчувствіе своей судьбы. Въ Ноябрѣ того же года К. Н. отправился въ Николо-Угрѣшскій монастырь подъ Москвой, чтобы пожить въ гостинницѣ, но вскорѣ переходитъ въ келью, надѣваетъ подрясникъ и дѣлается послушникомъ. Онъ пробуетъ проходить суровую школу монашескаго послушанія, исполняетъ самыя тяжелыя матеріальныя работы. Но этотъ опытъ послушничества продолжается недолго, около полугода. Монастырь не даетъ ему желаннаго покоя, онъ еще не готовъ для монашества, онъ тоскуетъ по жизни на Востокѣ, по Константинополю. Изъ Николо-Угрѣшскаго монастыря онъ пишетъ Губастову: «Съ отчаяніемъ я вижу, что Богу не угодно, видно, удостоить меня возвратиться туда (въ Константинополь). Только тамъ я понимаю, что живу: въ другихъ мѣстахъ я только смиренно покоряюсь и учусь насильственно благодарить Бога за боль и скуку». И еще онъ пишетъ тому же Губастову: «Я все рвусь мечтой то къ Вамъ на Босфоръ, то въ Герцеговину, или Бѣлградъ, то въ Москву и Петербургъ, и мнѣ иногда тяжело въ этой тишинѣ и въ этомъ мирѣ. Оттого я и сюда помолиться пріѣхалъ на недолго, чтобы *заглушить* эту тоску по жизни и блестящей борьбѣ. Именно заглушить». Онъ до конца не могъ побѣдить двойственность своей природы. Въ немъ остается «тоска по жизни и блестящей борьбѣ».

И его мучитъ столкновеніе обѣта стать монахомъ съ этой тоской. Онъ не столько духовно входитъ въ монашескую жизнь, сколко эстетически переживаетъ ее, какъ контрастъ съ жизнью мірской.

Онъ нигдѣ не находитъ себѣ успокоенія, не находитъ себѣ мѣста. Какъ писатель, онъ не имѣетъ успѣха и вліянія. Такая замѣчательная вещь, какъ «Византизмъ и Славянство», проходитъ незамѣченной. Матеріально онъ никакъ не можетъ устроить своей жизни, онъ запутывается въ долгахъ и испытываетъ нужду, на которую очень жалуется въ своихъ письмахъ. Мѣста онъ не можетъ добыть. Имѣніе его не приноситъ никакого дохода и такъ запутано, что ему грозитъ продажа съ публичнаго торга. Отказаться отъ барскихъ привычекъ онъ не могъ. Онъ всегда держалъ при себѣ нѣсколько человѣкъ слугъ. Не могъ обойтись безъ хорошей сигары послѣ обѣда. Любилъ всенощную на дому. Религіозный переворотъ и Аѳонъ не побороли въ немъ увлеченія женщинами. Онъ влюблялся, и въ него влюблялись. Но это сопровождалось угрызеніями совѣсти и страхомъ загробнаго наказанія. К. Н. вступалъ въ періодъ душевной подавленности. Письма его къ Губастову за это время оставляютъ тяжелое впечатлѣніе. «Кажется, что для меня все *живое кончено*.... Все вокругъ меня таетъ... Ждать больше нечего, ибо все уже оплакано давно, восхищаться нечѣмъ, а терять что???» «Я все умаляюсь, смиряюсь, все гасну для міра. Равнодушія моего я Вамъ выразить не могу». Иногда вырывается вопль отчаянія по поводу невыносимо тяжелаго положенія: «Выручайте, выручайте, друзья, а то очень плохо». Но въ другомъ

мѣстѣ онъ пишетъ Губастову: «Благодарю искренно Бога за многое, почти за все, особенно за то великое мужество, которое Онъ во мнѣ, при такихъ запутанныхъ обстоятельствахъ, поддерживаетъ». К. Н. преслѣдуетъ мысль о смерти. 1877 г. представляется ему роковымъ въ его судьбѣ. Онъ такъ поглощенъ личными переживаніями, что остается совершенно равнодушнымъ къ балканской войнѣ. Онъ пишетъ Губастову, что у него «рѣдко бываетъ середина», что «голова его постоянно увѣнчана либо терніями, либо розами».

Въ 1879 г., послѣ тщетныхъ поисковъ обезпечить жизнь, К. Н. ѣдетъ въ Варшаву помощникомъ редактора «Варшавскаго Дневника» Кн. Н. Н. Голицына. Въ статьяхъ, написанныхъ въ «Варшавскомъ Дневникѣ» онъ обнаруживаетъ темпераментъ политическаго публициста. Направленіе его дѣлается все болѣе и болѣе реакціоннымъ. Революціонное движеніе въ русскомъ обществѣ вызываетъ въ немъ рѣзкій отпоръ. Въ статьяхъ «Варшавскаго Дневника» начинаютъ звучать непріятныя ноты типическаго реакціонно-консервативнаго направленія. Онъ дѣлается менѣе свободнымъ и оригинальнымъ, какъ мыслитель. К. Н., въ строгомъ смыслѣ слова, не принадлежалъ ни къ какому лагерю, ни къ какому опредѣленному направленію, онъ былъ всѣмъ чуждъ. «Я ни къ *какой* партіи, ни къ какому ученію прямо самъ не принадлежу; у меня *свое* ученіе». Консерваторы и славянофилы относились къ нему, какъ художнику и романтику, не до конца серьозно. Онъ даже объяснялъ неуспѣхъ свой тѣмъ, что онъ не связанъ ни съ какимъ опредѣленнымъ направленіемъ. Но въ немъ начинаетъ прео-

бладать тотъ консервативно-реакціонный стиль, который окончательно побѣдилъ въ эпоху Александра III. Стиль этотъ былъ уродливъ и вульгаренъ и смягчался лишь необыкновенной даровитостью Леонтьева. Изъ глубоко обоснованнаго отвращенія ко всѣму «лѣвому», онъ слишкомъ отождествлялъ себя съ «правымъ» , которое тоже вѣдь у насъ не было слишкомъ привлекательно. Онъ зналъ, что есть «темная» часть его души, которая «никогда въ кругъ освященія *Московскихъ Вѣдомостей* и *Русскаго Вѣстника* не попадала». И это была самая интересная и оригинальная часть его души. Какое дѣло было «Московскимъ Вѣдомостямъ» до идей К. Леонтьева, до его безумной романтики, до его эстетизма, до его непрактичнаго радикализма, изъ котораго нельзя было сдѣлать никакихъ примѣненій къ жизни. Правымъ дѣльцамъ онъ былъ не нуженъ. Катковъ его съ трудомъ терпѣлъ. К. Н. самъ чувствовалъ, что *пища его крута*. Онъ мало доступенъ, мало нуженъ для цѣлей утилитарныхъ, хотя бы и реакціонныхъ. Его понимаютъ вульгарно. И иногда бываетъ досадно, что онъ самъ соскакиваетъ на вульгарную реакціонность, невѣрно выражающую его глубокую, радикальную, благородно-аристократическую реакціонность. Ничего подлинно духовно аристократическаго въ правомъ лагерѣ не было и нѣтъ. К..Н. не былъ газетнымъ публицистомъ и писалъ въ газетахъ исключительно изъ нужды. Въ газетныя статьи пытался онъ вложить свои завѣтныя, самыя глубокія мысли. Онъ не умѣлъ развивать систематически свои идеи, и важны у него острыя формулы, отдѣльныя чеканныя фразы, разбросанныя по мелкимъ его статьямъ.

Но вотъ необычайно оригинальный и свободный мыслитель иногда уступаетъ мѣсто консервативному публицисту, прибѣгающему къ формуламъ слишкомъ затасканнымъ. Это болѣе всего чувствуется въ статьѣ «Варшавскаго Дневника». Въ Варшавѣ К. Н. нравился видъ русскихъ войскъ. Онъ всегда любилъ военныхъ и предпочиталъ ихъ штатскимъ. У него былъ военный, а не штатскій идеалъ. Къ полякамъ онъ относился не плохо, поляки ему даже нравились. Работа въ «Варшавскомъ Дневникѣ» продолжалась всего нѣсколько мѣсяцевъ. К. Н. отпросился въ отпускъ и вернулся совершенно больнымъ въ Кудиново. Дѣла «Варшавскаго Дневника» пошли такъ плохо, что ему пришлось совсѣмъ оставить работу. Матеріальныя неудачи и болѣзни вызываютъ въ немъ очень угнетенное состояніе духа. Т. И. Филипповъ, съ которымъ К. Н. былъ въ хорошихъ отношеніяхъ, выхлопатываетъ ему, наконецъ, назначеніе цензоромъ въ Московскій цензурный комитетъ. Цензоромъ онъ прослужилъ шесть лѣтъ, и это былъ самый тяжелый періодъ его жизни. Это — наименѣе плодотворный періодъ и въ литературномъ отношеніи.

Въ письмахъ къ Т. И. Филиппову у него звучатъ скорбныя ноты, усталыя, жалобныя и печальныя. Онъ хочетъ имѣть «какихъ нибудь 75 руб. сер. въ мѣсяцъ *до гроба и ровно ничего не дѣлать.* Вотъ блаженство!... Вотъ счастье!... ни газетъ не читать, ни *сочинять* ничего самому къ сроку и за деньги. Ни монашескаго послушанія, ни борьбы, ни честолюбія мірского. Въ субботу всенощная, а въ воскресный день поздняя обѣдня; изрѣдка въ Козельскомъ трактирѣ закусить чего-нибудь получше, не знать

почти, что дѣлается на свѣтѣ... Есть дни, въ которые скорбь и уныніе велики, но это скорбь о кофеѣ въ ноябрѣ, *о теплой шапкѣ новой*; о старыхъ слугахъ, оставшихся въ имѣніи, которымъ тоже надо ѣсть и которыхъ бросить я *не могу!*... Совѣсть шепчетъ, что Господь проститъ мнѣ и помилуетъ въ день Страшнаго Суда. Бѣда въ томъ, что эта восхитительная Нирвана, болѣе животная, однако, чѣмъ аскетическая, — есть лишь одинъ волшебный мигъ забвенія... И дѣйствительность вопіетъ громко: «Смотри, ты лишенъ и того, что имѣютъ многіе скотоподобные люди, и у тебя нѣтъ и не будетъ ни 75, ни 50 руб. въ мѣсяцъ, вѣрныхъ и обезпеченныхъ. У тебя есть лишь 49 руб. пенсіи, которые ты долженъ отдавать своей доброй и убогой женѣ и ея служанкѣ на содержаніе въ Козельскѣ; а ты долженъ что-то мыслить, что-то воображать, что-то писать и печатать, чтобы ѣсть, спать, пить, курить и. п. д.». Въ словахъ этихъ звучитъ большая усталость. А вотъ еще отрывокъ изъ письма къ Филиппову: «Пріѣздъ жены въ извѣстномъ Вамъ положеніи разсудка и необходимость внезапнаго переѣзда въ столицу, безъ всякаго денежнаго запаса, привели, наконецъ, къ тому, что... я просто ума не приложу, что напр. даже ѣсть завтра. Знакомые постоянно Христа ради помогаютъ, кто 10, кто 20 — вотъ уже 3-й мѣсяцъ. Ужъ я и стыдиться пересталъ». Денежныя затрудненія привели къ тому, что Кудиново пришлось продать крестьянину. Этотъ періодъ жизни связанъ также съ ужасными болѣзнями. У К. Н. была безсонница, мигрени, поносы, рѣзи въ животѣ, раздраженіе мочевого пузыря, кашель и болѣзнь гортани, трещины и сыпи на ногахъ и рукахъ

и отеки. Была также болѣзнь спинного мозга и съуженіе мочевого канала. Въ 1886 г. онъ заболѣлъ гнойнымъ зараженіемъ крови и воспаленіемъ лимфатическихъ сосудовъ въ рукѣ. Нѣсколько разъ онъ былъ при смерти Онъ пишетъ Т. Филиппову: «Заслуженное наказаніе за *ужасную* прежнюю жизнь!.. И вотъ я послѣ *двухъ послѣднихъ острыхъ болѣзней*, придя въ себя, наконецъ, отъ жестокихъ и разнообразныхъ страданій до того нестерпимо возненавидѣлъ все свое прошедшее, не только давнее полубезбожное и блудное, и гордое, самодовольное, но и ближайшее, когда я на Аѳонѣ сталъ мало по малу озаряться свѣтомъ истины... Не смѣю даже и рѣшительно молиться о полномъ исцѣленіи, наприм. хоть главнаго недуга моего (сыпи и язвъ); боюсь, не сталъ бы я, окаянный, опять прежнимъ въ неблагодарности моей!».. Въ письмѣ къ Губастову онъ пишетъ, что годы службы въ Москвѣ доканали его: «Вотъ гдѣ былъ скитъ». Вотъ гдѣ произошло «внутреннее постриженіе» души въ незримое монашество! Примиреніе со всѣмъ, кромѣ своихъ грѣховъ и своего страстнаго прошедшаго; равнодушіе; ровная и лишь о покоѣ и прощеніи грѣховъ страстная молитва». Но К. Н. не былъ еще готовъ къ окончательному уходу изъ міра, къ монастырю, и вмѣстѣ съ тѣмъ не могъ уже жить въ міру, ничего, кромѣ скорбей, не испытывалъ въ міру. Въ этомъ причина его угнетеннаго душевнаго состоянія.

II

Въ 1887 г. К. Н. выходитъ въ отставку и получаетъ пенсію, на которую можетъ кое.какъ жить. «Съ тѣхъ поръ, какъ я получилъ увольненіе отъ службы, пишетъ онъ Филиппову, я впалъ въ какой-то блаженный квіетизмъ и сталъ точно турокъ, который молится, куритъ и созерцаетъ что-то». Весной того же года К. Н. переѣзжаетъ въ Оптину Пустынь на покой. Онъ помнитъ о своемъ обѣтѣ принять монашество. Послѣ этого обѣта для него невозможна уже была настоящая радость въ мiру. Его тянуло въ монастырь, какъ на новую свою родину. Съ Оптиной Пустынью его связывали два человѣка — іеромонахъ Климентъ Зедергольмъ и старецъ Амвросій. До переѣзда своего въ Оптину Пустынь К. Н. часто ѣздилъ туда на свиданіе съ о. Климентомъ Зедергольмомъ, отношенія съ которымъ имѣли большое значеніе въ его жизни. О. Климентъ Зедергольмъ былъ нѣмецъ и протестантъ, сынъ пастора, перешедшій въ православіе и принявшій монашество. Онъ былъ человѣкъ образованный и культурный и К. Н. могъ говорить съ нимъ обо всѣхъ безпокоившихъ его вопросахъ. О. Климентъ Зедергольмъ представлялъ необычное явленіе въ Оптиной Пустынѣ. Онъ пришелъ туда изъ совсѣмъ другого міра. Онъ пришелъ въ русскій монастырь, славный своими традиціями старчества, не только изъ свѣтской культуры. онъ пришелъ изъ міра нѣмецки-лютеранскаго, безконечно далекаго по духу своему. К. Н. интересовалъ и привлекалъ этотъ контрастъ. Образъ о. Климента Зедергольма не представляется особенно привлекательнымъ. Это

былъ человѣкъ сильнаго характера, искавшій правды Божіей, но средній человѣкъ въ міру и средній въ монашествѣ. По духу своему онъ совсѣмъ не былъ старцемъ и не могъ бы имъ стать. Онъ былъ очень крѣпкимъ и очень ортодоксальнымъ православнымъ, какъ это и должно было быть съ нѣмцемъ и лютераниномъ, принявшимъ православіе. Онъ не чувствовалъ себя вполнѣ «дома» въ православіи. Въ духовномъ складѣ его остались черты протестантскаго благочестія и протестантской богобоязненности. Въ немъ была моральная суровость и сухость. Никакой сложности въ его натурѣ не было, это былъ довольно элементарный человѣкъ. К. Н. стоялъ многими головами выше его, но искалъ въ немъ церковной опоры и укрѣпленія. И о. Климентъ Зедергольмъ имѣлъ для него значеніе, не вполнѣ соотвѣтствующее его достоинствамъ. Несоизмѣримо большее значеніе для духовной жизни К. Н. имѣлъ старецъ Амвросій, который въ то время былъ свѣточемъ Оптиной Пустыни. О. Климентъ не былъ духовнымъ руководителемъ К. Н., какимъ былъ о. Амвросій. Водительству о. Амвросія К. Н. окончательно отдался лишь послѣ смерти о. Климента. «Когда Климентъ умеръ и я сидѣлъ въ зальцѣ О. Амвросія, ожидая, чтобы меня позвали, я помолился на образъ Спаса и сказалъ про себя: «Господи! наставь же старца такъ, чтобы онъ былъ опорой и утѣшеніемъ! Ты знаешь мою борьбу! (Она была тогда ужасна, ибо тогда я еще могъ влюбляться, а въ меня еще больше!)».

К. Н. снялъ у ограды монастыря двухъ-этажный домъ, извѣстный потомъ подъ названіемъ «консульскаго дома». Со времени переселенія въ Оптину Пустынь на-

чался болѣе покойный и радостный періодъ его жизни. Но ошибочно было думать, что жизнь К. Н. въ Оптиной Пустынѣ сразу дѣлается монашеской. Нѣтъ, онъ переноситъ туда всю свою обстановку, свои барскія привычки, свои вкусы. Вотъ какъ описываетъ А. Александровъ жизнь К. Н. въ Пустынѣ: «Сначала онъ уѣхалъ въ Оптину Пустынь одинъ и поселился на первое время въ скиту ея; затѣмъ перебрался изъ него въ небольшой двухъ-этажный домъ-особнякъ съ садомъ, расположенный сейчасъ же за монастырской оградой, который арендовалъ у монастыря до конца пребыванія своего въ Оптиной Пустынѣ. Сюда выписалъ онъ и супругу свою Елизавету Павловну, и молодыхъ, вѣрныхъ слугъ своихъ Варю съ Сашей, принанялъ повара не изъ дорогихъ и мальчика изъ сосѣдней деревни, Петрушу, въ помощь Варѣ, у которой пошли уже дѣти, и Сашѣ, которому прибавилась работа въ саду и по уходу за купленною недорого лошадкой для катанья и рѣдкихъ поѣздокъ къ сосѣдямъ-помѣщикамъ, и зажилъ здѣсь совершенно своеобразною, какою-то полу-монашескою, полу-помѣщичьей жизнью, полною религіозно-трогательной, милой и тихой поэзіи, и плѣнительной красоты патріархальнаго стариннаго православно-русскаго уклада, добродушно-барскаго и въ то же время удивительно изящнаго и очень чуткаго къ движенію современной государственной, общественной и литературной мысли». Слишкомъ идиллическій и благодушный характеръ этой картины жизни К. Н. оставляю на отвѣтственность А. Александрова. Въ этомъ описаніи есть что-то не вполнѣ соотвѣтствующее трагическому характеру жизни

К. Н. Но остается вѣрнымъ, что въ Оптиной Пустынѣ онъ жилъ барски-помѣщичьей жизнью. И это было въ то время, когда душа его принимала постригъ. Барство было органически неискоренимо присуще его природѣ, оно было его ноуменальнымъ свойствомъ. Губастовъ въ своихъ воспоминаніяхъ о К. Н. написанныхъ, непріятнымъ тономъ, свидѣтельствующимъ о томъ, что онъ не понималъ размѣровъ своего друга, говоритъ, что К. Н. не годился въ монахи, что смиренія его не не хватало надолго. Это — поверхностное сужденіе. К. Леонтьеву приходилось преодолѣвать такія противорѣчія,такія трудности, такіе соблазны, какихъ большинство монаховъ не знаетъ. Послушаніе его и постриженіе его имѣетъ большій удѣльный вѣсъ, чѣмъ послушаніе и постриженіе многихъ болѣе простыхъ и естественно цѣльныхъ натуръ. К. Н. и на Аѳонѣ и въ Оптиной Пустынѣ дозволялъ себѣ послабленіе и уклоненіе отъ требованій Церкви. Настоящимъ монахомъ онъ не сдѣлался никогда. Но и то, что сдѣлалъ съ собою этотъ природный язычникъ, этотъ турокъ, этотъ человѣкъ Возрожденія Квинквиченто, этотъ русскій баринъ-самодуръ, представляетъ настоящее чудо перерожденія. Вотъ какъ характеризуетъ Губастовъ К. Н.: «По своей натурѣ Леонтьевъ былъ избалованный, причудливый, деспотичный въ домашней жизни, русскій баринъ съ «нетерпѣливо сложными потребностями», въ которыхъ онъ былъ на свое несчастье всегда рабомъ. Послѣ самаго короткаго съ нимъ знакомства бросались въ глаза черты русскаго помѣщика, родившагося и воспитавшагося еще при крѣпостномъ правѣ. Неумѣніе обходиться

безъ многихъ слугъ, любовь быть ими окруженнымъ, патріархально деспотическое обращеніе съ ними, расположеніе къ сельской жизни, къ деревенскимъ забавамъ и пр. Въ немъ сидѣлъ русскій дворянинъ аристократъ». Онъ по барски тратилъ слишкомъ много и дѣлалъ долги. Онъ былъ необыкновенно безкорыстнымъ и щедрымъ человѣкомъ. По внѣшности это былъ типичный баринъ со старыми дворянскими манерами. Онъ дорожилъ тѣмъ, чтобы къ нему относились не только какъ къ писателю, но и къ дворянину хорошаго рода. Періодъ жизни въ Оптиной Пустынѣ былъ однимъ изъ самыхъ плодотворныхъ въ писательской дѣятельности К. Н. Въ этотъ періодъ имъ написаны интересный критическій этюдъ о Л. Толстомъ, «Анализъ, стиль и вѣянія», «Записки отшельника», «Тургеневъ въ Москвѣ». Старецъ Амвросій благословилъ его на продолженіе литературной дѣятельности. Все почти имъ написанное благословлено старцемъ. Это единственное въ своемъ родѣ явленіе въ исторіи русской литературы. Старцы одобряли внутренній духовный путь К. Леонтьева, считали его истинно православнымъ. Бурная, полная страстныхъ противорѣчій натура К. Н. утихаетъ, онъ начинаетъ обрѣтать покой, онъ все болѣе и болѣе уходитъ изъ міра. Въ Августѣ 1891 г. онъ принялъ тайный постригъ съ именемъ Климента. Послѣ постриженія К. Н., съ благословенія старца Амвросія, навсегда покидаетъ Оптину Пустынь и поселяется въ Троице-Сергіевской Лаврѣ. Прощаясь, о. Амвросій сказалъ: «скоро увидимся». Этимъ онъ предсказалъ и себѣ и К. Н. скорую смерть. О. Амвросій умеръ черезъ два

мѣсяца послѣ этого. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Сергіевскій Посадъ К. Н. заболѣлъ воспаленіемъ въ легкихъ. 12 ноября 1891 г. болѣзнь свела его въ могилу. Онъ погребенъ въ Геѳсиманскомъ Скиту.

III

Въ Московскій и Оптинскій періодъ своей жизни К. Н. поддерживалъ близкое общеніе съ большимъ количествомъ людей. У него было много добрыхъ пріятелей. Появился и кругъ почитателей его среди молодежи. И все-таки К. Н. былъ одинокъ въ своихъ самыхъ завѣтныхъ мысляхъ, непонятъ и ненуженъ. Къ людямъ онъ относился лучше, чѣмъ люди къ нему. Тѣ, которые знаютъ Леонтьева исключительно по его «изувѣрскимъ» писаніямъ, могутъ составить себѣ невѣрное представленіе о его личности. К. Н. былъ, въ сущности, добрый человѣкъ, совсѣмъ не холодный и жестокій, очень внимательный къ людямъ. У него былъ открытый и прямой характеръ, совсѣмъ не самолюбивый и не гордый по отношенію къ людямъ. Письма его очень откровенны и подкупаютъ своей искренностью. Въ личной полемикѣ онъ былъ мягкимъ и деликатнымъ. Это особенно видно по его полемикѣ съ Астафьевымъ, который грубо и рѣзко напалъ на него. К. Н. не былъ человѣкомъ самоувѣреннымъ, онъ скорѣе былъ скромнымъ, хотя и зналъ цѣну своимъ дарованіямъ. Особенно чувствуется эта скромность въ писаніяхъ послѣдняго періода. Въ Московскій періодъ своей жизни

онъ началъ встрѣчаться съ молодежью и очень любилъ молодежь. Онъ очень хорошо и увлекательно говорилъ, былъ прекраснымъ повѣствователемъ. Молодежь онъ встрѣчалъ на пятницахъ у П. Е. Астафьева, а потомъ молодежь стала ходить къ нему на квартиру. Онъ любилъ, чтобы по вечерамъ къ нему заходили. Но никакой «школы», никакого своего теченія К. Н. не удалось образовать. Ю. С. Карцевъ, написавшій хорошую статью въ сборникѣ «Памяти Леонтьева», говоритъ: «Леонтьева побуждала сдѣлаться реакціонеромъ его эстетическая манія: онъ опасался какъ бы прогрессъ не уравнялъ и не уничтожилъ особенности народнаго быта. Ни графу Толстому, ни молодымъ московскимъ лицеистамъ, собственно говоря, до эстетики не было никакого дѣла». Тамъ же называетъ онъ К. Леонтьева «великомученникомъ идеи Красоты». Строеніе его духа казалось чужимъ въ консервативномъ лагерѣ. Его неохотно печатали, неохотно о немъ писали. Очень характерны отношенія между К. Н. Леонтьевымъ и Катковымъ. К. Н. былъ романтикомъ консервативной идеи; Катковъ былъ ея реалистомъ. К. Н. остался публицистомъ безъ вліянія; Катковъ имѣлъ огромное вліяніе на нашу политику. По поводу «Византизма и Славянства» Катковъ говорилъ, что Леонтьевъ договорился «до чертиковъ». Къ Каткову у К. Н. было сложное отношеніе. Онъ всегда защищалъ его какъ политическаго публициста и даже предлагалъ поставить ему при жизни памятникъ. Но въ сущности Катковъ былъ ему глубоко чуждъ и даже противенъ. «Катковъ лично, пишетъ К. Н., производилъ на меня впечатлѣніе

самого непрямого, самаго фальшиваго и непріятного человѣка». Онъ жалуется на пристрастность и нетерпимость Каткова, на его невниманіе и недоброжелательство къ людямъ. Онъ ставитъ Каткова выше себя, какъ практическаго дѣятеля, но его теоретическое постиженіе ставитъ довольно низко. Основное разногласіе у него съ Катковымъ было по вопросу объ отношеніи Церкви и Государства. «*Государство — прежде; Церковь — послѣ*, — видимо думалъ Катковъ. Какъ будто Русское государство можетъ жить долго безъ постояннаго возбужденія и подогрѣванія *церковныхъ* чувствъ». По поводу разговоровъ о «теоріи» Каткова К. Н. пишетъ: «Покойникъ, какъ человѣкъ высокаго философскаго образованія, бывшій даже и самъ философъ по профессіи, уважалъ (хотя и довольно холодно) теоріи другихъ; допускалъ, что могутъ быть полезныя и блестящія гипотезы и глубокія обобщенія, но самъ не имѣлъ уже ни времени, ни охоты ими заниматься... Ему было не до системъ, не до теорій. Нѣчто, подобное теоріи у него образовалось, видимо, только въ послѣдніе годы. Это именно та смутная и нигдѣ ясно не выраженная теорія преобладанія русскаго государства надъ восточной Церковью». Леонтьевъ и Катковъ не имѣли между собой ничего общаго. Но онъ лучше относился къ Каткову, чѣмъ Катковъ къ нему. Какія отношенія были у Леонтьева съ славянофилами? Изъ старыхъ славянофиловъ ему не нравился Хомяковъ, казался незначительнымъ И. Кирѣевскій. И. Аксаковъ относился отрицательно и враждебно къ публицистической дѣятельности К. Н. Какъ глубоко К. Н. расходился

со славянофилами во взглядахъ на Россію и національную политику, мы уже видѣли. С. Рачинскій чувствовалъ къ К. Н. «непобѣдимое отвращеніе». П. Астафьевъ такъ грубо и рѣзко полемизировалъ съ К. Н. по поводу статьи «Племенная политика, какъ орудіе всемірной революціи», что тотъ обидѣлся и порвалъ съ нимъ отношеніе. Въ правительственныхъ кругахъ К. Н. тоже мало цѣнили. По поводу хлопотъ К. Н. о принятіи его вновь на дипломатическую службу Кн. Горчаковъ сказалъ: «намъ монаховъ не нужно». Изъ молодыхъ людей, окружавшихъ К. Н. , близокъ ему былъ А. Александровъ. Но К. Н. жалуется, что тотъ *не духовно* его понялъ, когда онъ писалъ объ интимныхъ своихъ переживаніяхъ. Онъ былъ вь хорошихъ отношеніяхъ съ Т. И. Филлиповымъ*), и отношенія эти возникли на почвѣ единомыслія въ греко-болгарской распрѣ. Но не изъ чего не видно, чтобы Филлиповъ понималъ святое святыхъ К. Н., его внутренній паѳосъ. Это были добрыя отношенія на почвѣ внѣшняго консервативнаго единомыслія. Н. Н. Стаховъ и др. считали К. Н. «черезъчуръ православнымъ». Побѣдоносцевъ цѣнилъ К. Н., какъ мыслителя, но держался отъ него далеко. К. Н. даетъ очень острую характеристику Побѣдоносцеву въ письмѣ къ Филлипову: «Человѣкъ онъ очень полезный; но какъ? Онъ какъ морозъ; препятствуетъ дальнѣйшему гніенію; но *расти* при немъ ничто не будетъ. Онъ не только не творецъ; онъ даже не реакціонеръ.

---

*) Государственнымъ контролеромъ.

не возстановитель, не реставраторъ, онъ только консерваторъ въ самомъ тѣсномъ смыслѣ слова; морозъ; я говорю, сторожъ; безвоздушная гробница; старая «невинная» дѣвушка и больше ничего!».

Большимъ утѣшеніемъ для К. Н. была высокая оцѣнка его идей и всего его творческаго дѣла со стороны замѣчательнаго писателя, принадлежащаго уже новому духу, — В. В. Розанова. Розановъ понялъ Леонтьева иначе и глубже, чѣмъ его до сихъ поръ понимали. «Строй тогдашнихъ мыслей Леонтьева, говоритъ Розановъ, до такой степени совпадалъ съ моимъ, что намъ не надо было сговариваться, не надо было договаривать до конца своихъ мыслей: все было съ полуслова и до конца, до глубины, понятно другъ въ другѣ». Такъ никто еще не воспринималъ К. Н. и не говорилъ о немъ. Лишь въ началѣ XX вѣка явилось поколѣніе людей, способныхъ оцѣнить К. Леонтьева такъ, какъ не способны были его оцѣнить люди времени Каткова, Аксакова, Побѣдоносцева, С. Рачинскаго и др. Въ одномъ только Розановъ расходится съ К. Н. К. Н. — аристократъ, баринъ. Розановъ — демократъ, «учитель уѣздной гимназіи». Розанова возмущаетъ восхищеніе К. Н. передъ типомъ Вронскаго. Но Розановъ могъ уже понять эстетизмъ К. Н. и сложность его религіозной драмы. Онъ даетъ блестящую характеристику К. Н., въ которой что-то угадывается въ его необычайной личности, но угадывается не вполнѣ и не до конца. «Великій эстетикъ и политикъ, пишетъ Розановъ въ первой своей статьѣ о Леонтьевѣ, онъ видѣлъ въ исторіи волнущіяся массы народовъ, ихъ любилъ, ими восхищался; но, только

эстетикъ и политикъ, онъ не замѣтилъ вовсе святого центра ихъ общаго движенія, который незримо ведетъ, охраняетъ, поддерживаетъ идущихъ. Онъ только различалъ бредущія толпы, натуралистическія стада «человѣческихъ головъ», и все, замѣченное имъ здѣсь — точно, вѣрно, научно; но есть и остался ему неизвѣстенъ въ темномъ кіотѣ святой образъ, который и избралъ эти толпы, и ведетъ ихъ къ раскрытому и ожидающему шествія храму: и все то, что онъ такъ любилъ въ исторіи, эти блестки свѣчъ, волнующіяся хоругви, курящійся къ нему дымъ — существуетъ вовсе не силою красоты въ нихъ, но долгомъ служенія своего и своего предстоянія маленькой черной иконкѣ. Отсюда изъ этого страннаго, почти языческаго забвенія вытекаетъ третья особенность насъ занимающаго писателя: чрезмѣрное преобладаніе въ немъ отрицанія надъ утвержденіемъ, отвращающагося чувства надъ любовью, надеждою, порывомъ. Эстетическое начало есть по существу своему пассивное; оно вызываетъ насъ на созерцаніе, оно удерживаетъ, отвращаетъ насъ отъ всего, что ему противорѣчитъ;но бросить насъ на подвиги, жертву —-вотъ чего оно никогда не можетъ. Люди не соберутся въ крестовые походы, они не начнутъ революціи, не прольютъ крови... изъ за Аѳродиты земной. И ее одну зналъ и любилъ истинно К. Леонтьевъ. Аѳродита Небесная, начало этическое въ человѣчествѣ — вотъ, что движетъ, одушевляетъ, покоряетъ человѣка полно; за что онъ проливалъ и никогда не устанетъ проливать кровь. Леонтьевъ не имѣлъ въ будущемъ надеждъ; но это оттого, что заботясь о людяхъ, страшась за нихъ, онъ въ сущ-

ности, не видалъ въ нихъ единственнаго, за что ихъ можно было уважать—и не уважалъ. Слѣпой къ родникамъ этическихъ движенiй, какъ бы съ атрофированнымъ вкусомъ къ нимъ, онъ не ощущалъ вкуса и къ человѣку — иного, чѣмъ какой могъ ощутить къ его одеждѣ, къ красотѣ его движенiй...Странная пассивность всѣхъ отношенiй къ дѣйствительности — что зовутъ его«реакцiонерствомъ» — была уже естественнымъ плодомъ этого. Любить сохранившiяся остатки красоты въ жизни, собрать ея осколки и какъ нибудь сцементировать —это было все, къ чему онъ умѣлъ призывать людей». Характеристика блестящая, но не вполнѣ вѣрная. Въ ней противопоставляется демократическое чувствованiе жизни и исторiи чувствованiю аристократическому. У К. Н. было своеобразное аристократическое моральное отношенiе къ жизни и исторiи, онъ не былъ только эстетомъ-аморалистомъ. Его доброе и участливое отношенiе къ окружающимъ людямъ, къ близкимъ, опровергаетъ аморалистическое истолкованiе его личности. Онъ видѣлъ душу индивидуального человѣка, любилъ ее и заботился о ней. Это недостаточно принимаютъ во вниманiе О. К. Агеевъ и С. Булгаковъ, неожиданно сошедшiеся въ нѣкоторыхъ своихъ оцѣнкахъ Леонтьева. Закржевскiй пытается даже по модному изобразить его сатанистомъ, что совсѣмъ уже неосновательно. К. Н. былъ жестокъ въ своей политической философiи, но не въ жизни. Онъ очень нуждался и бѣдствовалъ, но былъ щедръ и всегда готовъ прiйти на помощь людямъ. Онъ любилъ брать на свое попеченiе. У него были «дѣти души» — слуги Варя и Николай, къ которымъ онъ относился

съ трогательной заботой. Письма его наполнены любовнымъ вниманіемъ къ интимной жизни Вари и Николая. Онъ входитъ въ ихъ мелкія заботы, онъ женитъ ихъ, страдаетъ ихъ страданіями. У него было исключительно хорошее отношеніе къ слугамъ, какъ къ членамъ семьи. Вообще была дѣятельная любовь къ ближнему. Онъ веселился, мучился, радовался и горевалъ за близкихъ. У К. Н. совсѣмъ не было той притупленности чувствъ въ отношеніи къ человѣческимъ радостямъ и страданіямъ, которая свойственна упадочному эстетизму. Онъ — страстный человѣкъ, исполненный сочувствія и вниманія къ отдѣльнымъ человѣческимъ душамъ. У него было очень доброе, терпѣливое, сочувственное отношеніе къ своей полуумной женѣ, отъ которой ему много пришлось страдать. Онъ предпочиталъ ее другимъ женамъ и покорно несъ ниспосланное ему испытаніе, видя въ этомъ высшій смыслъ. Его мучила грязь жены. Это не легко было выносить ему, зажмуривавшему глаза, когда онъ бралъ спичку и видѣлъ грязные ногти. До конца оставался онъ эстетомъ, но въ немъ сильна была и религіозная мораль. «Я бы могъ, пишетъ онъ Александрову, привести Вамъ изъ собственной жизни примѣры борьбы поэзіи съ моралью. Сознаюсь, у меня часто брала верхъ *первая*, не по недостатку *естественной* доброты и честности (онѣ были сильны отъ природы во мнѣ), а вслѣдствіе *исключительно эстетическаго міровоззрѣнія*... И если, *наконецъ*, старѣя, я сталъ (послѣ 40 лѣтъ) предпочитать мораль — поэзіи, то этимъ я обязанъ, право, не годамъ, не старости, и болѣзнямъ, но *Аѳону*, а потомъ *Опти-*

ной... Изъ человѣка съ широко и разносторонне развитымъ воображеніемъ только *поэзія религіи* можетъ вытравить *поэзію изящной безнравственности*». И дальше онъ пишетъ: «Поэзія жизни обворожительна, мораль очень часто — увы! — скучна и монотонна... *Вѣра, молитва, Церковь, поэзія религіи Православной со всей ея обрядностью и со всѣмъ аскетическимъ «коррективомъ» ея духа* — вотъ единственно средство опоэзировать прозу семейной жизни». Это обнаруживаетъ очень серьозный нравственный характеръ въ К. Н., огромную духовную работу и духовное бореніе. «Люблю я, грѣшный, все *земное* прекрасное; но уже дожилъ до того, что и *не умѣю* уже предпочитать *небесному*, когда есть возможность выбора!» Моральное сознаніе К. Н. было трансцендентное, а не имманентное, не автономное. И онъ эстетически оправдывалъ эту трансцедентную мораль. Это — моральное сознаніе не только глубоко противоположное моральному сознанію Канта и Толстого, но и моральное сознаніе не вполнѣ христіанское. Это — опредѣленный моральный типъ, а не типъ аморальный, какъ хотятъ, по модному, изобразить Леонтьева. Но Леонтьевъ, дѣйствительно, мало чувствовалъ внутреннюю душевную жизнь народныхъ массъ въ исторіи. Его аристократическому сознанію массы представлялись матеріаломъ. Въ этомъ Розановъ правъ.

Въ письмахъ К. Н. прорываются горькія жалобы на людей, на одиночество, на тяжелую судьбу свою подъ старость. Особенно интересны въ этомъ отношеніи его письма къ Ольгѣ Сергѣевнѣ Карцевой, которой онъ былъ очень заинтересованъ. Въ одномъ письмѣ онъ

сравниваетъ себя съ породистой собакой, которой переѣхали задъ телѣгой. Онъ вспоминаетъ такую собаку въ Крыму. «Не лучше ли было бы ее убить? А человѣку, который вѣритъ въ загробную жизнь и уставы церкви, нельзя этого сдѣлать. А, напротивъ, нужно молиться, чтобы пожить и имѣть время искупить, что нужно. И надо жить, биться на мѣстѣ съ переѣханнымъ задомъ!... Да еще мы нарочно приходили , чтобы дать ей поѣсть, а тутъ друзья не находятъ возможнымъ заѣхать, чтобы бросить кусокъ *душевной пищи*». Ю. С. Карцеву онъ пишетъ: «Что за дѣло вамъ и вообще сверстникамъ вашимъ, полнымъ здоровья и огня, еще способнымъ вѣрить въ свой умъ, свою правоту и свою неудачу до какого то растерзаннаго трупа, на котораго вы случайно наткнулись на пути своемъ. Еще спасибо, хоть снисходительно написали, а другой и этого бы не сдѣлалъ... Я до того въ послѣдніе годы привыкъ къ лѣни, низости, звѣрскому эгоизму встрѣчныхъ людей, что всякая просто-человѣческая черта по отношенію ко мнѣ меня дивитъ и радуетъ». Къ семьѣ Карцевыхъ у К. Н. было романтическое отношеніе, съ семьей этой у него связывались поэтическія ассоціаціи. Семья состояла изъ матери, двухъ сестеръ и брата-дипломата, котораго К. Н. считалъ однимъ изъ умнѣйшихъ людей. Жили они въ Петербургѣ. О вечерахъ, проведенныхъ у Карцевыхъ, К.Н. вспоминаетъ съ задушевнымъ лиризмомъ и нѣжностью. «Я никогда не забуду, пишетъ онъ одной изъ сестеръ, ни вашей дружбы, ни вашей доброты, ни вашего блестящаго умѣнья разговора, ни вашей лампы, ни Андрюши, милаго и лукаваго, ни крепа атласной

мебели, пополамъ съ сѣрой, съ красными пуговицами, ни вашихъ двухъ старшихъ тигрятъ, ко мнѣ все- таки грѣшному, столь ласковыхъ, ни арѳы, ни котлетъ, ни всенощныхъ бдѣній моихъ на Милліонной... Если помнишь сердцемъ какую-нибудь мѣстность въ любимой деревнѣ, напримѣръ, лужокъ или цвѣтникъ, то съ улыбкой симпатіи вспоминаешь даже и тряпку, которую обронила мимоходомъ между фіалками и розами прохожая старая баба.» Эти письма очень характерны для интимной, душевно-сердечной стороны, природы К. Н., для романтизма его чувствъ, для печали его по красотѣ жизни. Но такъ писать можетъ лишь человѣкъ близкій къ состоянію влюбленности. Вотъ письмо къ Ольгѣ Сергѣевнѣ Карцевой, изъ котораго ясно, что онъ мечталъ объ amitie amoureuse и былъ разочарованъ. «Еще письмо отъ Васъ, О. С; и письмо немножко получше другихъ... Простите мнѣ мое разочарованіе. Я весной, уѣзжая въ Любань имѣлъ глупость мечтать о какой-то иной перепискѣ. Вообразите, какой смѣшной въ мои годы романтизмъ: я мечталъ, что вотъ дѣвушка молодая, такая умная, красивая и страстная и вмѣстѣ съ тѣмъ практическая... и вотъ человѣкъ усталый, измученный борьбой, человѣкъ пожилой, но котораго умъ не старѣетъ, у котораго и сердце еще пробуждается иногда при видѣ прекраснаго. Они дружны, очень дружны. Отношенія ихъ безупречны... Ему ужъ такъ мало нужно. Онъ иногда уже радъ и тому, что *живъ* еще, что смотритъ на людей, на природу, что хоть какъ-нибудь участвуетъ въ движеніи умовъ. Ей съ нимъ весело и легко, гораздо веселѣе, чѣмъ съ большинствомъ этихъ ужасныхъ,

казенныхъ молодыхъ людей, которые ее окружаютъ. Они переписываются, они смѣются вмѣстѣ, жалуются другъ другу откровенно, понятно и подробно, когда можно на то, что имъ скучно, тяжело, они разсуждаютъ о Богѣ, о жизни, о любви даже, о любви вообще. И это длится годами. Она выходитъ замужъ по любви, или иначе, но поэтическая дружба ихъ остается отъ этого нерушимой. Никто, даже и мужъ, не можетъ ничего сказать противъ этой пріязни, въ которой нѣтъ и тѣни укоризны и только одно благоуханіе чести и ума... Неправда ли какъ глупо?.. А вы пишете то о свадьбѣ какой то подруги, до которой мнѣ нѣтъ дѣла, то о томъ, что въ Германіи лучше встрѣчали войска. Впрочемъ, даю Вамъ слово, что все это я говорю въ послѣдній разъ.. Вы хотѣли простоты, т. е. откровенности: вотъ вамъ откровенность. Разъ и навсегда! Больше не буду такъ писать, а буду писать въ другомъ смыслѣ, просто, т. е. безцвѣтно и сдержанно... Нѣтъ! Ольга Сергѣевна, вы очень умны, можетъ быть, но есть цѣлый міръ мыслей и чувствъ для васъ недоступныхъ. Поймете ли вы, напр., вотъ что: поймете ли хорошо, умомъ ясно, сердцемъ горячо; поймете ли вы меня, если я вамъ скажу, что мнѣ ничего не проходитъ *даромъ*. Ничего не прощается такъ, какъ прощается многимъ другимъ»...

Сердечно К. Н. не былъ утоленъ; онъ и подъ старость чувствовалъ романтическую тоску. Слишкомъ ясно изъ писемъ, что О. С. Карцева не была подходящимъ объектомъ. Въ письмѣ есть горечь разочарованія. Такъ до конца К. Н. и не встрѣтилъ близкой женской души, которая утолила бы его романтическую жажду. Пови-

димому интимно близкимъ, самымъ близкимъ ему человѣкомъ была племянница Марья Владиміровна Леонтьева, но для сужденія объ этихъ отношеніяхъ мы не имѣемъ почти никакихъ матеріаловъ. Особенное отношеніе было у К. Н. къ Ю. С. Карцеву. Онъ ему пишетъ: «Попросивши *васъ*, именно васъ, пріѣхать ко мнѣ на одинъ день во всей вашей и моей жизни, я остальное предоставляю судьбѣ и законамъ печальной человѣческой природы... Только въ васъ, мой юный и хитрый тигръ-поэтъ, я нахожу сочетаніе тѣхъ качествъ и тѣхъ пороковъ, которые мнѣ нужны для этой моей цѣли. Только Вамъ я повѣрю одному и только вашему совѣту я послѣдую въ этомъ предпріятіи. Хотя до васъ касаться нужно осторожно, чтобы не исколоть и не изрѣзать руки до крови, но за то вѣдь изъ васъ же можно перегонять драгоцѣнное розовое масло, котораго изъ другого никакими машинами не выжмешь»... Большая часть писемъ К. Н. обвѣяна печалью... Онъ не встрѣчаетъ того пониманія въ людяхъ, которое хотѣлъ бы встрѣтить, не встрѣчаетъ на своемъ жизненномъ пути той любви, какую ему нужно было встрѣтить. Ни глубокой любви, ни глубокой дружбы не выпадаетъ на его долю. Онъ не позналъ духовной атмосферы поистинѣ близкихъ и до конца понимающихъ его людей. Онъ говоритъ про себя: «я люблю работу мысли; но мнѣ кажется, что я еще больше люблю *восхищаться*, люблю *адмирацію*». Такой натурѣ нужно было горячее общеніе съ людьми, утоленіе душевныхъ и сердечныхъ потребностей. На нѣкоторыхъ людей, особенно молодыхъ К. Н. призводилъ неотразимое впечатлѣніе. І. Колышко такъ

описываетъ впечатлѣніе, которое онъ производилъ: «Сухой, жилистый, нервный, съ искрящимися, какъ у юноши, глазами, онъ обращалъ на себя вниманіе и этой внѣшностью своею и молодымъ, звонкимъ голосомъ, и рѣзкими, но всегда граціозными движеніями. Ему никакъ нельзя было дать 50 лѣтъ. Онъ говорилъ, или вѣрнѣе импровизировалъ, о чемъ — не помню. Вслушиваясь въ музыку его красиваго ораторскаго слога и увлекаясь его увлеченіями, я едва успѣвалъ слѣдить за скачками его безпокойной, какъ молнія сверкавшей и извивавшейся мысли. Она какъ бы не вмѣщалась въ немъ, не слушалась его, загораясь пожаромъ то тамъ, то сямъ и освѣщая далекіе темные горизонты въ мѣстахъ, гдѣ менѣе всего ее можно было ожидать. Это была цѣлая буря, ураганъ, порабощавшій слушателей. Мнѣ даже казалось, что онъ рисуется, играетъ своимъ обаяніемъ, но не слушать его я не могъ, какъ не могъ не поражаться его огромной силой логики, огненности воображенія и чѣмъ то еще особеннымъ, что не зависѣло ни отъ ума, ни отъ краснорѣчія, но что было, пожалуй, труднѣе того и другого... Это что-то я иначе не могу назвать, какъ благородной воинственностью его духа и блестящей храбростью его ума»... И такой человѣкъ все-таки не оказалъ почти никакого вліянія. Но былъ одинъ человѣкъ, отношенія съ которымъ имѣли для К. Н. исключительное значеніе. Это былъ Вл. Соловьевъ. Отношенія эти заслуживаютъ спеціальнаго разсмотрѣнія.

IV

Встрѣча К. Леонтьева съ Вл. Соловьевымъ, тоже одинокимъ, непонятымъ и опередившимъ свое время мыслителемъ, была самой значительной встрѣчей его жизни. Они были разные люди, очень непохожіе по своему умственному складу, по характеру своего образованія, по интимной душевной индивидуальности своей. Вл. Соловьевъ былъ метафизикъ, прошедшій нѣмецкую философскую школу, отвлеченный богословъ и схоластикъ, гностикъ съ оккультными склонностями, интимный поэтъ, посвятившій стихи свои небесной эротикѣ, и политическій публицистъ, склонный къ гуманитарному либерализму и къ слишкомъ иногда прямолинейному примѣненію христіанства къ общественности. Построенія Вл. Соловьева были слишкомъ гладки, слишкомъ раціонализированы, слишкомъ ясны. Въ немъ же самомъ было что-то неясное, не до конца раскрытое, недоговоренное. Онъ былъ одинъ изъ самыхъ загадочныхъ русскихъ людей, не менѣе загадочныхъ, чѣмъ Гоголь, болѣе загадочныхъ, чѣмъ Достоевскій. Достоевскій въ своемъ творчествѣ раскрылъ себя, всѣ свои противорѣчія, свое небо и свой адъ, своего Бога и своего діавола. Соловьевъ же не раскрылъ, а прикрылъ себя въ своихъ произведеніяхъ. Его нужно разгадывать по намекамъ, по отдѣльнымъ строчкамъ, по интимнымъ стихамъ. К. Леонтьевъ былъ натуралистъ, прошедшій школу естественныхъ наукъ, художникъ, беллетристъ и эстетъ, совсѣмъ не гностикъ, безъ сложныхъ созерцательно-познавательныхъ запросовъ, полити-

ческій мыслитель и публицистъ очень сложной и углубленной мысли, для котораго вопросъ объ отношеніи христіанства къ общественности ставился сложно-дуалистически. У Вл. Соловьева была абстрактная и иногда обманчивая ясность мышленія, что-то скрывающая и прикрывающая; у К. Леонтьева была конкретная, художественная ясность мышленія, раскрывающая всю сложность его природы и его запросовъ. Какъ писатель, Вл. Соловьевъ не художникъ, какъ человѣкъ, онъ не эстетъ. Лишь въ лирическихъ стихахъ умѣлъ онъ выразить свою интимную романтику. К. Леонтьевъ — сложная, яркая единственная въ своемъ своеобразіи натура, но совсѣмъ не загадочная. Онъ — ясный, въ своемъ добрѣ и въ своемъ злѣ. Вл. Соловьевъ весь — неясный и загадочный, въ немъ много обманчиваго. От. Іосифъ Фудель, близко знавшій К. Н., въ своей интересной статьѣ, «К. Леонтьевъ и Вл. Соловьевъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ». очень вѣрно говоритъ: «К. Леонтьевъ имѣлъ обыкновеніе высказываться въ разговорѣ или печати *больше* и дальше того, что онъ на самомъ дѣлѣ думалъ. Это тоже сыграло печальную роль въ судьбѣ Леонтьева. Его страсть къ парадоксамъ дѣлала изъ него какое-то пугало для людей, не знавшихъ его; а его *преувеличенія* въ области душевныхъ изліяній до сихъ поръ окружаютъ его *темнымъ* ореоломъ какой-то исключительной безнравственности. Совершенно обратное явленіе представляетъ Соловьевъ. Онъ никогда не высказывалъ печатно всего того, что думалъ или говорилъ въ кругу друзей». Во взаимныхъ отношеніяхъ Леонтьева и Соловьева, въ ихъ романѣ, у Леонтьева болѣе открытое,

искреннее и горячее отношеніе къ Вл. Соловьеву, чѣмъ у Соловьева къ нему. К. Н. не только горячо полюбилъ Вл. Соловьева, но влюбился въ него. Вл. Соловьевъ былъ самымъ большимъ пристрастіемъ его жизни, для него онъ готовъ былъ сломить нѣкоторыя свои идейныя симпатіи. Онъ имѣлъ огромное на него вліяніе, быть можетъ единственное въ его жизни по своей силѣ. Слишкомъ многое должно было отталкивать К. Н. въ складѣ мыслей Вл. Соловьева, но онъ преодолѣлъ это отталкиваніе. К. Н. пишетъ: «я его *очень* люблю лично, сердцемъ; у меня къ нему просто физіологическое влеченіе». Это — влюбленность. К. Н. находился подъ обаяніемъ Вл. Соловьева. Соловьевъ же относился къ К. Н. съ любовью, высоко цѣнилъ его, но въ его отношеніи есть осторожность, оглядка, сдержанность, нѣтъ вполнѣ отдающаго себя порыва. Оба они чувствовали, что ихъ соединяетъ какая-то общая новая мука о Россіи, что они открываютъ какой-то новый періодъ нашей мысли, но по разному переживаютъ это. Оба они были одинокіе мыслители и мечтатели, не понятые своимъ временемъ. К. Н. пишетъ о. І. Фуделю о Соловьевѣ: «Что онъ — геній, это несомнѣнно и мнѣ самому нелегко отбиваться отъ его «обаянія» (тѣмъ болѣе, что мы сердечно любимъ другъ друга); но все-таки надо отбиваться; надо признавать всякую геніальность, но не всякой подчиняться». И Соловьевъ высоко цѣнилъ К. Н. Онъ находитъ его «умнѣе Данилевскаго, оригинальнѣе Герцена и лично религіознѣе Достоевскаго». Онъ говоритъ К. Н. : «я хочу напечатать въ «Руси» Аксакова, что — нужно большое *безстрашіе*, чтобы

въ наше время говорить *о страхѣ* религіозномъ, а не объ одной любви». К. Н. жалуется, что Соловьевъ сказалъ это, но не напечаталъ. Вообще въ то время какъ К. Н. всегда восторженно говоритъ и пишетъ о Вл. Соловьевѣ, Соловьевъ очень сдержанъ, не пишетъ о немъ, какъ предполагалъ, не высказывается по существу. Сэрьозной критики К. Н. такъ и не дождался отъ Соловьева, хотя болѣе всего ждалъ именно его критики и болѣе всего ею дорожилъ. К. Н. дѣлаетъ Соловьева судьей въ своемъ спорѣ съ Астафьевымъ по національному вопросу. Но Вл. Соловьевъ сдержанъ и уклоняется. К. Н. съ горечью говоритъ, что Соловьевъ его «предаетъ» своимъ молчаніемъ. Написанная потомъ статья Вл. Соловьева о К. Леонтьевѣ, хотя и оцѣниваетъ его довольно высоко, но сдержана и суха, она не проникаетъ вглубь «проблемы Леонтьева». У Вл. Соловьева не было той способности «восхищаться», которая была у Леонтьева. К. Н. восклицаетъ: «но лучше я умолкну на мгновеніе, и пусть говоритъ вмѣсто меня Влад. Соловьевъ, человѣкъ, у котораго «я не достоинъ ремень обуви развязать», когда дѣло идетъ о религіозной метафизикѣ и о внутреннемъ духѣ общихъ церковныхъ правилъ». К. Н. совершенно лишенъ былъ всякаго чувства соревнованія, авторскаго самолюбія, зависти. Это — очень благородная и рѣдкая въ немъ черта. Онъ былъ рѣзкимъ и крайнимъ въ отношеніи къ идеямъ и мягкимъ и деликатнымъ въ отношеніи къ отдѣльнымъ людямъ. Вл. Соловьевъ, наоборотъ, любилъ сглаживать крайности и противорѣчія въ идеяхъ, въ личной же полемикѣ былъ рѣзокъ и безпощаденъ. Полемика Вл.

Соловьева противъ славянофиловъ, противъ Данилевскаго и Страхова возмущала К. Н. и по существу, и по тону. Это было тяжелое испытаніе для его дружбы съ Соловьевымъ. Но любовь его къ Соловьеву выдержала это испытаніе. Въ отвѣтъ на запросъ о. І. Фуделя, не поссорился ли онъ съ Соловьевымъ, когда встрѣтился послѣ того, какъ они долго не видѣлись, К. Н. отвѣчаетъ: «Не только не поссорились, но все обнимались и цѣловались. И даже больше онъ, чѣмъ я. Онъ все восклицалъ: «Ахъ, какъ я радъ, что Васъ вижу.» Обѣщалъ пріѣхать ко мнѣ зимою. Да я не надѣюсь».

Вл. Соловьевъ оказалъ большое вліяніе на К. Леонтьева въ вопросѣ о будущемъ Россіи, онъ пошатнулъ его вѣру въ возможность въ Россіи самобытной, не европейской культуры. Мирился К. Н. и съ тяготѣніемъ Вл. Соловьева къ католичеству. Но онъ не могъ вынести статьи Вл. Соловьева «Объ упадкѣ средневѣковаго міросозерцанія». Этого испытанія его дружба къ Соловьеву не выдержала. Онъ не могъ ему простить сближенія христіанства съ гуманитарнымъ прогрессомъ и демократіей, — это уже посягало на святое святыхъ К. Н., на самое интимное въ его религіи и эстетикѣ. Страстная любовь его къ Вл. Соловьеву переходитъ въ страстную вражду, вражду, на какую способенъ лишь влюбленный. Эта вражда отравила послѣдніе дни жизни К. Н. Передъ смертью его болѣе всего мучило отношеніе къ Вл. Соловьеву. Онъ не находитъ уже въ себѣ силъ возражать на статью Соловьева, въ которой видитъ измѣну святынямъ, уступку духу либерально-эгалитарнаго прогресса. «Перетерлись

видно, «струны» мои отъ долготерпѣнія и безъ *своевременной* поддержки... Хочу поднять крылья и *не могу*. *Духъ* отошелъ. Но съ самимъ Соловьевымъ я послѣ этого ничего общаго не хочу имѣть». Со свойственной К. Н. страстностью, онъ предлагаетъ добиться высылки Соловьева за границу и вырабатываетъ цѣлый планъ гоненія на него. Онъ его подозрѣваетъ въ неискренности. Въ письмахъ онъ называетъ Соловьева «сатаной» и «негодяемъ». Онъ предлагаетъ духовенству возвысить голосъ противъ Соловьева. Хочетъ, чтобы митрополитъ сказалъ проповѣдь противъ смѣшенія христіанства съ демократіей и прогрессомъ. Онъ разрываетъ фотографію Соловьева. Въ столкновеніи Леонтьева съ Соловьевымъ чувствуется безсиліе. Его смущаетъ Соловьевъ, такъ смущаетъ, какъ не смущалъ никто еще въ жизни. Онъ во многомъ покоряется ему. И во многомъ Соловьевъ былъ болѣе правъ. Онъ требобовалъ осуществленіе христіанской правды въ общественной жизни. Но въ чемъ то послѣднемъ К. Н. не уступаетъ Соловьеву. Столкновеніе и распря К. Леонтьева и Вл Соловьева не разрѣшилась при жизни Леонтьева. Сначала Соловьевъ былъ сильнѣе Леонтьева и вліялъ на него. Но подъ конецъ жизни Вл. Соловьева началъ побѣждать духъ Леонтьева, леонтьевскій пессимизмъ по отношенію къ земной жизни, къ исторіи. К. Леонтьевъ раньше Вл. Солов̆ева почуялъ побѣду антихристова духа. Сначала Леонтьевъ разочаровался въ своемъ идеалѣ русской самобытной культуры. Потомъ Соловьевъ разочаровался въ своемъ идеалѣ вселенской христіанской общественности. Оба они подошли къ

темному предѣлу исторіи, къ безднѣ. И взаимотношенія ихъ для насъ очень поучительны.

V

Въ послѣдніе годы своей жизни К. Н. тяжело переживалъ почти полное отсутствіе литературнаго и идейнаго вліянія, неуспѣхъ, непониманіе, выпавшіе на его долю. Онъ видѣлъ въ этомъ загадку своей личной судьбы и называлъ это своимъ fatum'омъ. Онъ переживалъ это религіозно и видѣлъ въ этомъ внутренній смыслъ. Онъ чувствовалъ, что «есть въ его судьбѣ нѣчто особое». «Признавать мнѣ себя недаровитымъ или недостаточно даровитымъ, «не художникомъ» это было бы ложью и натяжкою. Это невозможно. Этого я никогда ни отъ кого не слыхалъ. Такого рѣшенія и смиреніе христіанское вовсе не требуетъ... Многіе люди могли бы сдѣлать много для моего прославленія; они видимо сочувствовали мнѣ, даже восхищались; но сдѣлали очень мало. Неужели это явная недобросовѣстность ихъ, или мое недостоинство? Да! Конечно, недостоинство, но духовное, грѣховное, а не собственное умственное или художественное. Богу не угодно было, чтобы я забылся и забылъ Его; вотъ какъ я пріучилъ себя понимать свою судьбу. Не будь цѣлой совокупности подавляющихъ обстоятельствъ, я, быть можетъ, никогда бы и не обратился къ Нему... Не нуженъ, не «полезенъ» мнѣ былъ при жизни такой успѣхъ, какой могъ бы меня удовлетворить и насытить. Достаточно, видно, для

меня было «средняго» succès d'estime, и тотъ пришелъ тогда, когда я сталъ ко всему равнодушнѣе... И, убѣдившись въ томъ , что несправедливость людей въ этомъ была только орудіемъ Божьяго гнѣва и Божьей милости, я давно отвыкъ поддаваться столь естественнымъ движеніямъ гнѣва и досады на этихъ людей». «Можетъ быть, послѣ моей смерти обо мнѣ заговорятъ, а вѣроятно, теперь на землѣ слава была бы мнѣ не полезна, и Богъ ее мнѣ не далъ». И онъ чувствуетъ, что все складывается въ этомъ отношеніи фатально. Онъ замѣчаетъ, что разныя обстоятельства мѣшаютъ появленію статей о немъ. Люди, въ личномъ общеніи высоко оцѣнившіе его произведенія и его идеи, такъ и не пишутъ предполагавшихся статей о немъ. Онъ ждалъ, что историки подтвердятъ его ученіе объ упростительномъ смѣшеніи. Но историки не заинтересовались имъ. Вполнѣ равнодушнымъ къ этому онъ быть не могъ. Его огорчало невниманіе къ его идеямъ и въ письмахъ онъ часто возвращается къ этой темѣ съ большой горечью. «Нѣсколько хорошихъ, строгихъ даже и справедливыхъ, критическихъ статей, при *сердечномъ* ко мнѣ равнодушіи, больше бы меня утѣшили, чѣмъ эта личная любовь безъ статей... Приближаясь все болѣе и болѣе къ послѣднему дню разсчета со всѣмъ земнымъ, хотѣлось бы знать, наконецъ, стоютъ ли чего-нибудь твои труды и твои мысли или ничего не стоютъ!.. Мнѣ *самому, для себя* нужна была честная и строгая критика!» И его начинаетъ раздражать, что Вл. Соловьевъ «все обнимаетъ и цѣлуетъ и говоритъ: ахъ! какъ я радъ Васъ видѣть!» У него является сомнѣніе, ему начинаетъ ка-

заться, что писать не стоитъ. «Въ мои годы писать прямо и преднамѣренно для печати, какая, скажите, можетъ быть особая охота, если не видѣть сильнаго сочувствія, если не *ощущать* ежедневно своего вліянія.» О своей статьѣ «Анализъ, стиль и вѣяніе» онъ пишетъ Александрову въ предположеніи, что она не будетъ принята въ журналъ въ томъ видѣ, какъ написана:«если «нѣтъ» —подарю Вамъ, на память о человѣкѣ, который за все брался и ничѣмъ никому, кромѣ 3-4 человѣкъ не угодилъ. Да и то больше благодаря личному знакомству!» «Я же *теперь по предсмертному завѣту* моего великаго учителя, буду писать впредь или по *нуждѣ* (денежной) или по *большой* ужъ охотѣ, которой быть не можетъ у 60-лѣтняго человѣка, давно уже утомленнаго молчаливымъ презрѣніемъ однихъ и недостойнымъ предательствомъ другихъ». Все это звучитъ очень горько. К. Н. не былъ человѣкомъ съ большимъ самолюбіемъ, въ немъ не было чрезмѣрно развитого литературнаго честолюбія. Но есть предѣлъ невниманія. Писатель , сознающій свое призваніе, не можетъ чувствовать себя въ пустынѣ, не можетъ примириться съ тѣмъ, что словъ его никто не слышитъ. Новыя поколѣнія должны были прійти, чтобы К. Н. оцѣнили и начали понимать его. По складу своего характера и по психологіи своей, К. Н. до конца оставался бариномъ и не могъ сдѣлаться профессіональнымъ литераторомъ. Онъ писалъ по вдохновенію или по внѣшнимъ побужденіямъ. Но вдохновеніе его слабѣло отъ его fatum'a, отъ рокового непризнанія и невниманія. Въ литературной судьбѣ К. Н. есть что-то типическое для одинокаго, оригинальнаго мыслителя,

совершающаго путь свой въ сторонѣ отъ большихъ дорогъ, на которыхъ располагаются всѣ «лагери» и всѣ «направленія». Вліяніе такихъ писателей, какъ Леонтьевъ, иначе опредѣляется, чѣмъ вліяніе такихъ писателей, какъ Катковъ и И. Аксаковъ. Въ такомъ же положеніи былъ и Вл. Соловьевъ, который достигъ признанія и оцѣнки лишь своихъ статей по національному вопросу, несущественныхъ для главнаго дѣла его жизни.

VI

Очень интересно и характерно отношеніе К. Леонтьева къ русской литературѣ и русскимъ писателямъ. Онъ былъ тонкимъ критикомъ, для своего времени очень своеобразнымъ, не похожимъ ни въ чемъ на тѣхъ русскихъ «критиковъ», которые долгое время были у насъ властителями думъ. К. Н. болѣе интересовался эстетикой жизни, чѣмъ эстетикой искусства. Для эстета писалъ онъ объ искусствѣ и литературѣ мало. Въ его творчествѣ и въ его жизни не видно, чтобы онъ существенно жилъ интересами искусства и литературы и искалъ въ нихъ восторговъ и выходовъ изъ уродства жизни. Отъ уродства жизни онъ бѣжалъ прямо въ монастырь, а не въ искусство. Красоты же онъ долгое время искалъ въ политикѣ и въ исторіи, хотя пережилъ въ этихъ своихъ исканіяхъ одни горькія разочарованія: онъ самъ признается, что въ политикѣ онъ смѣлѣе, чѣмъ въ эстетикѣ. Для него «государство дороже двухъ-трехъ лишнихъ литературныхъ звѣздъ». Онъ даже

рѣшается со свойственнымъ ему радикализмомъ прямо сказать, что «въ наше смутное время, и раздражительное, и малодушное, Вронскіе гораздо полезнѣе намъ, чѣмъ великіе романисты», т. е. полезнѣе самого Л. Толстого. Онъ искалъ жизни, а не «отраженій жизни». И жизненное значеніе искусства онъ не дооцѣнивалъ. Изъ критическихъ статей его наиболѣе замѣчателенъ этюдъ о романахъ Л. Толстого «Анализъ, стиль и вѣяніе». Это очень тонкій, по стилю нѣсколько старомодный этюдъ. Для своего времени статья эта очень своеобразна и замѣчательна. Въ то время у насъ еще царила утилитарная критика и самоцѣнность искусства не признавалась. Еще въ 60 годы К. Н. провозгласилъ самоцѣнность искусства и красоты и отстаивалъ права эстетической критики. Еще въ 1860 году онъ писалъ въ «Письмѣ провинціала къ Тургеневу»: «если въ твореніи нѣтъ истины прекраснаго, которое само по себѣ есть фактъ, есть самое высшее изъ явленій природы, то твореніе падаетъ ниже всякой посредственной научной вещи, всякихъ поверхностныхъ мемуаровъ». Въ самыхъ первыхъ критическихъ опытахъ К. Н. намѣчается возможность формальной эстетической критики. Моралистическая и общественно-утилитарная критика литературныхъ произведеній совершенно противна его эстетической природѣ. Формальная эстетическая критика, которой хотѣлъ К. Н. и которую пробовалъ осуществлять, не могла быть услышана и понята въ 60, 70, да и 80 годы. Онъ былъ предшественникомъ новаго литературнаго поколѣнія, признавшаго самоцѣнность красоты. «Анализъ, стиль и вѣяніе» и есть первая и

единственная въ своемъ родѣ попытка подвергнуть романы Л. Толстого тонко-аналитической, формально-эстетической критикѣ. Л. Толстого, какъ романиста, К. Н. очень любилъ и высоко цѣнилъ, особенно «Анну Каренину». Его плѣняло, что Толстому принадлежитъ «иниціатива возстановленія эстетическихъ правъ высшаго общества». У него были исключительныя симпатіи къ Вронскому и князю Андрею, какъ къ мужественно-аристократическимъ типамъ, способнымъ быть государственными дѣятелями. Очень тонко анализируетъ онъ несоотвѣтствіе «Войны и мира» исторической эпохѣ и отдаетъ предпочтеніе «Аннѣ Карениной», какъ болѣе совершенному художественному произведенію. Пушкинъ, по мнѣнію К. Н., вѣрнѣе передаетъ «вѣяніе» эпохи. «Взыскательному цѣнителю, для наивысшей степени его эстетическаго удовлетворенія, дороги не одни только *событія*, ему дорога еще и та *общепсихическая музыка*, которая ихъ сопровождаетъ; ему дорого *вѣяніе* эпохи». Во времена К. Леонтьева въ русской литературѣ не слышно было такихъ словъ, какъ «общепсихическая музыка». Онъ упредилъ свое время, предвосхитилъ настроеніе начала XX вѣка. Очень тонки такія его опредѣленія: «Языкъ, или, общѣе сказать, по старинному *стиль*, или еще иначе выражусь — манера разсказывать — есть вещь внѣшняя, но эта внѣшняя вещь въ литературѣ то же, что лицо и манеры въ человѣкѣ: она — *самое видное*, наружное выраженіе *самой внутренней*, сокровенной жизни духа. Въ лицѣ и манерахъ у людей выражается несравненно больше безсознательное, чѣмъ сознательное; натура или вы-

работанный характеръ больше, чѣмъ умъ.» Онъ утверждаетъ субъективный подходъ къ эстетической критикѣ: «Эстетическая критика, подобно искреннему религіозному разсужденію, должна неизбѣжно исходить изъ живого *личнаго* чувства и стараться лишь оправдать и утвердить его логически... Тамъ — личная *вѣра* прежде, — общія подтвержденія — послѣ; здѣсь *субъективный вкусъ* сначала, — разъясненія послѣ». Для эстетической критики необходима эстетическая организація, не всякій можетъ быть критикомъ. Необходима эстетическая воспріимчивость. У насъ же были критиками люди съ атрофіей эстетическаго вкуса.

По своей эстетической организаціи, по своимъ эстетическимъ вкусамъ, К.Н. былъ скорѣе европейцемъ, чѣмъ русскимъ. И самый эстетическій вкусъ его къ Востоку былъ западно-европейскимъ, а не русскимъ вкусомъ. Тутъ мы сталкиваемся съ такой стороной К. Леонтьева, которая сразу можетъ смутить и показаться не вполнѣ понятной. К. Н. не особенно любилъ русскую литературу, не особенно цѣнилъ ее, не былъ поклонникомъ ея стиля. Въ русской литературѣ его многое шокировало, казалось анти-эстетическимъ. «Я все-таки нахожу, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ наша школа просто *несносна*, даже и въ лицѣ высшихъ своихъ представителей. *Особенно несносна она со стороны того-что можно назвать въ отдѣльныхъ случаяхъ прямо языкомъ, а въ другихъ общѣе: внѣшней манерой или стилемъ*», Его отталкиваетъ пристрастіе русской литературы къ уродству, нелюбовь ея къ красотѣ. «У насъ просто боятся касаться тѣхъ сторонъ дѣйствительности, которыя

идеальны, изящны, красивы. Это, говорятъ, не по-русски, это не-русское! Живописцы выбираютъ всегда что-нибудь пьяное, больное, дурнолицое, бѣдное и грубое изъ нашей русской жизни. Русскій художникъ боится изобразить красиваго священника, почтеннаго монаха; нѣтъ! ему какъ-то легче, когда онъ изберетъ пьянаго попа, грубаго монаха изувѣра. Мальчики и дѣвочки должны быть все курносые, гадкіе, золотушные; баба — забитая; чиновникъ — стрекулистъ; генералъ —болванъ и т. д. Это значитъ *русскій типъ*». Ему противно *отрицательное* направленіе русской литературы, которое онъ видитъ у великихъ русскихъ писателей, начиная съ Гоголя. Его раздражаетъ и отталкиваетъ и морализмъ русскихъ писателей и ихъ натурализмъ. Въ натурализмѣ онъ обвиняетъ и Л. Толстого Себя онъ называетъ «эстетическимъ мономаномъ, художественнымъ психопатомъ». Онъ не выноситъ грубости и вульгарности въ художественныхъ произведеніяхъ. Не нравится ему и склонность русскихъ писателей къ психологическому анализу. «До смерти надоѣло это наше всероссійское «ковыряніе» какое-то... И я вѣдь — воспитанникъ той-же школы, но только протестующій, а не благоговѣющій безусловно». Настоящему художнику, по его мнѣнію, дорога выразительность и яркость. Онъ восторгается «многообразно-чувственнымъ, воинственнымъ, демонически-пышнымъ геніемъ Пушкина». По вкусамъ своимъ онъ былъ человѣкомъ Возрожденія, и русская литература казалась ему мрачной и тяжелой, не радующей, не ренессанской. Его огорчаетъ порча стиля въ русской литературѣ. И онъ съ любовью вспо-

минаетъ старыхъ художниковъ, особенно европейскихъ. «Я нахожу, что старинная манера повѣствованія *реальнѣе* въ хорошемъ значеніи этого слова, т. е. правдивѣе и естественнѣе по основнымъ законамъ нашего духа». Онъ хотѣлъ бы вырваться изъ рамки русской литературной школы. «Большинство у насъ, пишетъ онъ Александрову, изъ рамки такого рода выйти *теперь еще* не могутъ:

Гоголь

Тургеневъ Достоевскій

Толстой

А я хочу разбить и сломать эту рамку!» «Надо съ себя хотя бы на время свергнуть иго Гоголевской школы, отъ которой и Левъ Толстой освободиться не могъ... Постарайтесь достать «Лукрецію Флоріани» Жоржъ Санда. Вотъ высокая простота разсказа. Хотя, конечно, и совсѣмъ не христіанская; но вѣдь и Венера Милосская не была иконой Богоматери, — однако, прекрасна». К. Н. любилъ цвѣтущее, языческое искусство, эстетически любилъ все, что проникнуто духомъ Возрожденія. Христіанство же онъ любилъ исключительно монашеское, аскетическое. Русская литература была полна моральными христіанскими мотивами, которые, по его мнѣнію, не представляли ни настоящей цвѣтушей культуры, ни настоящей религіозной христіанской жизни. Или — Венера Милосская, Возрожденіе, Пушкинъ, или — Аѳонъ, Оптина Пустынь, старецъ Амвросій.

Больше другихъ К. Н. любилъ Тургенева, любилъ Толстого, хотя и видѣлъ въ немъ порчу, признавалъ Писемского и превозносилъ выше мѣры Б. Маркевича. Но онъ не любилъ Гоголя, видѣлъ въ немъ источникъ порчи русской литературы и совсѣмъ не цѣнилъ Достоевскаго. Тутъ мы встрѣчаемся съ ограниченностью К. Н., съ самымъ слабымъ его мѣстомъ.

Гоголя К. Леонтьевъ считалъ родоначальникомъ натуралистическаго и отрицательнаго направленія въ русской литературѣ. Въ этомъ была его коренная ошибка, которую онъ раздѣлялъ со многими. Онъ не понималъ характера гоголевскаго творчества, оно представлялось ему уродливымъ, онъ видѣлъ въ немъ истребленіе красоты. Еще въ молодости, когда Гоголь былъ живъ, у него не было желанія видѣть его. «За многое питалъ къ нему почти личное нерасположеніе. Между прочимъ и за «Мертвыя души», или, вѣрнѣе сказать, за подавляющее, безнадежно прозаическое впечатлѣніе, которое производила на меня эта «поэма»... Во мнѣ неискоримо было то живое эстетическое чувство, которое больше дорожитъ *поэзіей дѣйствительной жизни, чѣмъ художественнымъ совершенствомъ ея литературныхъ отраженій!*» К. Н. любилъ не только красоту, но и красивое, и его отталкивали уроды и чудовища гоголевскаго творчества. Онъ не почувствовалъ странности и загадочности гоголевскаго творчества, которое должно было породить такія замѣчательныя явленія современной литературы, какъ творчество А. Бѣлого. Изъ Гоголя же вышли Ѳ. Сологубъ и А. Ремизовъ. Его безпокоило и отталкивало, что «Гоголь лицомъ на какого-то непріят-

наго полового похожъ, или то, отчего это у него *ни одна женщина* въ повѣстяхъ на живую женщину не похожа: или — это старуха вродѣ Коробочки и Пульхеріи Ивановны, или какая-то тѣнь, вродѣ Анунціаты и Оксаны; какое-то живописное отраженіе *красивой плоти*, не имѣющей *души*». Тутъ К. Н. чувствуетъ какую-то жуткость гоголевскаго творчества, но не умѣетъ осмыслить этого своего чувства, не умѣетъ понять въ чемъ тутъ дѣло. Въ творчествѣ Гоголя былъ уже поколебленъ органически цѣльный образъ человѣка. Гоголь — фантастъ, онъ видитъ чудовища, а не людей. Онъ совсѣмъ не реалистъ. Въ его художественныхъ воспріятіяхъ есть что-то родственное художественному кубизму Пикассо. Но онъ одинъ изъ самыхъ совершенныхъ русскихъ художниковъ, достигавшій красоты въ изображеніи зла и уродства. Это было внѣ поля зрѣнія К. Н., воспитаннаго на старой эстетикѣ.

Еще больше разочаровываетъ отрицательное и враждебное отношеніе К. Леонтьева къ Достоевскому. Онъ пишетъ Александрову о Достоевскомъ: «мнѣ похвалить его вовсе не легко: я его «уродливыхъ» романовъ терпѣть не могу; хотя и понимаю ихъ достоинства». Казалось, К. Н. долженъ былъ бы чувствовать родство съ Достоевскимъ — у него самого было трагическое чувство жизни, былъ сложный религіозный путь. Но онъ говоритъ о Достоевскомъ такими словами, которыя трудно ему простить, недостойными словами: «Во всякомъ случаѣ, ужъ и то великая заслуга «Войны и мира», что тамъ трагизмъ — трезвый, здоровый, не уродливый, какъ у столькихъ другихъ писателей на-

шихъ. Это не то, что у Достоевскаго — трагизмъ какихъ-то ночлежныхъ домовъ, домовъ терпимости и почти что Преображенской больницы. Трагизмъ «Войны и мира» полезенъ: онъ располагаетъ къ военному героизму за родину; трагизмъ Достоевскаго можетъ, пожалуй, только разохотить какихъ-нибудь психопатовъ, живущихъ по плохимъ меблированнымъ комнатамъ». Въ этихъ непріятныхъ словахъ одного изъ самыхъ замѣчательныхъ русскихъ мыслителей о величайшемъ русскомъ геніи чувствуется дурная аристократическая брезгливость и внѣшній эстетизмъ, закрывающій возможность проникнуть въ духовную глубину. Внѣшній эстетъ побѣждаетъ у К. Н. психолога. Его отталкиваетъ въ творчествѣ Достоевскаго вульгарность и уродство, отсутствіе изящества и красоты или вѣрнѣе красивости. Онъ чувствуетъ въ немъ демократа и филантропа. Это то, что К. Н. менѣе всего способенъ былъ простить. Онъ ставитъ Достоевскаго значительно ниже Толстого и готовъ преувеличить на счетъ Достоевскаго значеніе не только Писемскаго, но и Маркевича. Творчество Достоевскаго было отнесено имъ къ некрасивому и онъ не могъ проникнуть въ его тайны. Онъ эстетически не могъ простить Достоевскому, что герои его — «психопаты». Онъ не чувствовалъ, что Достоевскій открылъ совершенно новую, небывалую красоту. «Публициста и моралиста я цѣню въ Достоевскомъ несравненно выше, чѣмъ повѣствователя. «Дневникъ писателя», не во гнѣвъ будь сказано поклонникамъ покойнаго романиста, — для меня во сто разъ драгоцѣннѣе всѣхъ его романовъ». Тутъ мы встрѣчаемся съ границами духовной организаціи К.

Н., которыя онъ не могъ переступить. Что-то очень глубокое было ему недоступно. Нужно только понять, откуда взялась эта ограниченность въ сужденіяхъ о Достоевскомъ. Эстетическій и религіозный складъ К. Н. закрывалъ для него безконечный міръ Достоевскаго и всѣ его великія откровенія духа. По эстетическому своему складу онъ былъ человѣкъ Возрожденія, любилъ красоту и красивость, любилъ силу жизни и цвѣтеніе жизни, былъ аристократомъ и питалъ отвращеніе къ тому разрыхлѣнію и размягченію души, въ которомъ теряется всякая форма. По религіозному же своему складу онъ былъ весь въ суровомъ византійскомъ православіи, любилъ исключительно монашескій аскетизмъ, былъ пессимистиомъ, отвращавшимся отъ всѣхъ земныхъ надеждъ. Такой духовный складъ долженъ былъ мѣшать ему подойти къ Достоевскому. «Считать «Братьевъ Карамазовыхъ» православнымъ романомъ могутъ только тѣ, которые мало знакомы съ истиннымъ православіемъ, съ христіанствомъ св. Отцовъ и старцевъ Аѳонскихъ и Оптинскихъ». К. Н. былъ близокъ со старцемъ Амвросіемъ и рѣшительно заявляетъ, что старецъ Зосима выдуманъ Достоевскимъ, ничего общаго не имѣетъ съ Амвросіемъ и взятъ не изъ православія. Онъ рѣзко нападаетъ на «розовое» христіанство Достоевскаго. Онъ приписываетъ это «розовое» христіанство филантропическимь и гуманистическимъ склонностямъ Достоевскаго и считаетъ его мало опытнымъ въ религіозныхъ дѣлахъ. «Достоевскій могъ по своей субъективной натурѣ вообразить, что онъ представляетъ намъ реальное пра-

вославіе и русское монашество въ «Братьяхъ Карамазовыхъ». Для Достоевскаго его собственныя мечты о *небесномъ* Іерусалимѣ на *этой землѣ* были дороже какъ жизненной правды, такъ и истинныхъ церковныхъ нравовъ». К. Н. фактически былъ правъ: старецъ Зосима имѣлъ мало общаго со старцемъ Амвросіемъ, онъ другого духа. Но вѣдь все творчество Достоевскаго носило не реалистическій, а пророческій характеръ. Пророческій же духъ былъ чуждъ К. Леонтьеву. К. Н. такъ далеко заходитъ въ отрицаніи Достоевскаго, какъ религіознаго психолога, что отдаетъ предпочтеніе Золя: «Творчество Золя (въ «Проступкѣ аббата Муре») гораздо ближе подходитъ къ духу истиннаго личнаго монашества, чѣмъ поверхностное и сентиментальное сочинительство въ «Братьяхъ Карамазовыхъ». Пророческая религіозность «Братьевъ Карамазовыхъ» была закрыта для К. Н. Но онъ былъ правъ въ своемъ утвержденіи, что Достоевскій не отражалъ дѣйствительнаго русскаго православія, традиціоннаго православнаго монашества, а творилъ новое. К. Н. хотѣлъ написать романъ, и въ немъ изобразить свое обращеніе, но такъ и не осуществилъ этого плана. «Хочется, чтобы и многіе другіе образованные люди увѣровали, читая о томъ, какъ я изъ эстетика-пантеиста, весьма вдобавокъ развращеннаго, сладострастного до-нельзя, до утонченности, сталъ вѣрующимъ христіаниномъ и какую я, грѣшный, пережилъ послѣ этого долголѣтнюю и жесточайшую борьбу, пока Господь не успокоилъ мою душу и не охладилъ мою истинно-сатанинскую когда-то фантазію» Этотъ романъ изобразилъ бы традиціонную религіозную психоло-

гію, — исканіе личнаго спасенія. Достоевскій же изобразилъ исканіе новой земли и новаго неба, новаго человѣчества, былъ человѣкомъ новаго религіознаго сознанія.

К. Н. былъ эстетъ, онъ любилъ красоту и чувствовалъ красоту. Но эстетическій вкусъ его не былъ безупреченъ. Въ немъ не было настоящей утонченности западныхъ эстетовъ. Его эстетическая культура не была достаточно высока. Выборъ книгъ для чтенія не отличался у него особенной изысканностью. Наиболѣе компрометируетъ вкусъ К. Н. то, что онъ любилъ стиль эпохи Александра III и способенъ былъ восхищаться имъ. Но вѣдь стиль эпохи Александра III былъ верхомъ безвкусія, упадкомъ, смертью старой красоты, симптомомъ крушенія русской монархіи. Все, что было выстроено въ эту эпоху, отличается исключительнымъ безвкусіемъ и уродствомъ. Весь духъ этого царствованія лишенъ красоты. Въ критическихъ оцѣнкахъ К. Н. ему иногда измѣняетъ вкусъ. Такъ, напр., слишкомъ большіе восторги передъ Б. Маркевичемъ не свидѣтельствуютъ о безошибочности вкуса. Является даже подозрѣніе, что К. Н. восхваляетъ Маркевича, какъ романиста, за его консервативное направленіе. Но это то же самое, что восхвалять художника за его прогрессивное направленіе. Есть недостатокъ вкуса и въ «русской поддевкѣ», которую К. Н. носилъ изъ эстетическаго протеста противъ Запада.

Очень характерна для эстетизма К. Н. статья «Нѣсколько воспоминаній и мыслей о покойномъ Ап. Григорьевѣ», недавно напечатанная въ «Русской Мысли».

Ап. Григорьевъ — замѣчательный и мало еще оцѣненный русскій критикъ. У А. Григорьева, подобно самому себѣ, К. Н. видитъ исканіе самой жизни. А. Григорьевъ не былъ близокъ со славянофилами, которые относились къ нему подозрительно. Онъ былъ выразителемъ иной русской стихіи, стихіи разгульной и чувственной. К. Леонтьевъ явно болѣе сочувствовалъ Григорьеву, чѣмъ славянофиламъ съ ихъ добрыми семейными нравами. Поэзія разгула и женолюбія, по его мнѣнію, таится въ самыхъ нѣдрахъ русскаго народа. К. Н. влекло къ А. Григорьеву его менѣе строгое отношеніе къ женскому вопросу, чѣмъ отношеніе славянофиловъ, а также его болѣе теплое отношеніе къ европейскому прошлому. Бытовыя добродѣтели славянофиловъ были чужды К. Н. Онъ былъ болѣе церковенъ и болѣе православенъ, чѣмъ славянофилы, но исключительно въ монашеско-аскетическомъ духѣ. Ему, какъ и А. Григорьеву, страшна была безличность, а не порокъ. Вообще въ К. Н. не было солидности и академичности, не было бытовой устроенности и слишкомъ большого бытового благообразія, какъ у славянофиловъ. Онъ былъ шипучій человѣкъ. Онъ не совѣтуетъ А. Александрову дѣлаться профессоромъ, такъ какъ профессура не совмѣстима съ поэзіей. Когда Александровъ женится на женщинѣ круга ниже его стоящаго, К. Н. въ письмахъ неустанно преподаетъ эстетическіе совѣты и заботится о томъ, чтобы жена была comme il faut. Самъ К. Н. былъ поэтъ жизни и монахъ, никакихъ другихъ жизненныхъ перспективъ у него не было. Кромѣ поэзіи и монашества онъ ничего не любилъ и не искалъ. Вотъ какъ описываетъ

К. Н. свою радость жизни въ письмѣ къ Е. С. Карцевой: «Скоро я буду, наконецъ, у себя въ моей милой деревнѣ, гдѣ пѣтухи даже не смѣютъ кричать громко, когда я пишу, гдѣ племянница обходитъ задами флигель мой, опасаясь нарушить поэзiю мою тѣмъ, что можетъ что нибудь въ походкѣ ея мнѣ въ эту минуту покажется некрасивымъ, и мое созерцательное блаженство будетъ чуть-чуть нарушено... Опять зелень двора моего, опять столѣтнiе вязы надъ прудомъ; опять 13-ти лѣтняя Варька въ красивомъ сарафанѣ, которая подаетъ мнѣ прекрасный кофе и все по моему, на японскомъ подносѣ, и все тамъ стоитъ, гдѣ я хочу, и лежитъ тамъ, гдѣ я желаю... Опять всенощная на дому по субботамъ... И шелестъ безподобныхъ рощъ, и свирѣльки, и цвѣты полевые, и свиданiя съ оптинскими старцами». Въ этомъ описанiи чувствуется весь Леонтьевъ.

ГЛАВА V

Ученіе о миссіи Россіи и славянства. Самобытный типъ культуры. Критика націонализма. Византизмъ. Невѣріе въ русскій народъ. Предсказанія о русской революціи.

I

Вопросъ о Россіи, о ея судьбѣ, о ея призваніи въ мірѣ всегда былъ центральной темой размышленій К. Леонтьева. Онъ мучился о Россіи. И у него было своеобразное ученіе о Россіи, не похожее ни на ученіе славянофильское, ни на ученіе западническое. Взгляды К. Н. на будущее Россіи претерпѣли большое измѣненіе. Они были сначала оптимистическими, онъ былъ полонъ надеждъ и не свободенъ отъ иллюзій. Подъ конецъ взгляды эти сдѣлались очень пессимистическими. Онъ доживалъ свою жизнь въ состояніи почти полной безнадежности. Онъ не побоялся взглянуть дѣйствительности прямо въ глаза и отказался отъ мечты всей своей жизни, разбилъ всѣ свои надежды, уничтожилъ всѣ иллюзіи. У него было истинное безстрашіе, безко-

рыстіе и свобода мысли. К. Н. принужденъ былъ измѣнить фактическую оцѣнку, но онъ остался вѣренъ своему принципу. У него было очень оригинальное ученіе о національности, заслуживающее серьознаго вниманія. Онъ не только не былъ націоналистомъ, какъ это можетъ показаться на первый взглядъ, но онъ былъ идейнымъ врагомъ національзма. Племенное, кровное начало не имѣло для него самодавлѣющаго значенія, и онъ относился къ нему подозрительно. Подобно Вл. Соловьеву онъ былъ универсалистомъ. Въ основѣ для него лежали универсальныя начала, идеи, которыя владѣютъ національной стихіей и ведутъ къ національному цвѣтенію. Разложеніе и паденіе этихъ идей ведетъ къ разложенію и паденію націи. Для Вл. Соловьева такой универсальной идеей была по преимуществу римская идея, для К. Леонтьева — византійская идея. Онъ вѣрилъ не въ Россію и не въ русскій народъ, а въ византійскія начала, церковныя и государственныя. Если онъ вѣрилъ въ какую-нибудь миссію, то въ миссію Византизма, а не Россіи. И миссія эта была міровая. Византизмъ — міровое, а не національное начало. Националистическаго партикуляризма у Леонтьева нѣтъ. Безъ организующаго и оформляющаго дѣйствія міровыхъ византійскихъ началъ русскій народъ — ничтожный и дряной народъ. Въ русскій народъ К. Леонтьевъ не вѣрилъ, не вѣрилъ съ самаго начала. Онъ относился въ высшей степени подозрительно ко всякой народной стихіи. Народная стихія есть лишь матеріалъ, который долженъ обрабатываться не народомъ, а универсальными началами, великой идеей. *Важенъ*

не народъ, а великая идея, которая владѣетъ народомъ. Церковныя и государственныя начала для К. Н. выше національныхъ. Это совсѣмъ не славянофильская постановка проблемы. «Я не понимаю французовъ, которые умѣютъ любить *всякую* Францію и *всякой* Франціи служить... Я желаю, чтобы отчизна моя достойна была моего уваженія, и Россію *всякую* я могу развѣ по *принужденію* выносить». Онъ предвидѣлъ уже возможность такой Россіи, которую онъ не будетъ любить, и лишь по принужденію будетъ выносить. Либерально-демократической и атеистической Россіи онъ любить не хочетъ. *Идея для него дороже Россіи.* Въ этомъ онъ родственъ Вл. Соловьеву, хотя идея его была иная. Леонтьевъ и Соловьевъ явились на почвѣ упадка и разложенія славянофильства. Они живутъ въ эпоху разрушенія бытового уклада, вспоившаго старыхъ славянофиловъ. У К. Н. уже — не столько органическое, сколько эстетическое воспріятіе русскаго народнаго быта. Эстетизмъ К. Н. и есть показатель того, что онъ былъ упадочникомъ въ славянофильской полосѣ мысли. Его философія есть философія отчаянія. Славянофильская же философія была благодушна. Рѣзко расходился К. Н. съ славянофильской школой и въ своемъ отношеніи къ Европѣ. Онъ никогда не думалъ, что въ самыхъ истинахъ европейской исторіи и европейской культуры (католичество, феодализмъ) были ложныя и гнилостныя начала, которыя дѣлаютъ Европу низшимъ культурно-историческимъ типомъ. Несмотря на византизмъ, ему чужда была та идея, что истинна и высока лишь цивилизація, основанная на православіи, и низка и ложна

цивилизація, основанная на католичествѣ. Никогда не возставалъ онъ противъ аристократизма Западной Европы, противъ ея рыцарства, какъ возставали славянофилы. Онъ ненавидѣлъ лишь современную, либерально-эгалитарную Европу, лишь торжество мѣщанства. Это совершенно другая постановка вопроса, чѣмъ у славянофиловъ. «Пока у Запада есть *династіи*, пока у него есть хоть какой-нибудь порядокъ, пока остатки прежней великой и благородной христіанской и классической Европы не уступили мѣста грубой и невѣрующей рабочей республикѣ, которая одна въ силахъ *хоть на короткій срокъ* объединить весь Западъ, до тѣхъ поръ Европа и не слишкомъ страшна намъ и достойна и дружбы, и уваженія нашего». Востокъ и Россію онъ цѣнилъ лишь потому, что надѣялся, что они остановятъ торжество безбожія и демократическаго мѣщанства. «Если Западъ впадетъ въ анархію, намъ нужна дисциплина, чтобы помочь самому этому Западу, чтобы спасать и въ немъ то, что достойно спасенія, то именно, что сдѣлало его величіе, Церковь, какую бы то ни было, государство, остатки поэзіи, быть можетъ... и *самую науку!..* (не тенденціозную, а *суровую*, *печальную*)». Въ этихъ словахъ нѣтъ никакой національной исключительности. К. Н. совершенно не раздѣлялъ обычныхъ взглядовъ славянофильской школы на западную исторію. Онъ высмѣиваетъ полемику славянофиловъ противъ западнаго двоевластія, противъ образованія власти путемъ завоеванія и противъ раціонализма въ Церкви. «Еще остается вопросомъ — можно ли безъ независимости Церкви, безъ рыцарской аристократіи, безъ борь-

бы сильныхъ и рѣзкихъ сословій и истекшихъ изъ этой борьбы договоровъ — можно ли создать столько великихъ вещей, сколько создалъ ихъ *старый*, т. е. прежній Западъ. А уподобиться новому Западу очень легко и безъ всего этого феодальнаго и римскаго «зла». Разрушиться можно и безъ папства, и безъ рыцарства, и безъ договоровъ. Быть можетъ даже легче и скорѣе не имѣя такихъ могучихъ реальныхъ силъ въ своемъ прошедшемъ, чѣмъ переживши ихъ. Почва рыхлѣе, постройка легче... Берегитесь. Поэтому не въ томъ радость, что у насъ не было *двоевластія*, а въ томъ горе, что у насъ Церковь слишкомъ зависима отъ свѣтской власти». Историческіе взгляды К. Н. были объективнѣе, безпристрастнѣе и во многомъ вѣрнѣе славянофильскихъ, въ которыхъ была искажена исторія въ угоду національнымъ симпатіямъ и самолюбіямъ. Историческая теорія славянофильской школы не выдерживала серьозной критики. Оцѣнки же К. Н. не зависятъ отъ исторической теоріи, онѣ носятъ характеръ эстетическій и религіозно-философскій. Политическая мысль его была независимѣе и свободнѣе славянофильской, онъ былъ, поистинѣ, свободный мыслитель.

Также отличались и взгляды К. Леонтьева на русскую исторію отъ традиціонно-славянофильскихъ. Онъ любилъ Петра Великаго и высоко его цѣнилъ. Періодъ цвѣтущей сложности и разнообразія русской культуры онъ связывалъ не съ допетровской эпохой, не съ царствованіемъ Алексѣя Михайловича, а съ эпохой Петра Великаго и Екатерины II. Европеизація Россіи въ то время его нисколько не отталкиваетъ, онъ ее оцѣни-

ваетъ положительно. «До Петра было больше однообразія въ соціальной, бытовой картинѣ нашей, больше *сходства* въ частяхъ; съ Петра началось болѣе ясное рѣзкое разслоеніе нашего общества, явилось то разнообразіе, безъ котораго нѣтъ творчества у народовъ... Осталось только явиться Екатеринѣ II, чтобы обнаружились и досугъ, и вкусъ, и умственное творчество, и болѣе идеальныя чувства въ общественной жизни. Деспотизмъ Петра былъ прогрессивный и аристократическій. Либерализмъ Екатерины имѣлъ рѣшительно тотъ же характеръ. Она вела Россію къ цвѣту, къ творчеству и росту. Она усиливала неравенство. Вотъ въ чемъ главная ея заслуга. Она давала льготы дворянству, уменьшала въ немъ служебный смыслъ и потому возвышала собственно аристократическія его свойства — родъ и личность». Это не только не славянофильскія, но рѣшительно — западническія мысли. Въ этой оцѣнкѣ Петра и Екатерины нѣтъ никакой византійской мистики. Вообще нужно сказать, что царизмъ К. Н. обосновываетъ не столько мистически, сколько натуралистически. Его монашеско-аскетическое религіозное сознаніе не давало мистическаго обоснованія земного теократическаго царства. У него былъ языческій, натуралистическій культъ царской власти. Идея же теократіи въ религіозно-мистическомъ смыслѣ была ему чужда. Въ этомъ онъ отличался отъ Вл. Соловьева. Мистическую санкцію царской власти онъ бралъ, какъ натуральный историческій фактъ. Онъ связывалъ съ этимъ фактомъ земныя надежды на сложное цвѣтеніе культуры, а не мистическія надежды. Это очень чувствуется въ его

оцѣнкѣ Петра и Екатерины. Въ отличіе отъ славянофиловъ онъ высоко оцѣнивалъ политику Николая I и прежде всего за то, что она была болѣе государственной, чѣмъ національной. Въ распрѣ между Николаемъ I и славянофилами онъ рѣшительно становится на сторону Николая I и считаетъ его болѣе прозорливымъ, чѣмъ славянофиловъ. Николай I, по его мнѣнію, видѣлъ, что славянофилы стали на путь либерально-демократическій и могутъ послужить процессу разложенія и смерти. Сь царствованія Николая I кончается въ Россіи періодъ развитія и прогресса, сложное цвѣтеніе уже пережито и начинается періодъ смѣсительнаго упрощенія, т. е. разложенія. Поэтому вступаютъ въ свои права охраненіе и реакція. Екатерина могла еще создавать: Николай Павловичъ долженъ былъ охранять, чтобы не началось «смѣшеніе того, что было рѣзко дифференцировано историческимъ прогрессомъ». К. Н. готовъ признать за славянофилами относительную правоту въ вопросѣ о Церкви, въ ихъ желаніи болѣе сильной и свободной Церкви, хотя «это правильное стремленіе свое къ Церкви сильной и независимой они портили только *племенными* пристрастіями». Но въ вопросѣ о государствѣ, о національной политикѣ былъ болѣе правъ Николай Павловичъ. Вотъ какъ описываетъ К. Н. свое отношеніе къ славянофиламъ: «Оно (славянофильское ученіе) казалось мнѣ слишкомъ эгалитарно-либеральнымъ для того, чтобы *достаточно отдѣлить* насъ отъ новѣйшаго Запада. Это одно; другая же сторона этого ученія, внушавшая мнѣ недовѣріе и тѣсно впрочемъ, связанная съ первой, была какая-то односто-

ронняя моральность. Это ученіе казалось мнѣ въ одно и тоже время и не государственнымъ и не эстетическимъ. Со стороны государственности меня гораздо больше удовлетворялъ Катковъ... Со стороны исторической и внѣшнежизненной эстетики я чувствовалъ себя несравненно ближе къ Герцену, чѣмъ къ настоящимъ славянофиламъ... Читая только Хомякова, Аксакова, въ голову бы не пришло ненавидѣть всесвѣтную буржуазію (въ которую въ сущности стремится перейти и *работникъ* западный); Герценъ же издѣвался *прямо надъ этимъ общимъ* и подавляющимъ *типомъ* человѣческаго развитія». Вся ткань существа К. Н. была иная, чѣмъ у славянофиловъ, иная клѣтка у него была. Онъ считалъ государственное начало въ Россіи болѣе самобытнымъ, чѣмъ общественно-народное. «Хотя прежнія Правительственныя системы наши со временъ Петра I-го внесли въ нашу жизнь много европейскаго, но все-таки и съ этой стороны взятое, — государственное начало въ Россіи оказалось *самобытнѣе свободно-общественнаго*». Это — тезисъ прямо противоположный славянофильскому. Славянофилы думали, что государственное начало со временъ Петра коверкало нашу народную жизнь и что національное начало хранится въ обществѣ и народѣ. К. Н. не народникъ, онъ не вѣритъ въ народъ въ народную стихію и народныя начала. Этимъ онъ въ корнѣ отличается отъ славянофиловъ, какъ и отъ Достоевскаго. *Онъ вѣритъ въ Церковь, вѣритъ въ государство, вѣритъ въ идею, вѣритъ въ красоту, вѣритъ въ избранныя, яркія, творческія личности, но не вѣритъ въ народъ, не вѣритъ въ*

человѣческую стихію, въ человѣческую массу. И это дѣлаетъ Леонтьева совершенно оригинальнымъ, единственнымъ въ своемъ родѣ явленіемъ въ исторіи русской литературы. Русскіе же болѣе всего вѣрили въ народъ вѣрили даже тогда, когда уже во все перестали вѣрить. Народничество — характерное русское явленіе, владѣвшее душами русской интеллигенціи въ теченіе всего XX вѣка. И то, что Леонтьевъ былъ антинародникомъ, не вѣрилъ въ народъ и изобличалъ иллюзіи всякаго народничества, нужно признать самымъ оригинальнымъ въ немъ. Но это не значитъ, конечно, что въ своемъ антинародничествѣ онъ былъ всегда правъ. Въ народничествѣ, какъ вѣрѣ въ русскую народную стихію, была своя правда. И для русской идеи за Хомяковымъ навѣки останется большее значеніе чѣмъ за Николаемъ I.

II

К. Н. былъ аристократомъ по инстинкту и по убѣжденію. Поэтому уже онъ не могъ быть народникомъ. Аристократизмъ — явленіе, почти не встрѣчающееся въ русской мысли. Въ началѣ у К. Н. были еще нѣкоторыя традиціонныя славянофильски-народническія иллюзіи, отъ которыхъ онъ потомъ освободился. Статья «Грамотность и народность» написана еще въ славянофильско-народническомъ духѣ, Въ ней мысль К. Н. еще не созрѣла и не стала вполнѣ самостоятельной. Въ ней можно еще встрѣтить традиціонную идеализацію простого народа, крестьянства. Но мысли этого порядка

были наносными у К. Н., не его собственными. Онъ сбивается на эти народническія мысли по традиціонной связи съ нашими самобытно-народолюбивыми мнѣніями, отъ которыхъ не такъ легко было освободиться. Но онъ съ самаго начала подчеркиваетъ различіе между народомъ и простонародьемъ. Онъ защищаетъ безграмотность народа, его «варварство», какъ источникъ національнаго своеобразія. Онъ боится, что отъ просвѣщенія будетъ стерто съ лица народнаго его своеобразіе. Но это не народническій мотивъ, это скорѣе мотивъ аристократически-эстетическій. «Вовсе не надо быть непремѣнно *равнымъ* во всемъ мужику, нѣтъ даже вовсе особенной нужды *быть всегда любимымъ имъ и силиться всегда* самому любить его *дружественно:* надо любить его *національно*, *эстетически*, надо любить его *стиль*». И К. Н. любитъ не народъ, а «стиль» народа. У него было преимущественно эстетическое воспріятіе народа. Моралистическіе мотивы народолюбія были ему изначально чужды. Онъ готовъ былъ идеализировать русскихъ мужиковъ, какъ эстетическую противоположность мѣщанству. Ему нравились сельскія церковки, полукрестьянскіе монастыри, избы подъ соломенной крышей, мужики за сохой. Къ простому народу въ Россіи, на Балканахъ, въ Турціи у него было эстетико-этнографическое отношеніе. Ему прежде всего нравилась живописность народнаго быта, своеобразная красочность его, и онъ хотѣлъ бы охранить эту живописность и это красочное своеобразіе отъ разрушительныхъ процессовъ. Онъ традиціонно идеализировалъ сельскую общину, какъ начало охранительное, пре-

дупреждающее развитіе пролетаріата. Но это была второстепенная подробность въ его взглядахъ на Россію и ея будущее. Внутреннія начала и движущіе мотивы его міросозерцанія были иные, чѣмъ у славянофиловъ и народниковъ-самобытниковъ. *Онъ открылъ, что начало племенное, начало національнаго самоопредѣленія само по себѣ есть начало демократическое и по послѣдствіямъ своимъ революціонное*, что черезъ него торжествуетъ либерально-эгалитарный прогрессъ, стирающій всякое національное своеобразіе. Онъ обнаруживаетъ въ національномъ принципѣ самопротиворѣчіе и самоистребленіе. Эти мысли К. Н. были крайнія и въ своей односторонности невѣрныя, но въ высшей степени своеобразныя и оригинальныя. Ему принадлежитъ заслуга радикальной постановки проблемы. Его замѣчательная статья «Племенная политика, какъ орудіе всемірной революціи» (сначала названная «національная» политика, но ввиду возбуждаемыхъ недоразумѣній, слово «національная» было замѣнено словомъ «племенная») вызвало негодованіе въ националистически настроенныхъ, консервативныхъ кругахъ. П. Астафьевъ рѣзко возражалъ ему и призналъ его врагомъ національнаго идеала. И. Аксаковъ видѣлъ въ немъ противника славянофильскихъ идей. Аристократизмъ К. Леонтьева велъ къ тому, что правду и красоту онъ всегда видѣлъ не въ народной стихіи, не въ національномъ началѣ, какъ въ началѣ автономномъ, а въ міровыхъ, организующихъ церковныхъ и государственныхъ началахъ, принудительныхъ по отношенію къ народной жизни, въ объективныхъ идеяхъ. Правда и красота русскаго народа не въ пле-

менной стихіи, а въ византійскихъ началахъ, организующихъ и оформляющихъ эту стихію. Византійскія начала — аристократическія начала, идущія сверху внизъ, племенныя же начала — демократическія, они идутъ снизу. *Россія во всемъ своеобразіи и величіи держится не національной скрѣпой, не русскимъ народнымъ самоопредѣленіемъ, а византійскимъ православіемъ и самодержавіемъ, объективными церковными и государственными идеями*. Эти начала организовали Россію въ великій и своеобразный міръ, — міръ Востока, противоположный Западу. Свободное же господство народныхъ началъ, національнаго самоопредѣленія безъ принудительныхъ началъ сверху и извнѣ, должно привести къ разложенію и распаденію Россіи. Русская революція какъ будто бы подтвердила частичную правоту К. Н. Леонтьева. Онъ оказался провидцемъ. Паденіе организующихъ и скрѣпляющихъ византійскихъ началъ привело къ процессамъ разложснія въ Россіи. Разливъ народной, національной стихіи не удержалъ единства и силы Россіи. Но русское государство вновь скрѣпляется путемъ народной активности. Леонтьевъ несомнѣнно не дооцѣнивалъ и не понималъ значенія народной стихіи въ историческомъ процессѣ.

К. Леонтьевъ не вѣрилъ въ русскій народъ, какъ не вѣрилъ ни въ какой народъ. Великій народъ держится и процвѣтаетъ не собственной автономной стихіей, а организующей его принудительной идеей. Съ безпощадной остротой и радикализмомъ анализируетъ онъ принципъ національнаго самоопредѣленія. Чи-

сто племенная идея не имѣетъ въ себѣ ничего организующаго, творческаго; она есть ни что иное, какъ частное перерожденіе космополитической идеи всеравенства и безплотнаго всеблага. Равенство классовъ, лицъ, равенство, (т. е. однообразіе) областей, равенство всѣхъ народовъ, расторженіе всѣхъ преградъ, бурное низверженіе, или мирное, осторожное подкапываніе всѣхъ авторитетовъ — религіи, власти, сословій, препятствующихъ этому равенству, это все одна и та же идея, выражается ли она въ широкихъ и обманчивыхъ претензіяхъ парижской демагогіи, или въ уѣздныхъ желаніяхъ какого-нибудь мелкаго народа пріобрѣсти себѣ во что бы то ни стало равныя со всѣми другими націями государственныя права». «Истинно-національная политика должна и за предѣлами своего государства поддерживать не *голое*, такъ сказать, *племя*, *а тѣ духовныя начала*, *которыя связаны съ исторіей племени*, *съ его силой и славой*. Политика православнаго духа должна быть предпочтена политикѣ славянской плоти, агитаціи болгарскаго «мяса»... Національное же начало, понятое иначе, *внѣ религіи*, есть ни что иное, какъ все тѣ же идеи 1879 года, начала все-равенства, и все-свободы, тѣ же идеи, *надѣвшія лишь маску мнимой національности*. Національное начало внѣ религіи ни что иное, какъ начало эгалитарное, либеральное *медленно*, но зато *вѣрно разрушающее*». «Національно-либеральное начало *обмануло* всѣхъ, оно обмануло самыхъ опытныхъ и даровитыхъ людей; оно явилось *лишь маскированной* революціей, — и больше ничего. Это одно изъ самыхъ искусныхъ и лживыхъ *превращеній того Протея всеоб-*

щей демократизаціи, всеобщаго освобожденія, и всеобщаго опошленія, который съ конца прошлаго вѣка неустанно и столь разнообразными пріемами трудится надъ разрушеніемъ великаго зданія римско-германской государственности». «Люди, освобождающіе или объединяющіе своихъ единоплеменниковъ въ XIX вѣкѣ, *хотятъ* чего-то *національнаго*, но, достигая своей политической цѣли, они *производятъ лишь космополитическое*, т. е. нѣчто такое, что стираетъ все болѣе и болѣе національизмъ бытовой или культурный и смѣшиваетъ все болѣе и болѣе этихъ освобожденныхъ или свободно объединенныхъ единоплеменниковъ съ другими племенами и націями въ общемъ типѣ прогрессивно-европейскаго мѣщанства. Космополитическій демократизмъ и національизмъ политическій — это лишь два оттѣнка одного и того же цвѣта». К. Н. отрицаетъ самостоятельное значеніе племенного начала. «Что такое племя безъ системы своихъ религіозныхъ и государственныхъ идей? За что любить его? За кровь? И что такое чистая кровь? Безплодіе духовное! Всѣ великія націи очень смѣшанной крови. Языкъ?... Языкъ дорогъ особенно какъ выраженіе родственныхъ и дорогихъ намъ идей и чувствъ. Любить племя за племя — натяжка и ложь. Другое дѣло, если племя родственное хоть въ чемъ нибудь согласно съ нашими особыми идеями, съ нашими коренными чувствами... *Равенство націй* — все то же всеобщее равенство, всеобщая свобода, всеобщая пріятная польза, всеобщее благо, всеобщая анархія, либо всеобщая мирная скука. Идея́ національностей чисто племенныхъ въ томъ видѣ, въ какомъ она является въ XIX

вѣкѣ, есть идея, въ сущности, вполнѣ космополитическая, анти-государственная, противо-религіозная, имѣющая въ себѣ много разрушительной силы и ничего созидающаго, націй *культурой* не обособляющая; ибо культура есть ни что инео, какъ своеобразіе». Съ этой точки зрѣнія К. Н. не сочувствуетъ славянской политикѣ на Востокѣ. Ему дороги были не славянскія, не національныя начала, на Востокѣ, а начала византійскія, церковныя и государственныя, великія организующія идеи. Поэтому онъ былъ за грековъ и даже за турокъ.

Послѣ освобожденія и объединенія Италія сдѣлалась менѣе своеобразной и стала болѣе походить на Францію и всѣ другія европейскія страны. Въ Италіи произошло опошленіе тѣхъ самыхъ картинъ духовно-пластическихъ, на которыхъ такъ блаженно и восторженно отдыхали вдохновенные умы остальной Европы». Германія послѣ объединенія «измѣняется къ худшему въ отношеніи національно-культурномъ», теряетъ въ своей оригинальности, дѣлается болѣе похожей на другія страны Европы. Національное самоопредѣленіе и національное освобожденіе обезцвѣчиваетъ, ведетъ къ демократической нивелировкѣ. Это — очень парадоксальная мысль К. Леонтьева, въ которую слѣдуетъ вникнуть. Она совершенно противорѣчитъ общепринятымъ взглядамъ. «*Тогда*, когда націонализмъ имѣлъ въ виду не столько *самъ себя*, сколько интересы религіи, аристократіи, монархіи и т. п., тогда онъ *самъ себя-то и производилъ невольно*. И цѣлыя націи, и отдѣльные люди въ то время становились все разнообразнѣе, силь-

нѣе и самобытнѣе. Теперь, когда націонализмъ *ищетъ освободиться, сложиться, сгруппировать людей не во имя разнородныхъ*, но связанныхъ внутренно интересовъ религіи, монархіи и привилегированныхъ сословій, а во имя единства и свободы *самого племени*, результатъ выходитъ вездѣ болѣе или менѣе *однородно-демократическій*. Всѣ націи и всѣ люди становятся все сходнѣе и сходнѣе и вслѣдствіе этого все бѣднѣе и бѣднѣе духомъ». Національность образуютъ и ведутъ къ своеобразному цвѣтенію объективныя идеи, духовныя начала. Принципъ же національности самъ по себѣ — безсодержательный и демократическій, онъ обезцвѣчиваетъ. «*Національное начало*, лишенное *особыхъ* религіозныхъ оттѣнковъ и *формъ*, въ современной, чисто *племенной наготѣ своей*, *есть обманъ*. Племенная политика — есть одно изъ самыхъ странныхъ *самообольщеній* XIX вѣка. *Національнаго, въ дѣйствительномъ смыслѣ, въ племенномъ принципѣ нѣтъ ничего*». К. Н. пророчитъ, что національное самоопредѣленіе и освобожденіе балканскихъ славянъ приведетъ къ совершенному національному обезличиванію, къ либерально-эгалитарной европеизаціи, къ обыкновенному демократическому мѣщанству. Дѣло православія на Востокѣ отъ этого только потеряетъ. К. Н. издѣвается надъ возвышенными и благородными мечтами старыхъ славянофиловъ, которые ждали отъ освобожденія славянъ расцвѣта православной и всеславянской идеи. «Живя въ Турціи, я скоро понялъ ужасную вещь; я понялъ съ ужасомъ и горемъ, *что благодаря только туркамъ и держится* еще многое православное и славянское на Востокѣ..

Я сталъ подозрѣвать, что отрицательное дѣйствіе мусульманскаго давленія *за неимѣніемъ лучшаго*, спасительно для нашихъ славянскихъ особенностей и что безъ турецкаго презервативнаго колпака разрушительное дѣйствіе либеральнаго европеизма станетъ сильнѣе». Мысль объ изгнаніи турокъ онъ считаетъ не русской и не славянской, а обыкновенно европейской, либерально-демократической и нивелирующей мыслью. К. Н. настаиваетъ на томъ, что *«безсознательное назначеніе Россіи не было и не будетъ чисто славянскимъ*. Оно уже потому не могло быть таковымъ, что чисто славянскаго, совершенно своеобразнаго — ничего до сихъ поръ у славянъ не было... Сама Россія давно уже не чисто славянская держава». Интересы православія на Востокѣ онъ ставитъ настолько выше интересовъ племенныхъ, славянскихъ, что говоритъ: «самый жестокій и даже порочный, по личному характеру своему, православный епископъ, *какого бы онъ ни былъ племени*, хотя бы крещеный монголъ, долженъ быть намъ дороже двадцати славянскихъ демагоговъ и прогрессистовъ». Для Леонтьева Царьградъ долженъ быть или русскимъ или турецкимъ. Переходъ же его въ руки славянъ сдѣлаетъ изъ него революціонный центръ и больше ничего. Онъ не сочувствовалъ войнѣ 77 г., потому что она велась не за вѣру, а за освобожденіе славянъ, т. е. была эмансипаціонной войной. Панславизмъ онъ считалъ большой опасностью для Россіи. *«Идея» православно-культурнаго руссизма* дѣйствительно оригинальна, высока, строга и государственна. Панславизмъ же *во что бы ни стало -это подражаніе* и больше ничего. Это идеалъ современно

унитарно-либеральный; это стремленіе *быть какъ всѣ*. Это все та же общеевропейская *революція*». Панславизмъ на Востокѣ представляется ему торжествомъ обыкновеннаго демократическаго принципа. Славянофиловъ обвиняетъ онъ въ слишкомъ большой склонности къ безсословности и гражданскому равноправію, т. е. къ обыкновенному демократизму, къ либерально-эгалитарнымъ началамъ. Мы видѣли, что К. Леонтьевъ не славянофилъ, а туркофилъ. Онъ также — германофилъ. И все по тѣмъ же основаніямъ. Въ Германіи онъ видитъ больше началъ, охраняющихъ старую Европу, которую любитъ, и меньше началъ уравнивающихъ и смѣшивающихъ. И особенно не любитъ онъ современную Францію, какъ очагъ всемірной революціи, какъ демократическую республику. Онъ любитъ не Германію и германскій народъ самихъ по себѣ. Онъ въ гораздо большей степени испыталъ на себѣ вліяніе культуры французской чѣмъ германской, и былъ ближе латинскому духу, чѣмъ германскому. Но онъ любилъ и уважалъ монархію, аристократію и воинственныя начала, которыя въ Германіи были еще сильны. И онъ былъ сторонникомъ сближенія Россіи съ Германіей, хотя и предвидѣлъ возможность столкновенія съ ней. Онъ говоритъ, что «крѣпкій союзъ и вынужденная обстоятельствами война съ Германіей будутъ у насъ въ народѣ *одинаково популярны!*» Въ этихъ словахъ звучитъ презрѣніе къ народу, но они оправдались дальнѣйшими событіями. Онъ считалъ выгоднымъ для Россіи усиленіе и возвышеніе Германіи даже цѣною нашего пораженія. Это звучитъ чудовищно, особенно въ наше время. Но въ этомъ чув-

ствуется истинное безстрашіе мысли. Какъ примѣнялъ Леонтьевъ эти свои оригинальныя мысли о національности къ Россіи и русскому народу, къ опредѣленію русскаго призванія въ мірѣ? Для этого прежде всего нужно разсмотрѣть его взгляды на византизмъ.

III.

Россія сильна и велика своими византійскими началами, а не народными славянскими началами. И все будущее Россіи зависитъ отъ вѣрности византійскимъ началамъ. Что такое византизмъ? К. Леонтьевъ высоко оцѣнилъ Византію въ то время, когда она не была еще достаточно изслѣдована и оцѣнена въ исторической наукѣ. Къ византійской исторіи относились съ презрѣніемъ. «Славизмъ, взятый во всецѣлости своей, говоритъ К. Н. , есть еще сфинксъ, загадка. Отвлеченная идея византизма крайне ясна и понятна». Славизмъ для К. Н, есть нѣчто «аморфическое, стихійное, неорганизованное, почти подобное виду дальнихъ и обширныхъ облаковъ, изъ которыхъ могутъ образоваться самыя разнообразныя фигуры». «Представляя себѣ мысленно византизмъ, мы, напротивъ того, видимъ передъ собой какъ бы строгій, ясный планъ обширнаго и помѣстительнаго зданія. Мы знаемъ, напр., что византизмъ въ государствѣ значитъ — самодержавіе. Въ религіи онъ значитъ христіанство съ опредѣленными чертами, отличающими его отъ западныхъ церквей, отъ ересей и расколовъ. Въ нравственномъ мірѣ мы знаемъ, что византійскій идеалъ

не имѣетъ того высокаго и во многихъ случаяхъ преувеличеннаго понятія о земной личности человѣческой, которое внесено въ исторію германскимъ феодализмомъ; знаемъ наклонность византійскаго нравственнаго идеала къ разочарованію во всемъ земномъ, въ счастьѣ, въ устойчивости нашей собственной чистоты, въ способности нашей къ полному нравственному совершенству здѣсь, долу. Знаемъ, что византизмъ (какъ и вообще христіанство) отвергаетъ всякую надежду на всеобщее благоденствіе народовъ; что онъ есть сильнѣйшая антитеза идеѣ всечеловѣчества въ смыслѣ земного всеравенства, земной всесвободы, земного всесовершенства и вседовольства». К. Н. открылъ эстетическую прелесть византизма. Для его времени это было ново и оригинально. Но его плѣняла не столько утонченная упадочность византійской культуры, — этого поздняго эллинизма, страшно осложненнаго аскетическимъ христіанствомъ, сколько его сильныя, организующія и принуждающія церковныя и государственныя начала. Онъ недостаточно размышлялъ надъ тѣмъ, почему пала Византія, недостаточно чувствовалъ внутреннюю болѣзнь Византіи. Вл. Соловьевъ пытался дать религіозное объясненіе неизбѣжности паденія Византіи. К. Н. обращаетъ вниманіе на то, что византизмъ нашелъ въ Россіи дѣвственную почву, и вліяніе его было глубже , чѣмъ на Западѣ. «Соприкасаясь съ Россіей въ XV вѣкѣ и позднѣе, византизмъ находилъ еще безцвѣтность и пустоту, бѣдность, неприготовленность. Поэтому онъ глубоко переродиться у насъ не могъ, какъ на Западѣ, онъ всосался у насъ общими чертами своими чище и безпрепятственнѣе».. Но это имѣетъ сторону,

на которую К. Н. не обращаетъ достаточаго вниманія. Соединеніе византійскихъ началъ съ русской народной стихіей было бракомъ старика съ молодой дѣвушкой. Такіе браки рѣдко бываютъ счастливы. И все-таки вѣрно, что византизмъ внутренно и внѣшне способствовалъ организаціи Россіи. «Что такое христіанство въ Россіи безъ византійскихъ *основъ* и безъ византійскихъ *формъ*?», спрашиваетъ К. Н. Русская языческая народная стихія сама по себѣ склонна разрывать христіанскія формы и опрокидывать христіанскія основы. Это видно по нашему народному мистическому сектанству. Церковное единство у насъ держалось византизмомъ. «Сильны, могучи у насъ только три вещи: византійское православіе, родовое и безграничное самодержавіе наше и, можетъ быть, нашъ сельскій поземельный міръ.... Царизмъ нашъ, столь для насъ плодотворный и спасительный, окрѣпъ подъ вліяніемъ православія, подъ вліяніемъ византійскихъ идей, византійской культуры. Византійскія идеи и чувства сплотили въ одно тѣло полудикую Русь... Подъ его знаменемъ, если мы будемъ ему вѣрны, мы, конечно, будемъ въ силахъ выдержать натискъ и цѣлой интернаціональной Европы, если бы она, разрушивши у себя все благородное, осмѣлилась когда-нибудь и намъ предписать гниль и смрадъ своихъ новыхъ законовъ о мелкомъ земномъ всеблаженствѣ, о земной радикальной всепошлости!» Правъ и проницателенъ былъ К. Н., когда онъ утверждалъ организующее значеніе для Россіи сдерживающихъ и скрѣпляющихъ византійскихъ началъ. Но онъ недостаточно предвидѣлъ, что нашъ собственный интернаціонализмъ будетъ силь-

нѣе интернаціонализма Европы, что мы еще будемъ заражать Европу. Въ этомъ отношеніи у него было внутреннее противорѣчіе. Его роковыя предчувствія о Россіи подъ конецъ жизни очень усилились. Въ «Византизмѣ и славянствѣ» онъ уже говорилъ: «*Духъ охраненія въ высшихъ слояхъ общества* на Западѣ былъ всегда сильнѣе, чѣмъ у насъ, и потому и взрывы были слышнѣе; у насъ *духъ охраненія* слабъ. Наше общество вообще расположено итти по теченію за другими; ...кто знаетъ?... не *быстрѣе* ли даже другихъ?». Это и значитъ, что византійскія начала, которыми былъ крѣпокъ русскій народъ, не были достаточно органическими, были слишкомъ внѣшними, навязанными ему. На Западѣ же были свои собственныя органическія начала. К. Н. видитъ благородныя консервативныя начала во Франціи, у славянъ же этихъ началъ онъ совсѣмъ не видитъ. Тутъ мы сталкиваемся съ основнымъ противорѣчіемъ всѣхъ мыслей К. Н. о Россіи, которое подъ конецъ жизни сдѣлалось трагическимъ. Византизмъ чуждъ духу русскаго народа и потому у насъ такъ глубокъ былъ расколъ между народомъ и властью. Русскій народъ, повидимому, не выработалъ себѣ органической формы государственности.

К. Леонтьевъ долгое время жилъ вѣрой и надеждой, что Россія должна спасти разлагающуюся и погибающую Европу, должна явить еще міру новый и высшій типъ цвѣтущей культуры, сложной и разнообразной. «Россія — не просто государство; Россія это — цѣлый міръ особой жизни, особый государственный міръ, *не нашедшій еще себѣ своеобразнаго стиля культурной госу-*

дарственности». Россія — великій Востокъ, она должна явить небывалую по своеобразію восточную цивилизацію, противоположную мѣщанству Запада». «Я вѣрилъ и тогда,— пишетъ К. Н. въ позднѣйшемъ дополненіи къ статьямъ о панславизмѣ, — вѣрю и теперь, что Россія, имѣющая стать во главѣ какой-то ново-восточной государственности, должна дать міру и *новую культуру*, замѣнить этой новой славяно-восточной цивилизаціей *отходящую* цивилизацію Романо-Германской Европы. Я и тогда былъ ученикомъ и ревностнымъ послѣдователемъ нашего столь замѣчательнаго и до сихъ поръ одиноко стоящаго мыслителя Н. Я. Данилевскаго.». Эта зависимость Леонтьева отъ теорій Данилевскаго и славянофиловъ, менѣе оригинальныхъ и проницательныхъ чѣмъ его собственныя, и обострила основное его противорѣчіе. «Намъ русскимъ, надо *совершенно сорваться съ европейскихъ рельсовъ и, выбравъ совсѣмъ новый путь, — стать, наконецъ, во главѣ умственной и соціальной жизни всечеловѣчества*». Онъ призывалъ «къ развитію своей собственной, оригинальной, славяно-азіатской цивилизаціи, отъ европейской настолько же отличной, насколько были отличны эллино-римская отъ предшествовавшихъ ей египетской, халдейской и персомидійской; византійская отъ предшествовавшей ей эллино-римской, или, наконецъ, настолько, насколько была отлична новая, *послѣдняя* римско-германская цивилизація отъ предшествовавшихъ ей и *отчасти поглощенныхъ и претворенныхъ ею органически* цивилизаціи эллино-римской и византійской». «Поворотнымъ пунктомъ для насъ, русскихъ, должно быть взятіе Царь-

града и заложеніе тамъ основъ новому культурно-государственному зданію». «Царьградъ есть тотъ естественный центръ, къ которому должны тяготѣть всѣ христіанскія націи, рано или поздно *предназначенныя составить съ Россіей во главѣ восточно-православный союзъ»*. Тутъ слишкомъ явно чувствуется вліяніе Данилевскаго. К. Н. не вполнѣ еще сталъ на свои ноги, хотя блескъ его оригинальной мысли все время прорывается. Россія должна спасти старую Европу. Она должна утвердить «собственную цѣлость и силу, чтобы обратить эту силу, когда ударитъ понятный всѣмъ, страшный и великій часъ, на службу лучшимъ и благороднѣйшимъ началамъ европейской жизни, на службу этой самой великой, *старой* Европѣ, которой мы столько обязаны и которой хорошо бы заплатить добромъ?» Это есть утвержденіе не національной обособленности и исключительности Россіи, а міровой ея миссіи. Въ словахъ этихъ звучитъ характерная для К. Н. любовь къ Европѣ и ея великой культурѣ. Для выполненія этой миссіи необходимо, чтобы «Россія отъ всей Западной Европы отличалась настолько, насколько греко-римскій міръ отличался отъ азіатскихъ и африканскихъ государствъ древней исторіи». «Тотъ народъ наилучше служитъ всемірной цивилизаціи, который свое національное доводитъ до высшихъ предѣловъ развитія». «Есть слишкомъ много признаковъ тому, что мы русскіе, хотя сколько-нибудь да измѣнимъ на время русло всемірной исторіи... хоть *на короткое время!*» «Творческій геній можетъ сойти на голову только такого народа, который и разнохарактеренъ въ самыхъ нѣдрахъ своихъ и во всецѣлости наибо-

лѣе на другихъ не похожъ. Таковъ именно нашъ великорусскій великій и чудный океанъ!» И онъ предлагаетъ русскимъ быть не только «большимъ государствомъ», и «великой націей». Европа уже много дала и исчерпала себя. Теперь будущее есть только у Россіи, да еще у греко-славянскаго міра и Турціи. Спасеніе въ Азіи. Если мы русскіе не возьмемъ на себя созданіе оригинальной культуры, то это сдѣлаютъ «милліоны другихъ азіатовъ». К. Н. ставитъ передъ Россіей великія, міровыя задачи. Какія же основанія вѣрить въ выполнимость этихъ задачъ? Что думаетъ К. Н. о русскомъ народѣ?

И вотъ оказывается, что К. Леонтьевъ презираетъ не только болгаръ и сербовъ, но и русскій народъ. Онъ не вѣритъ въ русскій народъ. Онъ вѣритъ лишь въ византійскую идею. Ему дорога не Россія и не русскій народъ не русская идея, а византійское православіе и византійское самодержавіе, дорогъ аристократизмъ, гдѣ бы онъ ни былъ. Въ извѣстномъ смыслѣ можно сказать, что К. Н. болѣе «интернаціоналистъ» (если бы это скверное слово могло быть примѣнено къ благороднымъ явленіямъ!) чѣмъ націоналистъ. Во всякомъ случаѣ націонализмъ его былъ слишкомъ своеобразенъ. Современную Россію К. Н. пересталъ любить, онъ любилъ прежнюю Россію. «*Нынѣшняя* Россія мнѣ *ужасно* не нравится. Не знаю, стоитъ ли за нее, или на службѣ ей умирать? Я люблю Россію царя, монаховъ и поповъ, Россію красныхъ рубашекъ и голубыхъ сарафановъ, Россію Кремля и проселочныхъ дорогъ, благодушнаго деспотизма», Онъ любилъ въ Россіи лишь то, что прельщало его, какъ красота, и что создано было принудительнымъ дѣйствіемъ

нѣкоторыхъ идей. «Избави Боже большинству русскихъ дойти до того, до чего, шагъ за шагомъ, дошли уже многіе французы, т. е. *до привычки служить всякой Франціи и всякую Францію любить!*... На что намъ Россія не самодержавная и не православная?» Онъ спрашиваетъ себя: «Боже, патріотъ ли я? Презираю ли или чту свою родину? И боюсь сказать: мнѣ кажется, что я ее люблю какъ мать, и въ то же время презираю, какъ пьяную, безхарактерную до низости дуру». К. Н. любилъ Россію особенной любовью, не такой, какой любили славянофилы и традиціонные наши націоналисты. Эта любовь не мѣшаетъ ему говорить о Россіи и русскомъ народѣ самыя горькія и безпощадныя истины, отъ которыхъ можно прійти въ отчаяніе и потерять всякую надежду на выполненіе Россіей ея великой миссіи. «Молодость наша, говорю я, съ горькимъ чувствомъ, *сомнительна*. Мы прожили много, *сотворили духомъ мало* и стоимъ у какого-то страшнаго предѣла». Слова эти звучатъ совсѣмъ по чаадаевски. Можетъ показаться, что писалъ ихъ самъ Чаадаевъ. Много можно найти у К. Н. такихъ безпощадныхъ, горькихъ, чаадаевскихъ мѣстъ. «Оригиналенъ нашъ русскій психическій строй, между прочимъ, и тѣмъ, что до сихъ поръ, кажется, въ исторіи не было еще народа *менѣе творческаго, чѣмъ мы*. Развѣ турки. Мы *сами*, люди русскіе, дѣйствительно, весьма оригинальны психическимъ темпераментомъ нашимъ, но никогда ничего дѣйствительно оригинальнаго, *поразительно-примѣрнаго внѣ себя создать до сихъ поръ* не могли. Правда, мы создали *великое государство;* но въ этомъ царствѣ почти нѣтъ *своей государ-*

ственности; нѣтъ такихъ своеобразныхъ и на *другихъ вліяющихъ* своимъ примѣромъ внутреннихъ политическихъ отношеній, какія были въ языческомъ Римѣ, въ Византіи, въ старой монархической Франціи и въ Великобританіи.». Въ отличіе отъ славянофиловъ онъ отрицаетъ оригинальность русскаго самодержавія. Все дальше и дальше идетъ онъ въ своей безпощадности къ Россіи и русскому народу. Онъ разбиваетъ иллюзіи національнаго самообольщенія болѣе радикально, чѣмъ всѣ западники, мыслившіе поверхностно. Россія крѣпка и сильна исключительно инородными, а не своими собственными народными началами. «Нужна вѣра въ дальнѣйшее и новое развитіе Византійскаго христіанства, въ плодотворность *туранской* примѣси въ нашу русскую кровь; отчасти и въ православное intus-susceptio властной и твердой нѣмецкой крови». «Русская дисциплина, несвойственная всѣмъ другимъ славянамъ, есть ничто иное, какъ продуктъ совокупнаго вліянія началъ, чуждыхъ коренному славянству, началъ: византійскаго, татарскаго и нѣмецкаго. Можетъ быть, въ этомъ и есть значительная доля *очень печальной* для славянскаго самолюбія правды: дисциплина нашей Церкви происхожденія вполнѣ византійскаго; нѣмцы до сихъ поръ еще учатъ насъ порядку; а татарской крови, какъ извѣстно, течетъ великое множество въ жилахъ того дворянства русскаго, которое столько времени стояло во главѣ націи нашей... Быть можетъ, кто знаетъ, *если бы не было всѣхъ этихъ вліяній*, то и всеславянское племя, и русскій народъ, въ частности взятый, изъ буйнаго безначалія перешелъ бы легче всякаго другого племени или націи въ *мирное*

безвластіе, въ организованную, *легальную анархію*». Эти печальныя для русскаго самолюбія слова многимъ покажутся правдоподобными послѣ опыта русской революціи.

Въ *русскія начала* К. Леонтьевъ не вѣрилъ и не на нихъ основывалъ свои мечты о міровой миссіи Россіи. Онъ вѣрилъ въ *деспотическую идею*, которая можетъ держать и направлять народную стихію. Съ этимъ связано и политическое реакціонерство К. Н. Онъ реакціонеръ потому, что не вѣритъ въ русскую народную стихію и видитъ, что Россія вступаетъ въ періодъ смѣсительнаго упрощенія, т. е. разложенія. Онъ — крайній сторонникъ самобытнаго культурнаго идеала, не видитъ самобытной русской мысли и видитъ «русскій ужасъ передъ всякой дѣйствительной умственной независимостью». «Все великое и прочное въ жизни русскаго народа было сдѣлано *почти искуственно и болѣе или менѣе принудительно*, по почину правительства.». Свободный починъ общества и народа не приносилъ ничего кромѣ разрушенія. К. Н. не вѣритъ въ русскую землю и земское общество, какъ вѣрили славянофилы. Онъ вѣритъ въ начала идущія сверху. «Чтобы русскому народу дѣйствительно пребыть надолго народомъ «богоносцемъ» онъ долженъ быть *ограниченъ, привинченъ, отечески и совѣстливо стѣсненъ*. Не надо лишать его тѣхъ *внѣшнихъ ограниченій* и *узъ*, которыя такъ долго утверждали и воспитывали въ немъ *смиреніе и покорность*. Эти качества составляли его душевную красу и дѣлали его истинно великимъ и примѣрнымъ народомъ». Вопреки демократизму славянофиловъ, К. Н. думалъ, что царская власть, которой только и держалась по его мнѣнію Россія, возростала

у насъ одновременно съ неравенствомъ и различіемъ. Она препятствовала упростительному смѣшенію. «Истинно-русская мысль должна быть прогрессивно-охранительной; выразимся еще точнѣе: ей нужно быть *реакціонно-двигающей*, т. е. проповѣдывать *движеніе впередъ на нѣкоторыхъ пунктахъ* исторической жизни, но не иначе какъ посредствомъ *сильной власти* и съ готовностью на всякія *принужденія*». К. Н. думалъ, что Россія должна взять на себя починъ экономическихъ реформъ и этимъ предотвратить надвигающуюся соціальную революцію. Въ этомъ онъ слѣдовалъ народническимъ традиціямъ. Глубокія сомнѣнія въ русскомъ народѣ и роковыя предчувствія грядущаго разложенія заставляютъ его воскликнуть: «Надо *подморозить* Россію, чтобы она не «гнила». Но «подмораживаніемъ» нельзя вѣдь создать новой цвѣтущей самобытной культуры, нельзя выполнить положительной миссіи въ мірѣ. «Слава Богу, что мы стараемся теперь затормозить хоть немного свою исторію, въ надеждѣ на то, что можно будетъ позднѣе свернуть на вовсе иной путь. И пусть тогда бушующій и гремящій поѣздъ Запада промчится мимо насъ къ неизбѣжной безднѣ соціальной анархіи». Это слова отчаявшагося, потерявшаго надежды консерватора. Въ нихъ нѣтъ вѣры и надежды на сложное цвѣтеніе культуры, на міровую миссію. Мессіанизма мистическаго у К. Н. никогда не было, его ученіе о призваніи Россіи было натуралистическимъ и зависѣло отъ натуралистическаго процесса, происходящаго съ Россіей.

К. Леонтьевъ такъ мало вѣрилъ въ силу «своего», «русскаго», что отрицательно относился къ руссифи-

каціи окраинъ. Онъ называлъ руссификацію «жидкой блѣдной и нивелирующей европеизаціей». «Руссификація окраинъ есть ничто иное, какъ демократическая европеизація». «Для нашего, *слава Богу, еще пестраго* государства полезны своеобычныя окраины; полезно упрямое иновѣрчество; слава Богу, что *нынѣшней руссификаціи* дается отпоръ. *Не прямо полезенъ* этотъ отпоръ, *но косвенно;* католичество есть главная опора полонизма, положимъ, но оно же, вмѣстѣ съ тѣмъ, одно изъ лучшихъ орудій противъ общаго индифферентизма и безбожія». Въ этомъ К. Н. рѣшительно расходился и съ Катковымъ, и съ славянофилами, и со всѣми нашими традиціонными консерваторами. Онъ даже находитъ, что инородцы лучше русскихъ. «Хорошо обращать уніатовъ въ православіе, но еще бы нужнѣе придумать: какъ *своихъ*, москвичей, калужанъ, псковичей, жителей Сѣверной Пальмиры, *просвѣтить Свѣтомъ Истины?* Съ упорными *иновѣрцами* окраинъ Россія со временъ Іоанновъ, все росла и росла, все крѣпла и прославлялась, а съ «европейцами» великорусскими она, въ какихъ-нибудь полвѣка, пришла... Къ чему она *пришла* — мы видимъ теперь!... Между прочимъ и къ тому, что и русскій старовѣръ, и ксендзъ, и татарскій мулла, и самый дикій и злой черкесъ стали лучше и безвреднѣе для насъ нашихъ единокровныхъ и *по названію (но не по духу, конечно) единовѣрныхъ братьевъ!*» «Русскіе люди, пишетъ К. Н. Заморѣеву, не созданы для свободы. Безъ страха и насилія у нихъ все прахомъ пойдетъ». «Да развѣ въ Россіи можно безъ *принужденія и строгаго* даже, что бы то ни было сдѣлать и утвердить? У насъ что крѣпко стоитъ? Армія, монасты-

ри, чиновничество и, пожалуй, крестьянскій міръ. *Все принудительное*». «По пристрастію *сердца* къ Россіи, я часто думаю, что всѣ эти мерзкіе личные пороки наши очень полезны въ культурномъ смыслѣ, ибо *они вызываютъ потребность деспотизма, неравноправности* и рѣзкой дисциплины, духовной и физической; эти пороки дѣлаютъ насъ малоспособными къ той буржуазно-либеральной цивилизаціи, которая до сихъ поръ еще такъ крѣпко держится въ Европѣ. Какъ *племя*, какъ *мораль*, мы гораздо ниже европейцевъ; но, такъ какъ, и не преувеличивая молодость нашу, всетаки надо признать, что мы *хоть на одинъ вѣкъ* да моложе Европы, то и болѣе бездарное и менѣе благородное племя можетъ *въ извѣстный періодъ стать лучше въ культурномъ отношеніи*, чѣмъ болѣе устарѣвшія, хотя и болѣе одаренныя племена». Вотъ за какую соломинку цѣпляется К. Н. въ своихъ надеждахъ на будущее Россіи. Европейскіе народы онъ считаетъ болѣе одаренными, чѣмъ русскій народъ. «Да, милый мой, пишетъ онъ Александрову, не вижу я въ русскихъ людяхъ той какой-то особенной и неслыханной «морали», «любви», съ которой носился Вашъ подпольный пророкъ Достоевскій, а за нимъ носятся и другіе, и на *культурное (!)* значеніе которой расчитываютъ». Даже русской религіозности К. Н. отказываетъ въ оригинальности: «Византійской религіозной культурѣ вообще принадлежатъ всѣ главные *типы* той святости, которой образцами впослѣдствіи пользовались русскіе люди... Всѣ наши святые были только учениками, подражателями, послѣдователями византійскихъ святыхъ». Онъ рѣшительно предлагаетъ «*отверг-*

нуть возможность поклоненія Каратаеву и вообще простому народу въ *стилѣ*, слишкомъ похожемъ на *славянофильскій* стиль подобнаго поклоненія въ 40-хъ и 60-хъ годахъ». Своеобразія русскаго православія онъ не видѣлъ. Онъ не зналъ бѣлаго христіанства Св. Серафима, Христіанства Воскресенія.

Какъ видите, мысли Леонтьева о Россіи очень близки мыслямъ Чаадаева: онѣ столь же горькія, печальныя и пессимистическія, столь же безстрашныя и радикальныя, столь же противоположныя мыслямъ славянофильскимъ. Разница лишь въ томъ, что Чаадаевъ искалъ спасенія въ западныхъ, католическихъ началахъ, Леонтьевъ же — въ началахъ византійскихъ. И тотъ и другой утверждаетъ главенство объективной идеи надъ народной стихіей, и для того и для другого религіозная идея выше національности. К. Н. не вѣритъ въ долговѣчность государства безъ мистическихъ основъ. «*Личная мораль* и даже личная доблесть, сами по себѣ, не имѣютъ въ себѣ еще ничего организующаго и государственнаго. Организуетъ не личная добродѣтель, не субъективное чувство чести, а идеи *объективныя, внѣ насъ стоящія*, прежде всего *религія*». Въ русскомъ дворянствѣ К. Н не видитъ настоящей религіозности. Объ интеллигенціи и говорить нечего. «Церкви и монастыри, пишетъ онъ Карцевой, еще не сейчасъ закроютъ: лѣтъ двадцать, я думаю, еще позволено будетъ законами русскимъ помолиться». Въ этихъ словахъ звучитъ зловѣщее предчувствіе. Оно сбывается въ наше время. «Человѣкъ, *истинно вѣрующій*, не долженъ колебаться въ выборѣ между вѣрой и отчизной. *Вѣра должна взять верхъ*,

и отчизна должна быть принесена въ жертву уже потому одному, что всякое государство земное есть явленіе преходящее, а *душа моя и душа ближняго вѣчны и Церковь тоже вѣчна;* вѣчна она въ томъ смыслѣ, что если 30000, или 300 человѣкъ, или *всего три* человѣка останутся вѣрными Церкви *ко дню гибели всего человѣчества на этой планетѣ,* — то эти 30000, эти 300, эти три человѣка, будутъ *одни правы, и Господь будетъ съ ними, а всѣ остальные милліоны будутъ въ заблужденіи». «Вѣра* во Христа, апостоловъ и въ святость Вселенскихъ Соборовъ не требуетъ непремѣнно вѣры въ Россію. Жила Церковь долго безъ Россіи и если Россія станетъ недостойна, — *Вѣчная* церковь найдетъ себѣ новыхъ и лучшихъ сыновъ». К. Н. не былъ грѣшенъ церковнымъ націонализмомъ, въ этомъ онъ рѣзко отличается и отъ славянофиловъ и отъ Достоевскаго. Его построеніе ближе подходитъ къ католичеству, чѣмъ къ русскому православію. И понятно, что онъ долженъ былъ сблизиться съ Вл. Соловьевымъ, что тотъ не могъ не повліять на него. Въ одномъ еще отношеніи взгляды К. Н. на русскій народъ рѣзко расходились со взглядами славянофильскими. Онъ утверждалъ, что у русскихъ слабо родовое чувство и чувство семейственности и сильно государственное. «Родовое чувство, столь сильное на Западѣ въ аристократическомъ элементѣ общества, у насъ же въ этомъ элементѣ гораздо слабѣйшее, нашло себѣ главное выраженіе въ монархизмѣ... Государство у насъ всегда было сильнѣе, глубже, выработаннѣе не только аристократіи, но и самой семьи. Я, признаюсь, не понимаю тѣхъ, которые говорятъ о семейственности

нашего народа... Всѣ почти иностранные народы, не только нѣмцы и англичане, но и столькіе другіе: малороссы, греки, болгары, сербы, вѣроятно и сельскіе или вообще провинціальные французы, даже турки, гораздо семейственнѣе насъ, великороссовъ». К. Н. глубоко правъ: у русскихъ получило исключительное развитіе начало государственное, монархическое и ему было подчинено начало аристократическое и семейно-родовое. Но въ другомъ отношеніи К. Н. раздѣлялъ заблужденіе славянофиловъ и русскаго народничества. Онъ думалъ, что призваніемъ славянъ должно быть уничтоженіе свободнаго индивидуализма, что въ Россіи не должно развиваться личное начало и что отъ этого сохранится болѣе высокій типъ культуры. Съ этимъ связано отвращеніе К. Н. къ правовому началу. Леонтьевъ вѣрно подмѣтилъ своеобразный коллективизмъ свойственный русскому народному характеру, но тутъ нужно искать и основной порокъ его общественной философіи. Онъ смѣшалъ для Россіи первоначальную простоту съ цвѣтущей сложностью. Недостаточная раскрытость въ Россіи личнаго начала — русскій коллективизмъ былъ препятствіемъ для развитія въ Россіи культуры, нежеланіемъ подчиниться природному закону перехода отъ простоты къ сложности. Развитіе личности связано съ цвѣтущей сложностью. Это утверждалъ и самъ К. Н. И онъ былъ горячимъ сторонникомъ яркаго развитія личности. Съ натуралистической точки зрѣнія, на которой онъ стоялъ, было безнадежнымъ противорѣчіемъ ждать отъ Россіи эпохи цвѣтущей сложности, культурнаго ренессанса въ его духѣ. Духовной вѣры въ русскій

народъ у него не было,—въ этомъ было его несчастье. Все вело К. Н. къ жестокимъ сомнѣніямъ въ будущности Россіи, которыя мучили его послѣдніе годы, и къ полной потерѣ вѣры въ Россію. Въ этомъ отношеніи встрѣча съ Вл. Соловьевымъ имѣла для него огромное значеніе.

IV.

Сомнѣнія въ будущности Россіи постепенно подрывали все его построеніе о Россіи. «Сомнительна *долговѣчность* ея (Россіи) будущности; загадоченъ *смыслъ* этой несомнѣнной будущности, *ея идея*. И я ли одинъ такъ думаю? Нѣтъ, я знаю, многіе въ этомъ согласны со мною. Только не скажутъ громко, а лишь «приватно пошепчутъ». «Сознаюсь, мои *надежды* на культурное будущее Россіи за послѣднее время стали все болѣе и болѣе колебаться». «Очень можетъ быть, что и вѣра Данилевскаго въ столь богатую и невиданную четырехосновную славяно-русскую культуру была вѣрой напрасной и ни на чемъ не основанной; очень можетъ быть, что и мои *прежнія* надежды на что-нибудь подобное несбыточны». «Я не говорю, что я отчаиваюсь вовсе въ *особомъ* призваніи Россіи. Я признаюсь, что я очень нерѣдко начинаю въ немъ сомнѣваться». Какъ на послѣнее прибѣжище смотритъ онъ на различіе вопроса православно-религіознаго и вопроса славянско-племенного и предлагаетъ сосредоточиться на первомъ вопросѣ. «При всемъ желаніи моемъ думать такъ, какъ думалъ я прежде (т. е. за одно съ Данилевскимъ), — начинаю

все больше и больше колебаться. Горькія и почти насмѣшливыя слова Влад. Соловьева: «русская цивилизація — есть цивилицазія европейская» — беспрестанно вспоминаются мнѣ въ моемъ одиночествѣ. А что — если онъ *съ этой стороны* правъ?» «А что если съ *этой стороны* Соловьевъ видитъ дѣло вѣрнѣе насъ; что если мы хотимъ вѣрить тому, что намъ пріятно, и ослѣпляемся?... Будетъ ли еще вообще новая, вполнѣ независимая, полная, оригинальная культура на земномъ шарѣ — это — вопросъ!» Допустивши даже, что будутъ еще (до *неизбѣжнаго и надвигающагося* свѣтопреставленія) одинъ или два новыхъ культурныхъ типа, мы всетаки не имѣемъ еще черезъ это права надѣяться, что этотъ новый культурный типъ выработается *непремѣнно весьма уже старою Россіей* и ея славянскими единоплеменниками, отчасти переходящими прямо ихъ свинопасовъ въ либеральныхъ буржуа, отчасти давно уже насквозь пропитанныхъ европеизмомъ». К. Н. старается найти такой выходъ изъ противорѣчія въ своихъ взглядахъ на Россію: «Иное дѣло *вѣрить* въ идеалъ и *надѣяться* на его осуществленіе; и иное дѣло *любить* этотъ самый идеалъ. Можно любить и *безнадежно* больную мать; можно, даже и весьма страстно желая культурнаго выздоровленія Россіи, — утратить, наконецъ, вѣру въ это выздоровленіе». Онъ очень далеко отошелъ отъ Данилевскаго и отъ славянофиловъ. Вл. Соловьевъ смутилъ его и укрѣпилъ его сомнѣнія въ призваніи Россіи.

«Съ 82 — 84 года встрѣтился человѣкъ молодой, которому я впервые за 30 лѣтъ уступилъ (не изъ практическихъ личныхъ соображеній), а въ томъ смыслѣ, что

безусловное почитаніе нашего съ Данилевскимъ идеала впервые у меня внутренно поколебалось». «Соловьевъ единственный и первый человѣкъ, который *съ тѣхъ поръ какъ я созрѣлъ, поколебалъ меня* и *нѣсколько* заставилъ думать въ *новомъ направленіи*... Поколебалъ не *личную* и *сердечную* вѣру мою въ *духовную истину Восточной Церкви, необходимую* для спасенія *моей* души за гробомъ.. Онъ поколебалъ, признаюсь, въ самые послѣдніе 2 — 3 года мою *культурную вѣру въ Россію*, и я сталъ за нимъ *съ досадой*, но *невольно* думать, что, пожалуй, призваніе то Россіи *чисто религіозное*... и только». Потомъ мы увидимъ, что и религіозное призваніе Россіи онъ понималъ очень ограничительно, совсѣмъ не такъ, какъ понималъ Достоевскій, да и самъ Вл. Соловьевъ. Онъ продолжалъ вѣрить въ Православную Церковь, какъ путь спасенія свой души. Вотъ и все. Безъ всякихъ историческихъ перспективъ. Побѣдилъ мотивъ монашеско-аскетическій. Если Вл. Соловьевъ изначально былъ болѣе правъ, чѣмъ Леонтьевъ, то Леонтьевъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ былъ болѣе прозорливъ и предвидѣлъ такіе результаты «либерально-эгалитарнаго» процесса въ Россіи, какихъ Вл. Соловьевъ не предвидѣлъ. Чуткость и прозорливость К. Н., особенно въ послѣдніе годы, изумительны. Онъ острѣе и глубже всѣхъ понималъ и характеръ русскаго народа и процессы, совершающіеся въ Россіи. Онъ, по существу, оказался болѣе правъ, чѣмъ всѣ, чѣмъ славянофилы и западники, чѣмъ Достоевскій и Соловьевъ, чѣмъ Катковъ и Аксаковъ. У него было катастрофическое чувство наступленія новой эпохи. «Петербургская Россія, писалъ онъ въ 1880 г., эта мѣ-

щанская *современная* Европа, сама трещитъ вездѣ по швамъ, и внимательно разумѣющее ухо слышитъ этотъ многозначительный трескъ ежеминутно и понимаетъ его ужасное значенiе!» Онъ не былъ замкнутымъ и закупореннымъ консерваторомъ. Онъ чувствовалъ переломъ, умиранiе стараго, нарожденiе новаго. Онъ раньше другихъ и серьезнѣе другихъ почуялъ гулъ надвигающейся революцiи и понялъ, что она несетъ съ собой и каковъ смыслъ ея. И онъ восклицаетъ въ ужасѣ отъ своихъ раннихъ и роковыхъ предчувствiй: «Русское общество, и безъ того довольно эгалитарное по привычкамъ, помчится еще быстрѣе всякаго другого по смертному пути *всесмѣшенiя* и — кто знаетъ? — подобно евреямъ, не ожидавшимъ, что изъ нѣдръ ихъ выйдетъ Учитель *Новой вѣры, — и мы, неожиданно, изъ нашихъ государственныхъ нѣдръ, сперва безсословныхъ, а потомъ безцерковныхъ или уже слабо церковныхъ, — родимъ антихриста* (Курсивъ мой. Н. Б.)». Это слова — необычайныя и жуткiя, въ нихъ почувствовано что-то роковое для духовнаго будущаго Россiи, что-то глубоко вѣрное, какъ предостереженiе, какъ раскрытiе таящейся въ Россiи опасности. Вотъ какимъ предчувствiемъ окончилась исторiя русскихъ мессiанскихъ ожиданiй и надеждъ. Поистинѣ въ Россiи, въ народѣ русскомъ есть благопрiятная почва для явленiя антихриста. Но у К. Н. можно найти и совершенно конкретныя предвидѣнiя русской революцiи, почти что описанiе ея характера. Въ этомъ онъ былъ настоящимъ пророкомъ. Эти предвидѣнiя чередовались у него съ планами и мѣрами предотвращенiя грядущей опасности и грядущаго разру-

шенія, часто наивными и практически бездѣйственными.

К. Н. относился съ презрѣніемъ къ либерализму, какъ къ направленію умѣренно-половинчатому, несамостоятельному, лишь расчищающему почву для торжества разрушительныхъ началъ. Онъ считалъ неправдоподобнымъ торжество умѣреннаго либерализма у русскихъ, склонныхъ къ крайностямъ. Умѣренный либерализмъ «такъ не глубокъ и *такъ легко можетъ быть раздавленъ между двумя весьма не либеральными силами:* между изступленнымъ нигилистическимъ порывомъ и твердой, безтрепетной защитой нашихъ великихъ историческихъ началъ». Въ этомъ отношеніи К. Н. оказался очень проницательнымъ. Самъ онъ болѣе всего не хотѣлъ среднихъ, умѣренныхъ путей для Россіи, питалъ къ нимъ эстетическое отвращеніе. Онъ любилъ крайности. Медленно дѣйствующій ядъ представлялся ему болѣе опаснымъ, чѣмъ самыя сильныя средства, вызывающія бурную реакцію. «Никакая пугачевщина не можетъ повредить Россіи такъ, какъ могла бы ей повредить очень мирная, очень законная демократическая конституція». Желаніе К. Н. исполнилось — «пугачевщина» взяла верхъ надъ «мірной и законной конституціей» Но Россіи опытъ этотъ слишкомъ дорого стоилъ. К. Н. съ необычайной проницательностью предвидѣлъ, что русскій народъ не остановится ни на какихъ умѣренно-конституціонныхъ формахъ и устремится къ самому крайнему и предѣльному. «Либерализмъ, простертый еще *немного* дальше, довелъ бы насъ до взрыва, и такъ называемая *конституція* была бы самымъ вѣрнымъ

средствомъ для произведенія *насильственнаго соціалистическаго* переворота, для возбужденія бѣднаго класса населенія противу богатыхъ, противу землевладѣльцевъ, банкировъ и купцовъ, для новой, ужасной можетъ быть, Пугачевщины. Нужно удивляться только, какъ это могли нѣкоторые даже и благонамѣренные люди желать ограниченія царской власти въ надеждѣ на лучшее умиротвореніе Россіи! Русскій простолюдинъ сдерживается гораздо болѣе своимъ духовнымъ чувствомъ къ особѣ Богопомазаннаго Государя и давней привычкой повиноваться *Его слугамъ*, чѣмъ какимъ-нибудь естественнымъ свойствомъ своимъ и вовсе не воспитаннымъ въ немъ исторіей уваженіемъ къ отвлеченностямъ закона. Извѣстно, что русскій человѣкъ вовсе не умѣренъ, а расположенъ, напротивъ того, доходить въ увлеченіяхъ своихъ до крайности. *Если бы монархическая власть утратила бы свое безусловное значеніе, и если бы народъ понялъ, что теперь уже правитъ имъ не самъ Государь, а какими то неизвѣстными путями набранные и для него ничего не значущіе депутаты, то, можетъ быть, скорѣе простолюдина всякой другой націанальности, русскій рабочій человѣкъ дошелъ бы до мысли о томъ, что нѣтъ больше никакихъ поводовъ повиноваться* (курсивъ мой. Н. Б.) Теперь онъ плачетъ объ убитомъ Государѣ въ церквахъ и находитъ свои слезы *душеспасительными;* а тогда о депутатахъ онъ не только плакать бы не сталъ, но потребовалъ бы для себя какъ можно *побольше земли и вообще собственности* и какъ можно меньше податей.... За свободу же *печати и парламентскихъ преній* онъ не станетъ драться». Предсказаніе это сбы-

вается дословно. Въ немъ дано описаніе характера русской революціи лѣтъ за 35 до ея торжества. К. Н. видѣлъ истинное положеніе лучше другихъ направленій, другихъ русскихъ мыслителей, публицистовъ и политиковъ У него самого были эстетическія предубѣжденія противъ права и закона, и онъ санкціонировалъ роковыя черты русскаго народа, отвращавшія его отъ права и закона. Леонтьевъ отлично понималъ, что на міръ идетъ соціализмъ со всѣми его страшными опасностями, и что нельзя отъ него отмахнуться. Онъ чувствовалъ, что съ соціализмомъ связанъ очень серьезный и большой вопросъ. И онъ изобрѣталъ способы противодѣйствія въ Россіи соціалистической опасности. «*Воспитывать* нашъ народъ въ *легальности* очень долгая пѣсня; великія событія не ждутъ окончанія этого вѣкового курса! А пока народъ нашъ понимаетъ и любитъ *власть* больше, чѣмъ *законъ*. Хорошій «генералъ» ему понятнѣе и даже пріятнѣе хорошаго параграфа устава. Конституція, ослабивши *русскую власть*, не успѣла бы въ то же время внушить народу *англійскую любовь къ законности*. И народъ нашъ правъ! Только одна могучая монархическая власть, ничѣмъ кромѣ собственной совѣсти нестѣсняемая, освященная свыше религіей, облагословенная Церковью, только такая власть можетъ найти практическій выходъ изъ неразрѣшимой, повидимому, современной задачи примиренія *капитала и труда*. Рабочій вопросъ — вотъ тотъ путь, на которомъ мы должны опередить Европу и показать ей примѣръ. Пусть то, что на Западѣ значитъ разрушеніе, — у славянъ будетъ творческимъ созиданіемъ... Народу нашему — утвержденіе въ вѣрѣ и *веще-*

ственное обезпеченіе нужнѣе *правъ и реальной науки*.. Только удовлетвореніе въ одно и то же время и вещественнымъ, и высшимъ (религіознымъ) потребностямъ русскаго народа, можетъ вырвать грядущее поколѣніе простолюдиновъ изъ когтей нигилистической гидры. Иначе крамолу мы не уничтожимъ *и соціализмъ рано или поздно возьметъ верхъ, но не въ здоровой и безобидной формѣ новой и постепенной государственной организаціи, а среди потоковъ крови и неисчислимыхъ ужасовъ анархіи* (курсивъ мой. Н. Б.)... *Надо стоять на уровнѣ событій, надо понять, что организація отношеній между трудомъ и капиталомъ* въ томъ или другомъ видѣ есть *историческая неизбѣжность*, и что мы должны не обманывать себя, отвращая лицо отъ опасности, а, взглянувъ ей прямо въ глаза, не смущаясь понять всю ея неотвратимость». Въ словахъ этихъ есть большая проницательность и сила предвидѣнія, есть пониманіе неизбѣжности разрѣшеніе соціальнаго вопроса, преодолѣнія антагонизма труда и капитала. Но мѣры, предлагаемыя Леонтьевымъ наивны и утопичны. Желаніе его, чтобы Россія опередила Европу въ рѣшеніи рабочаго вопроса, есть отрыжка русскаго народничества, въ другихъ отношеніяхъ ему чуждаго. Онъ хватается за своеобразный консервативно-монархическій «соціализмъ» отъ отчаянія, отъ безнадежности. Онъ не могъ такъ спокойно благодушествовать, какъ благодушествовали другіе русскіе консерваторы, въ эпоху Александра III, эпоху призрачнаго и обманчиваго благообразія и спокойствія. Подъ нимъ земля горѣла. Онъ чувствовалъ подземные гулы. За годъ до смерти, въ письмѣ къ Александрову, К. Н. еще разъ излагаетъ

планъ мистическаго и монархическаго, реакціоннаго «соціализма», въ осуществимость котораго онъ самъ плохо вѣритъ. «Иногда я думаю, что какой нибудь русскій царь станетъ во главѣ соціалистическаго движенія и *организуетъ* его такъ, какъ Константинъ способствовалъ организаціи христіанства. Но что значитъ «организація»? Организація значитъ *принужденіе*, значитъ — благоустроенный *деспотизмъ*, значитъ *узаконеніе* хроническаго, постояннаго искусно и мудро распредѣленнаго *насилія надъ личной волей гражданъ*... И еще соображеніе: организовать такое сложное, прочное и новое рабство едва ли возможно безъ помощи *мистики*. Вотъ, если послѣ присоединенія Царьграда *небывалое доселѣ сосредоточеніе* Православнаго управленія въ Соборно-Патріаршей формѣ совпадаетъ съ одной стороны съ усиленіемъ и того мистическаго потока, который растетъ еще теперь въ Россіи, а съ другой — съ *неотвратимыми* и разрушительными рабочими движеніями и на Западѣ, и даже у *насъ*, — то хоть за *двѣ основы* — религіозную и государственно-экономическую можно будетъ поручиться *надолго*. Да и то все къ *тому же* окончательному *смѣшенію* нѣсколько позднѣе придетъ. Человѣчество, безъ сомнѣнія, очень устарѣло.». К. Н. не видитъ особенной правды въ соціализмѣ и не имѣетъ къ нему никакой склонности, какъ имѣло огромное большинство русскихъ интеллигентныхъ людей. Онъ видитъ въ соціализмѣ лишь роковой процессъ упростительнаго смѣшенія. И безпомощно мечтаетъ о мистико-монархическомъ «соціализмѣ» лишь для того, чтобы спасти этимъ остатки старой благородной культуры, сохранить хоть какое-нибудь

неравенство и аристократизмъ. Подъ конецъ у него звучитъ зловѣщее предчувствіе, что славяне «лопнутъ, какъ мыльный пузырь и распустятся немного позднѣе другихъ все въ той же ненавистной всеевропейской буржуазіи, а потомъ будутъ (туда и дорога!) попраны китайскимъ нашествіемъ (NB. Замѣтьте, что религія Конфуція есть *почти чистая* практическая мораль и не знаетъ *Личнаго Бога*, а буддизмъ въ Китаѣ, тоже столь сильный, есть прямо *религіозный атеизмъ*... Ну, развѣ не Гоги и Магоги?)». У К. Н. было предчувствіе опасности панмонголизма для Россіи и Европы.

Изучить взгляды К. Леонтьева на Россію и ея будущее особенно поучительно въ наше время. Въ его острыхъ и пронизывающихъ мысляхъ и предчувствіяхъ можно найти разгадку переживаемой нами исторической трагедіи, характеръ которой онъ предвидѣлъ лучше большей части представителей «праваго» и «лѣваго» лагеря. Но въ мысляхъ его о Россіи и русскомъ народѣ было противорѣчіе, которое онъ до конца не могъ преодолѣть. Онъ, подобно многимъ, ошибочно думалъ, что революція въ Россіи поддерживается исключительно иинтеллигенціей, и чужда народу. И онъ же самъ видѣлъ въ русскомъ народѣ непреодолимую склонность къ анархіи и крайнимъ теченіямъ. Въ одномъ отношеніи К. Н. ошибался: онъ долгое время думалъ, что въ Россіи почва разнообразнѣе и сложнѣе, чѣмъ въ современной Европѣ, и что поэтому Россія можетъ остановить міровую соціалистическую и анархическую революцію. Оказалось, что Россія стала во главѣ соціалистической и анархической революціи и эгалитарная страсть ока-

залась въ русскомъ народѣ болѣе сильной, чѣмъ у народовъ Запада. Въ Западной Европѣ, даже XIX и XX вѣка, почва сложнѣе и разнообразнѣе, чѣмъ въ Россіи, и традиціи старой благородной культуры въ ней еще сильны. Но въ противорѣчіи съ самимъ собой К. Н. чувствовалъ и предвидѣлъ, что именно въ Россіи есть благопріятная почва для уравнительной и смѣсительной революціи, что русскій народъ и на Западѣ будетъ все уравнивать и смѣшивать. Основнымъ же философскимъ противорѣчіемъ мыслей К. Леонтьева о Россіи было столкновеніе натуралистической и религіозной точки зрѣнія, которыя онъ не могъ примирить. Это противорѣчіе раздирало и его религіозное сознаніе.

ГЛАВА VI.

Религіозный путь. Дуализмъ. Пессимизмъ по отношенію къ земной жизни. Религіозная философія. Филаретовское и хомяковское православіе. Отношеніе къ католичеству. Трансцендентная религія и мистика. Натурализмъ и Апокалипсисъ. Отношеніе къ старчеству. Отношеніе къ смерти. Заключительная оцѣнка.

I.

Было ли у К. Леонтьева религіозное ученіе, религіозное познаніе, религіозная философія? Въ точномъ смыслѣ слова, въ какомъ это можно сказать о Вл. Соловьевѣ, этого нельзя сказать про Леонтьева. Онъ не гностикъ по своему духовному типу, онъ скорѣе антигностикъ. Онъ не интересуется созерцаніемъ и познаніемъ Бога и божественныхвъ тайнъ. Онъ и не богословъ, онъ мало свѣдущъ въ богословіи и мало занимался богословскими вопросами. Въ этомъ отношеніи его нельзя сопоставлять съ Хомяковымъ или Соловьевымъ. Нѣтъ у него никакого выработаннаго религіозно-философскаго ученія. Вѣра для него была насиліемъ надъ разумомъ

и этимъ насиліемъ онъ болѣе всего дорожилъ. Онъ не знаетъ никакихъ познавательныхъ путей къ Богу. Религіозный типъ его полярно противоположенъ всякому имманентизму и монизму. Это — рѣзко дуалистическій и трансцендентный типъ религіозности. Дуалистичный и трансцендентный типъ религіозности отвѣчалъ его эстетическимъ потребностямъ въ полярности и контрастѣ, въ свѣто-тѣни. Онъ страхъ ставилъ выше любви въ религіозной жизни, потому что страхъ — начало двуликое, а любовь, по его мнѣнію — начало одноликое. Онъ не выносилъ состоянія тождества, ему нужно два начала, полярная раздѣльность и полярное притяженіе, нужна дистанція. Безъ этого онъ не испытываетъ религіознаго паѳоса. Не религіозное ученіе интересно въ К. Н., а религіозный путь его, религіозная судьба его. Въ религіозномъ ученіи его слишкомъ многое невѣрно. Онъ принадлежитъ къ тѣмъ людямъ, у которыхъ все — жизненный путь, судьба, а не ученіе. К. Леонтьевъ — человѣкъ исключительной и необычайной религіозной судьбы. Жизнь его — замѣчательный религіозный фактъ, религіозный феноменъ. У него, въ сущности, не было религіознаго ученія, но всей жизнью своей, всей неповторимой судьбой своей онъ насъ многому религіозно учитъ . Но это менѣе всего значитъ, что можно быть ученикомъ Леонтьева. Религіозный путь Леонтьева учитъ тому, что на почвѣ его пониманія христіанства, какъ дуалистической религіи трансцендентнаго эгоизма, не могутъ быть разрѣшены основныя проблемы жизни. Религія К. Н. не прилагалась къ его жизни, какъ избытокъ, какъ роскошь, какъ усложненіе духовной жизни,

какъ безкорыстное созерцаніе, — религія была для него вопросомъ жизни и смерти, спасенія или гибели, но исключительно личнаго спасенія и гибели. Онъ испыталъ и позналъ невыразимый ужасъ вѣчной гибели. Въ этомъ отношеніи онъ былъ средневѣковымъ человѣкомъ. У него былъ страхъ вѣчныхъ адскихъ мученій. И это было глубоко серьезно въ немъ. Весь религіозный путь его былъ страстнымъ исканіемъ спасенія и избавленія отъ ужаса и страха. Переживаніе этого ужаса и страха онъ считалъ религіознымъ переживаніемъ по преимуществу, онъ съ нимъ связывалъ самую сущность христіанской религіи, какъ религіи искупленія. Онъ такъ до самаго конца и не позналъ религіознаго покоя, религіознаго мира, свѣтлой радости. Ужасъ не покидалъ его. Это какой-то дохристіанскій, античный ужасъ, осложненный средневѣковымъ ужасомъ ада. Mysterium tremendum по терминологіи Р. Отто. И онъ не только испытывалъ этотъ ужасъ, — онъ его проповѣдывалъ. «Нужно дожить, пишетъ онъ Александрову, дорасти до *дѣйствительнаго* страха Божія, до страха почти *животнаго* и самаго простого передъ ученіемъ Церкви, до простой *боязни* согрѣшить». Страхъ лежалъ въ основѣ религіознаго обращенія К. Н., духовнаго перелома его и онъ навѣки связался для него съ религіознымъ подъемомъ и улучшеніемъ. «Страхъ животный унижаетъ *какъ будто* насъ. Тѣмъ лучше — унизимся передъ Богомъ; черезъ это мы нравственно станемъ выше. Та *любовь къ Богу, которая до того совершенна, что изгоняетъ страхъ*, доступна только немногимъ». Раньше Православіе онъ «любилъ *своевольно*, безъ *закона* и страха».

«А когда въ 1869, 70 и 71 годахъ меня поразили одинъ за однимъ, ударъ за ударомъ, и здоровье само вдругъ пошатнулось, тогда я испыталъ вдругъ чувство безпомощности моей передъ невидимыми и карающими силами и ужаснулся до простого животнаго страха, *тогда только я почувствовалъ себя въ своихъ глазахъ* въ самомъ дѣлѣ униженнымъ и нуждающимся не въ человѣческой, а въ Божеской помощи». К. Н. считалъ, что выше и серьезнѣе то религіозное переживаніе, которое происходитъ не отъ избытка (любви), а отъ недостатка (страха), не отъ силы человѣка, а отъ слабости человѣка. Такъ предопредѣлился весь его духовный типъ и духовная жизнь. Онъ утверждаетъ христіанство, какъ религію страха, а не религію любви. «Начало премудрости (т. е. настояшая вѣра) есть *страхъ*, а любовь — только *плодъ*. Нельзя считать плодъ корнемъ, а корень плодомъ». Въ описаніи происшедшаго съ нимъ переворота К. Н. говоритъ: «Я сталъ *бояться* Бога и Церкви. Съ теченіемъ времени *физическій* страхъ *прошелъ*, духовный же остался и *все выросталъ*». Вспоминая свое прошлое на Востокѣ, онъ пишетъ: «Мнѣ не доставало тогда *сильнаго* горя; не было и тѣни *смиренія*, я вѣрилъ *въ себя*. Я былъ тогда гораздо счастливѣе, чѣмъ въ юности и потому былъ крайне самодоволенъ. Съ 69 г. *внезапно* начался переломъ; ударъ слѣдовалъ за ударомъ. Я впервые *ясно* почувствовалъ надъ собой какую-то высшую десницу и захотѣлъ этой десницѣ подчиниться и въ ней найти опору отъ *жесточайшей* внутренней бури».

Религія К. Леонтьева есть исключительно религія личнаго спасенія, *трансцендентный эгоизмъ*, какъ онъ

самъ говорилъ со свойственной ему смѣлостью и радикализмомъ. Онъ «хотѣлъ бы подъ звонъ колоколовъ монашескихъ, напоминающихъ безпрестанно о близкой уже вѣчности, стать равнодушнымъ ко всему на свѣтѣ, кромѣ собственной души и заботъ о ея очищеніи». Въ поученіе одного молодого человѣка, искавшаго праведной жизни, К. Н. спрашиваетъ при немъ простую дѣвушку Варю: «о чемъ надо въ дѣлѣ вѣры прежде всего думать — о спасеніи себя или другихъ? Нынче, говорю я ей, вотъ они всѣ хотятъ другихъ спасать. А Варя: Вотъ еще! Да *куда мнѣ другихъ еще спасать!* Себя-то спасешь ли отъ *ада*?» «Да, пишетъ онъ Александрову, забота о личномъ спасеніи души есть трансцендентный *эгоизмъ;* но кто вѣритъ въ Евангеліе и св. Троицу, тотъ и долженъ прежде всего объ этомъ заботиться. *Альтруизмъ* же , «приложится» самъ собой». Ужасъ вѣчной гибели и вѣчныхъ мукъ, страхъ физическій, перешедшій въ страхъ духовный, породилъ трансцендентный эгоизмъ. У К. Леонтьева нѣтъ жажды всеобщаго спасенія, спасенія человѣчества и міра, столь характерной для многихъ русскихъ. Въ этомъ онъ по религіозному типу своему антиподъ Н. О. Ѳедорова, который прежде всего печалуется о спасеніи всѣхъ, объ «общемъ дѣлѣ». Религіозно чуждъ ему и даже противенъ и Достоевскій. Онъ ничего не говоритъ о «соборности», о которой такъ много любили говорить славянофилы. Ему чужда была идея просвѣтлѣнія и преображенія міра, идея теозиса, обоженія твари. Христіанство его антикосмично. К. Н. былъ крѣпко и традиціонно церковный человѣкъ, болѣе церковный, чѣмъ Ѳедоровъ и Достоевскій, даже,

чѣмъ славянофилы. Онъ шелъ къ монашеству и кончилъ монашествомъ. Авторитетъ церковной іерархіи имѣлъ для него непреложное значеніе. Онъ принудилъ свою непокорную, буйную, языческую природу къ послушанію. Но въ жизни религіозной онъ былъ аѳонскимъ, греческимъ выученикомъ, онъ не въ Россіи сталъ православнымъ. Его православіе — не русское, а византійское, греческое, исключительно монашески-аскетическое и авторитарное, строго іерархическое. Характерно русскія религіозныя переживанія и исканія, болѣе свободолюбивыя, обращенныя къ пророческой сторонѣ христіанства, были ему чужды и казались религіозно недостаточно серьезными и суровыми, не церковными. Религіозность К. Н. была трагическая и тяжелая. Въ самой религіозности его была аскетическая бѣдность. Богатство же было въ столкновеніи и борьбѣ его религіозности съ языческой его природой. К. Н. принадлежитъ къ безблагодатному религіозному типу. Безблагодатность эта, со стороны представляющаяся намъ темной и мучительной, есть особый путь. И намъ никогда не понять до конца, почему этотъ путь выпалъ на долю того или иного человѣка. Это не значитъ, что Богъ покинулъ такого человѣка, не любитъ его, не промышляетъ о немъ. Такой человѣкъ можетъ въ царствѣ Божьемъ занять болѣе высокое мѣсто, чѣмъ люди болѣе радостные и свѣтлые по своему религіозному типу. Но въ этой земной жизни К. Н. зналъ мало религіозныхъ радостей, благодатныхъ общеній съ Богомъ и созерцаній Божественныхъ тайнъ. Радости его были языческими радостями, радостями эстетическими, а не религіозными.

И эти свои исканія эстетики жизни и восторговъ съ ней связанныхъ онъ въ концѣ концовъ призналъ иллюзіей и самообманомъ. Религіозная же, христіанская его жизнь была полна страданій, скорби и печали. Христіанство его было чернымъ христіанствомъ, и у него было отвращеніе къ «розовому» христіанству. Онъ до конца жилъ двойственной жизнью, въ дуалистическомъ сознаніи, — язычникомъ и эстетомъ въ міру, христіаниномъ и аскетомъ въ жизни религіозной, обращеннымъ къ потустороннему міру, устремленнымъ къ монашеству, т. е. соединялъ «Алкивіада съ Голгофой», ренессансъ съ монастыремъ. Это не было органическое соединеніе и претвореніе, а сосуществованіе. Онъ чувствовалъ, что не можетъ спастись въ міру, что міръ слишкомъ соблазняетъ его, и искалъ спасенія въ уходѣ изъ міра, въ монашествѣ. Эстетизмъ К. Н. мѣшалъ ему быть христіаниномъ въ міру. Онъ никогда не могъ преодолѣть своего язычества, отказаться отъ бурлившаго въ немъ духа Ренессанса. Только Аѳонъ и Оптина Пустынь утишали и угашали его мірскія страсти, давали чувства тщеты и ничтожества его исканій радостей и восторговъ мірской красоты. Не случайно К. Н. любилъ Исламъ. Все его христіанство пропитано элементами Ислама. Онъ сильнѣе чувствовалъ Бога-Отца, чѣмъ Бога-Сына, Бога страшнаго, далекаго и карающаго, Бога трансцендентнаго, чѣмъ Бога искупающаго, любящаго и милосерднаго, близкаго и имманентнаго. Отношеніе къ Богу для него было прежде всего отношеніе страха и покорности, а не интимной близости и любви. У него было сильно чувство Церкви, но слабо непосредственное

чувство Христа, не было обращенности къ лику Христа. У него почти нѣтъ словъ о Христѣ. Изъ Евангелія, изъ Священнаго Писанія онъ цитируетъ только тѣ мѣста, въ которыхъ говорится, что на землѣ не побѣдитъ любовь и правда, ему близки лишь пессимистическія ноты Апокалипсиса. Болѣе всего ненавистны ему всѣ попытки придать христіанству гуманитарный характеръ. «Гуманитарное лжехристіанство съ однимъ безсмысленнымъ всепрощеніемъ своимъ, со своимъ космополитизмомъ — безъ яснаго догмата, съ проповѣдью любви, безъ проповѣди «страха Божьяго и вѣры»; безъ обрядовъ, живописующихъ намъ самую суть правильнаго ученія ...— такое христіанство есть все та же *революція*, сколько не источай она меду; при такомъ христіанствѣ ни воевать нельзя, ни государствомъ править; и Богу молиться незачѣмъ... Такое христіанство можетъ лишь ускорить всеразрушеніе. Оно и въ кротости своей преступно.». Розановъ вѣрно говоритъ, что Леонтьевъ имѣлъ дерзость возстать противъ «христіанской кротости». Онъ былъ христіаниномъ — «ницшеанцемъ» (до Ницше), явленіемъ совершенно своеобразнымъ. Онъ былъ правъ въ своемъ возстаніи противъ смѣшенія гуманизма и христіанства, но проблема эта еще сложнѣе, чѣмъ ему казалось. Самъ онъ смѣшиваетъ подлинно-христіанскую любовь у Достоевскаго съ лжехристіанской любовью у Толстого, подозрѣваетъ всякій опытъ благодатной любви въ гуманизмѣ. Много остраго и проницательнаго говоритъ онъ противъ слащаваго христіанства. Монахи для него хороши уже потому, что всѣ они «*пессимисты* относительно европеизма, свободы, равенства и вообще отно-

сительно земной жизни человѣчества... Они думаютъ, что война, распри семейныя, неравенства, болѣзни, «гладъ и трусъ» не только *неизбѣжны*, но иногда даже очень *полезны людямъ*». «*Истина* совсѣмъ не «въ правахъ и свободѣ», а въ чемъ-то другомъ — весьма печальномъ, если искать на землѣ покоя и видимой цѣлесообразности, и весьма сносномъ и даже пріятномъ, въ иныя минуты, если смотрѣть на жизнь, какъ на бурное и занимательное, — частью тяжелое, частью очень сладкое, но во всякомъ случаѣ скоропреходящее сновидѣніе. При такомъ воззрѣніи, миришься въ принципѣ съ обязанностями и страданіями, съ разочарованіями и пороками людей; ни усталость въ безплодной погонѣ за личнымъ счастьемъ, ни минутныя вспышки гнѣва или злости не могутъ при такомъ взглядѣ обратиться въ самодовольный и постоянный протестъ. Пессимизмъ относительно *всего человѣчества* и личная вѣра въ Божій Промыслъ и въ наше безсиліе, въ наше неразуміе, — вотъ что миритъ человѣка и съ жизнью собственною, и съ *властью другихъ*, и съ возмутительнымъ, вѣчнымъ трагизмомъ исторіи». Въ этихъ словахъ есть очень тонкое сочетаніе христіанскаго аскетизма съ языческимъ эстетизмомъ, религіознаго пессимизма съ радостными волненіями. «Я не вѣрю, чтобы жизнь могла бы когда бы то ни было стать храмомъ полнаго мира и абсолютной правды... Такая надежда, такая вѣра въ человѣчество противорѣчитъ евангельскому ученію; Евангеліе и Апостолы говорятъ, что *чѣмъ дальше, тѣмъ будетъ хуже*, и совѣтуютъ только хранить свою *личную вѣру и личную добродѣтель до конца*».

Характерно для религіозной психологіи К. Леонтьева, что его радовалъ этотъ печальный пессимизмъ христіанскихъ пророчествъ, онъ почти въ упоеніи отъ того, что на землѣ не будетъ торжества правды, невозможно блаженство. Онъ не стремится къ торжеству правды, къ осуществленію совершенства на землѣ. Въ этой точкѣ его пессимизмъ совпадаетъ съ его эстетикой, нуждающейся въ полярности и контрастѣ свѣта и тѣни. «Горести, обиды, буря страстей, преступленіе, зависть, угнетеніе, ошибки съ одной стороны, а съ другой — неожиданныя утѣшенія, доброта, прощеніе, отдыхъ сердца, порывы и подвиги самоотверженія, простота и веселость сердца! Вотъ *жизнь*, вотъ единственно возможная на этой землѣ и подъ этимъ небомъ *гармонія. Гармоническій законъ вознагражденія — и больше ничего.* Поэтическое, живое согласованіе свѣтлыхъ цвѣтовъ съ темными — и *больше ничего*». Онъ эстетически воспринимаетъ гармонію въ сочетаніи свѣтлыхъ цвѣтовъ съ темными, и его эстетически не удовлетворяло бы исключительное торжество свѣтлаго. Можно даже сказать, что онъ религіозно и эстетически нуждался въ существованіи зла на землѣ. Онъ почти съ злорадствомъ восклицаетъ: «И подъ конецъ не только не настанетъ *всемірнаго братства*, а именно *тогда-то оскудѣетъ любовь, когда будетъ проповѣдано Евангеліе во всѣхъ концахъ земли*. И когда эта проповѣдь достигнетъ до предначертанной ей свыше точки насыщенія, когда *при оскудѣніи* даже и той *любви*, неполной, палліативной, люди станутъ вѣрить безумно въ «миръ и спокойствіе», — тогда-то и постигнетъ ихъ погуба... «и не избѣгнутъ»!» Лично К. Н.

былъ добрый человѣкъ, мы это уже видѣли. Но въ его острой, антиномической мысли искрится злость, помогающая ему открыть то, что было закрыто для прекраснодушныхъ и филантропическихъ мыслителей. «И поэзія земной жизни, и условія загробнаго спасенія — одинаково требуютъ не *сплошной* какой-то любви, которая и невозможна, и не постоянной злобы, а, говоря объективно, нѣкоего *какъ бы гармоническаго, въ виду высшихъ цѣлей, сопряженія вражды съ любовью*». И тутъ требованіе совмѣщенія контрастовъ полярностей, противорѣчій, нелюбовь къ монизму въ религіозной жизни. Положительная наука и положительная религія сходятся въ невозможности правды и благоденствія на землѣ. Любовь навѣки останется лишь коррективомъ жизненныхъ золъ, а не будетъ воздухомъ, которымъ бы люди дышали. Истина реальная должна будетъ прійти къ «суровому и печальному пессимизму, къ тому мужественному смиренію, съ неисправимостью земной жизни, которое говоритъ: Терпите! *Всѣмъ лучше никогда не будетъ*. Однимъ будетъ лучше, другимъ станетъ хуже. Такое состояніе, такія колебанія горести и боли — вотъ единственно возможная на землѣ *гармонія!* И больше *ничего* не ждите... *Ничего нѣтъ вѣрнаго въ реальномъ мірѣ явленій*. Вѣрно только *одно*, — точно *одно*, одно только *несомнѣнно*, — *это то*, что все здѣшнее должно погибнуть! И потому на что эта лихорадочная забота о земномъ благѣ грядущихъ поколѣній? На что эти младенчески болѣзненныя мечты и восторги? День нашъ — вѣкъ нашъ! И потому *терпите* и заботьтесь практически либо о ближайшихъ дѣлахъ, а сердечно — лишь

о ближнихъ людяхъ: *именно о ближнихъ, а не о всемъ человѣчествѣ*». «Все здѣшнее должно погибнуть» — въ этомъ есть и религіозная, и нравственная, и эстетическая правда. Сознаніе этой истины духовно оздоровляетъ. Христосъ училъ, что «на землѣ все невѣрно и все неважно, все недолговѣчно, а дѣйствительность и вѣковѣчность настанутъ послѣ гибели земли и всего живущаго на ней». Это христіанское сознаніе невѣрности и неважности всего земного освобождаетъ и излѣчиваетъ отъ зловредныхъ и уродливыхъ утопій земного рая. Пророчества о царствѣ Христовомъ на землѣ — не христіанскія, не православныя, а общегуманитарныя пророчества. «Всѣ положительныя религіи, создавшія своимъ вліяніемъ, прямымъ и косвеннымъ, главнѣйшія культуры земного шара, — были ученіями *пессимизма*, *узаконившими* страданія, обиды, неправду земной жизни... Всѣ христіанскіе мыслители были тоже своего рода пессимистами. Они даже находили, что зло, обиды, горе въ высшей степени намъ *полезны* даже необходимы». Не только христіанская, но и всякая религія должна признать, что выпадающія на долю человѣка страданія имѣютъ смыслъ, непостижимый въ предѣлахъ этой земной жизни, должны примирять съ жизнью, съ ея испытаніями, ужасами и несчастьями. Возстаніе и бунтъ по существу не религіозны. «Съ христіанской точки зрѣнія можно сказать, что *воцареніе на землѣ постояннаго* мира, благоденствія, согласія, общей обезпеченности и т. д. , т. е. именно того, чѣмъ задался такъ неудачно демократическій прогрессъ, было бы *величайшимъ бѣдствіемъ въ христіанскомъ смыслѣ*... Съ христіанствомъ

можно мирить философскую идею сложнаго *развитія* для *неизвѣстныхъ* дальнѣйшихъ цѣлей, но эвдемоническій прогрессъ, ищущій счастія въ равенствѣ и свободѣ — совершенно непримиримъ съ основной идеей христіанства». «Христосъ сказалъ, что человѣчество *неисправимо въ общемъ смыслѣ;* Онъ сказалъ даже, что «подъ конецъ оскудѣетъ любовь». Своевольная любовь, по мнѣнію К. Н., лишь приводитъ къ революціи, до того она «удобопревратна». «Добровольное униженіе о Господѣ лучше и *вѣрнѣе для спасенія души*, чѣмъ эта гордая и невозможная протекція отеческаго незлобія и ежеминутной *елейности*. Многіе праведники предпочитали удаленіе въ пустыню *дѣятельной* любви; тамъ они *молились Богу сперва* за свою душу, а *потомъ* за другихъ людей... Даже въ монашескихъ общежитіяхъ опытные старцы не очень-то позволяютъ увлекаться дѣятельною и горячею любовью, а прежде всего учатъ *послушанію, принужденію, пассивному прощенію обидъ*». Большая часть этихъ острыхъ мыслей, столь характерныхъ для міросозерцанія К. Н., выражена въ его статьѣ «Наши новые христіане», направленной противъ Толстого и Достоевскаго, которыхъ онъ обвиняетъ въ «розовомъ«, т. е. филантропическомъ христіанствѣ. Къ «розовому» христіанству у К. Н. была непримиримая вражда. Но онъ слишкомъ отождествляетъ и смѣшиваетъ Толстого и Достоевскаго и не чувствуетъ, что христіанство Достоевскаго было трагическимъ. Не хочетъ видѣть К. Леонтьевъ, и того, что гуманизмъ все же ближе къ христіанству, чѣмъ бестіализмъ.

«Аскетизмъ христіанскій подразумѣваетъ борьбу,

страданія, неравенства, т. е. остается вѣренъ *феноменальной* философіи строгаго реализма; а эвдемоническая вѣра мечтаетъ уничтожить *боль*, этотъ существенный атрибутъ всякой исторической и даже животной *феноменальнссти*... Христіанство, сообразнѣе на практикѣ и съ земной жизнью, чѣмъ эти — холодныя надежды всеполезнаго прогресса!» Къ этой мысли часто возвращается К. Н. Христіанство для него и идеальнѣе и реальнѣе эвдемоническаго ученія о земномъ прогрессѣ и земномъ всеблаженствѣ. Онъ говоритъ, что гордость его ума приводитъ его къ смиренію передъ Церковью. «Не вѣрю въ безошибочность моего ума, не вѣрю въ безошибочность и другихъ, самыхъ великихъ умовъ, не вѣрю тѣмъ еще болѣе въ непогрѣшимость собирательнаго человѣчества; но вѣрить во что нибудь всякому нужно, чтобы жить. Буду вѣрить въ Евангеліе, объясненное Церковью, а не иначе. Боже мой, какъ хорошо, легко! Какъ все ясно! И какъ это ничему не мѣшаетъ: ни эстетикѣ, ни патріотизму, ни философіи, ни правильно-понятой наукѣ, ни правильной любви къ человѣчеству». Аскетическое, монашеское христіанство не только строго и сурово, оно также снисходительно къ слабостямъ и немощамъ человѣческимъ. К. Н. научался этому изъ своего общенія со старцами. Старцы снисходительны къ личности, но безпощадны къ соблазнамъ и иллюзіямъ земного прогресса и благоденствія человѣчества. Розановъ говоритъ, что К. Леонтьевъ при появленіи либерала дѣлался чернымъ монахомъ съ огромнымъ посохомъ и начиналъ бить по головѣ либерала этимъ посохомъ. Онъ былъ суровымъ аскетомъ, когда дѣло шло о земномъ благополучіи чело-

вѣчества, о гуманистическихъ иллюзіяхъ, о либерализмѣ, демократизмѣ, соціализмѣ, анархизмѣ. Но у него было и другое лицо, и оно было обращено и къ отдѣльнымъ людямъ, къ отдѣльнымъ душамъ и къ цвѣтенію культуръ, къ великимъ историческимъ цѣнностямъ. Онъ былъ снисходителенъ къ слабостямъ и грѣхамъ, къ порокамъ и паденіямъ человѣческимъ, но безпощаденъ къ ложнымъ вѣрованіямъ, къ ложнымъ принципамъ, хотя бы и возвышеннымъ. Дурныя страсти для монаховъ лучше, чѣмъ неподходящіе и неумѣстные высокіе принципы». «Не въ личныхъ проступкахъ христіанъ, не въ грубыхъ вещественныхъ побужденіяхъ, не въ корыстныхъ распряхъ, даже не въ преступленіяхъ гибель и вредъ православному принципу, а въ *постепенномъ вырожденіи его* въ другіе принципы.». «Несовершенство и грѣховность монашескаго большинства *даже необходимы для высшихъ цѣлей иночества*. Если бы всѣ монахи были ангелоподобными, не только по стремленію, по идеалу, но, такъ сказать, по достиженію — то не могли бы вырабатываться въ монастыряхъ святые люди, великіе подвижники и старцы». «Съ христіанской точки зрѣнія изрѣдка, по немощи нашей повеселиться несравненно позволительнѣе, чѣмъ проповѣдывать ересь безбожной этики и невѣроятной всеобщей любви.» У К. Н. было отвращеніе къ морализму въ религіи, онъ съ особенной враждой относился ко всякимъ подмѣнамъ религіозныхъ началъ морально-гуманистическими. Христіанство не вѣритъ въ автономную мораль личности человѣческой. У него была глубокая антипатія къ «евангельскому» христіанству, къ принятію Христа

не черезъ Церковь, къ перенесенію центра тяжести религіозной жизни въ ангельскія заповѣди. Онъ понималъ, что Церковь въ христіанствѣ означаетъ принципъ развитія. «Чтобы быть православнымъ, *необходимо Евангеліе читать сквозь стекла святоотеческаго ученія;* а иначе изъ самаго св. Писанія можно извлечь и скопчество, и лютеранство, и молоканство, и другія лжеученія». Въ исторіи Церкви дѣйствуютъ не только чистые и простые сердцемъ и умомъ. Для Церкви нужны и жестокіе и лукавые. Съ православной точки зрѣнія порочные и безнравственные люди могутъ оказаться лучше добродѣтельныхъ.. «Милосердіе, доброта, справедливость, самоотверженіе, все это только и можетъ проявляться, когда есть горе, неравенство положеній, обида, жестокость.». «*Нравственность* самочинная, какъ у честныхъ атеистовъ, ни *малѣйшей* цѣны для загробнаго спасенія не имѣетъ». «Когда страстную эстетику побѣждаетъ духовное (мистическое) чувство, я благоговѣю, я склоняюсь, чту и люблю; когда же эту таинственную, необходимую для полноты жизненнаго развитія, поэзію побѣждаетъ утилитарная этика — я негодую, и отъ того общества, гдѣ послѣднее случается слишкомъ часто, уже не жду ничего!» «Доброта, прощеніе, милосердіе... Они взяли лишь одну сторону Евангельскаго ученія и зовутъ ее *существенной стороной!* Но *аскетизмъ* и суровость они забыли? Но на гнѣвныхъ и строгихъ Божественныхъ словахъ они не останавливались?... Нельзя... все мягкое, сладкое, пріятное, облегчающее жизнь принять, а все грозное, суровое и мучительное отвергать, какъ несущественное». Византизмъ для

Леонтьева былъ развитіемъ христіанства. «Правды на землѣ не было, нѣтъ, не будетъ и не должно быть; при человѣческой правдѣ люди забудутъ божественную истину!» К. Н. дѣлаетъ различіе между «любовью-милосердіемъ», моральной любовью и «любовью-восхищеніемъ», эстетической любовью. Всѣ инстинкты его природы были на сторонѣ второй любви. Это его мірская оцѣнка любвви. Съ религіозной точки зрѣнія онъ относился подозрительно къ любви безъ страха, къ любви автономно-моральной и гуманной. Такая любовь есть «самовольный плодъ *антропопатріи*, новой вѣры въ *земного человѣка* и въ земное человѣчество». «*Всѣ мы* живемъ и дышимъ ежедневно подъ *страхомъ человѣческимъ:* подъ страхомъ корыстнаго расчета, подъ страхомъ самолюбія, подъ страхомъ безденежья, подъ страхомъ того или другого тайнаго униженія: подъ боязнью наказанія, нужды, болѣзни, скорби; и находимъ, что это все «ничего» и *достоинству* нашему не противорѣчитъ ничуть. А страхъ высшій, мистическій, страхъ *грѣха*, боязнь уклониться отъ церковнаго ученія или не дорасти до него, это — боязнь низкая, это страхъ грубый, мужицкій страхъ или женски-малодушный, что-ли?» Отвращеніе К. Н. къ морализму и раціонализму въ религіозной жизни вело къ тому, что онъ сочувствовалъ хлыстамъ, скопцамъ и мормонамъ болѣе, чѣмъ уклону къ протестантизму. Леонтьевъ былъ очень православнымъ въ одной какой-то православной традиціи, но онъ никогда не могъ стать вполнѣ христіаниномъ. Онъ не преодѣлѣлъ въ себѣ ветхо-завѣтно-законнической религіозности.

II.

К. Леонтьевъ относился отрицательно къ славянско-демократическому православію, сближающемуся съ англиканствомъ. «Славяно-англиканское новоправославіе есть нѣчто болѣе опасное (да и болѣе безплодное, пожалуй), чѣмъ всякое скопчество и всякая хлыстовщина... Въ этихъ послѣднихъ уклоненіяхъ есть хоть *еретическое творчество*, есть своего рода сатанинская поэзія, есть *строй*, есть пластичность, которая ихъ тотчасъ же *обособляетъ въ особую рѣзко огражденную отъ православныхъ, группу;* а что было бы въ томъ англо-славянскомъ поповскомъ мѣщанствѣ, кромѣ грѣха и духовнаго бунта съ одной стороны, глупости и прозы съ другой? Для кого же и для чего нужно, чтобы какая-нибудь мадамъ Благовѣщенская или Успенская сидѣла около супруга своего на ступеняхъ епископскаго трона?» К. Н. не считалъ «хомяковское православіе» настоящимъ православіемъ. У Хомякова онъ видитъ протестанскій и гуманистическій уклонъ. Настоящее православіе — *филаретовское.* Катехизисъ Филарета для него вѣрнѣе катехизиса Хомякова. Леонтьевъ не замѣтилъ, что ученіе о Церкви Митрополита Филарета менѣе православное и болѣе протестанское, чѣмъ ученіе о Церкви Хомякова. Но слово «филаретовское» онъ употребляетъ въ условно-символическомъ смыслѣ. К. Н. не очень любилъ литературное вольномысліе въ церковныхъ и богословскихъ вопросахъ. «Византійскому Православію выучили и меня вѣрить и служить знаменитые аѳонскіе духовники Іеронимъ и Макарій. Этому же византійскому право-

славію служатъ и теперь такіе церковные ораторы, какъ Никаноръ одесскій и Амвросій харьковскій. Этого православія (а не хомяковскаго) держатся всѣ болѣе извѣстные представители современнаго намъ русскаго монашества и русской іерархіи». Византійское православіе для Леонтьева и есть филаретовское православіе. «*Лично* хорошимъ, благочестивымъ и добродѣтельнымъ христіаниномъ, конечно, можно быть и при филаретовскомъ и при хомяковскомъ оттѣнкѣ въ православіи; и были и есть таковые. А вотъ уже *святымъ* нѣсколько вѣрнѣе можно стать на старой почвѣ, филаретовской, чѣмъ на новой, славянофильской почвѣ». Образъ Св. Серафима,—совсѣмъ не византійскій и не филаретовскій, опровергаетъ Леонтьева. К. Леонтьеву совершенно чужда славянофильская идея соборности съ народническимъ, демократическимъ, какъ ему казалось , оттѣнкомъ. Онъ рѣшительный сторонникъ іерархическаго начала въ Церкви, въ этомъ онъ болѣе католикъ, чѣмъ православный по своимъ симпатіямъ и смотритъ на Церковь, какъ на общество неравное. Для К. Н. монашество было цвѣтомъ православія. Православіе же славянофильское не было монашескимъ, оно было народно-бытовымъ. Для К. Н. христіанство «въ основаніи своемъ есть безустанное понужденіе о Христѣ». Для славянофиловъ же христіанство было прежде всего свободой духа. Византійское православіе «для государственной общественности и для семейной жизни — есть религія *дисциплины*. Для внутренней жизни нашего сердца — оно есть религія *разочарованія*, религія безнадежности на что-бы то ни было земное». Такъ думалъ К. Леонтьевъ. Славянофилы

же никогда не исповѣдывали такого «византійскаго» православія, — ихъ православіе было русскимъ, семейно-бытовымъ, не исключающимъ земныхъ надеждъ. Хомяковское православіе — очень благодушное по сравненію съ Леонтьевскимъ. «Славянскую Церковь пожалуй и можно устроить. Но будетъ ли это Церковь правовѣрная? Будетъ ли государство, освященное этой Церковью, долговѣчно и сильно? Можно, пожалуй, отдѣлиться отъ греческихъ Церквей и забыть ихъ великія преданія; можно остановиться на мысли Хомякова, что безъ *іерархіи* Церковь не можетъ жить, а безъ монашества можетъ; остановившись съ либеральной любовью на этой ложной мысли, не трудно было бы закрыть послѣ этого постепенно всѣ монастыри, допустить женатыхъ епископовъ. Потомъ уже легко было бы перейти и къ тому будущему *русскому* православію Гилярова-Платонова, о которомъ я уже говорилъ: «возвратиться ко временамъ до-Константина», т. е. остаться даже безъ Никейскаго символа вѣры и въ то же время безъ тѣхъ возбуждающихъ воздѣйствій, которыя доставили первоначальнымъ христіанамъ гоненія языческихъ императоровъ». Но Православная Церковь въ наши дни вернулась къ временамъ до Константина и этимъ обозначилась новая, быть можетъ, творческая эпоха въ христіанствѣ. Этого Леонтьевъ не предвидѣлъ. «При всемъ искреннемъ уваженіи моемъ къ старшимъ славянофильскимъ учителямъ: Хомякову, Самарину, Аксакову, я долженъ признаться, что отъ ихъ искреннихъ трудовъ на меня нерѣдко *вѣетъ* чѣмъ-то сомнительнымъ... и быть можетъ при неосторожныхъ *дальнѣйшихъ* выводахъ, и весьма

опаснымъ. Можно и *развивать* дальше православіе, но только никакъ не въ эту какую-то *національно-протестанскую* сторону, а ужъ скорѣе въ сторону противоположную, или дѣйствительно сближаясь съ Римомъ, или еще лучше, только *научаясь* многому у Рима, какъ научаются у противника, *заимствуя только силы, безъ единенія интересовъ*». К. Н. чувствовалъ себя ближе къ Вл. Соловьеву, чѣмъ къ Хомякову. «Соловьевская *мысль несравненно яснѣе* и осязательнѣе *хомяковской* («любовь», «любовь» у Хомякова; «истина», «истина» — и только); я у него въ богословіи, признаюсь, *ничего* не понимаю и старое *филаретовское* и т. д., болѣе жестокое мнѣ гораздо доступнѣе какъ болѣе *естественное*». Также Побѣдоносцева въ церковныхъ вопросахъ онъ ставилъ выше Достоевскаго. И все-таки мы должны признать, что Хомяковъ лучше выражалъ духъ русскаго православія, чѣмъ Леонтьевъ. И есть что-то тревожное въ томъ, что оптинскіе старцы одобряли К. Леонтьева болѣе чѣмъ славянофиловъ, Гоголя, Достоевскаго, Вл. Соловьева и считали его духовное устроеніе истинно православнымъ.

III.

К. Леонтьевъ не только не раздѣлялъ традиціонно-славянофильскаго отрицательнаго отношенія къ католичеству, но имѣлъ положительныя католическія симпатіи, которыя подъ конецъ у него возросли. Въ этомъ отношеніи для него имѣло значеніе общеніе съ Вл. Соловьевымъ. «Читая его, начинаешь снова на-

дѣяться, что у Православной Церкви есть не одно только «небесное будущее, но и *земное*... одно то, что Владиміръ Соловьевъ первый осмѣлился такъ рѣзко «поднять» цѣлую бурю религіозныхъ мыслей на полудремлющей поверхности нашего церковнаго моря есть заслуга не малая! Это не раціонализмъ, не пашковская вѣра, не штунда какая-нибудь, не медленное теченіе по наклонной плоскости зъ бездну безвѣрія, это, наоборотъ, *противъ давняго теченія*, противъ привычнаго полупротестантскаго уклоненія нашего; это противъ нашей «русской шерсти» даже». Вл. Соловьевъ дѣйствовалъ въ высшей степени возбуждающе и на самого К. Н. и вызывалъ въ немъ «бури религіозныхъ мыслей». По сравненію съ Соловьевымъ К. Н. отличался религіозной робостью и покорностью, онъ не дерзаетъ взять на себя инициативы и почина религіознаго творчества. «Если бы мнѣ было категорически объявлено *свыше*, іерархически объявлено, что *внѣ Римской Церкви нѣтъ мнѣ спасенія за гробомъ*, — и что для этого спасенія я долженъ отречься и отъ русской національности моей, то я бы отрекся отъ нея не колеблясь... Ни всевосточный соборъ, ни восточные патріархи, ни св. русскій синодъ — мнѣ этого еще не сказали! Владиміръ Соловьевъ для меня не имѣетъ ни личнаго мистическаго помазанія, ни собирательной мощи духовнаго собора... Катехизисъ самый краткій, сухой и плохо составленный для меня, православнаго въ милліонъ разъ важнѣе всей его учености и всего его таланта!... Я пойду съ Соловьевымъ безбоязненно, быть можетъ, и до половины пути его «развитія»; но можетъ ли геній помѣшать моему православ-

ному разуму проститься съ нимъ на этомъ распутьи и, протянувъ ему руку признательности, сказать въ послѣднюю минуту: «*Боязнь согрѣшить* не позволяетъ мнѣ идти съ вами дальше. Епископы и старцы еще нейдутъ, и я не пойду»... *Я люблю* ваши идеи и чувства, уму вашему я готовъ поклониться со всей искренностью моей независтливой природы, — но, я... не только самъ не пойду за вами, — я всякому, кто захочетъ знать мое мнѣніе, скажу такъ: читайте его, восхищайтесь имъ; восходите съ нимъ до *извѣстнаго предѣла* на высоту его *духовной пирамиды;* но при этомъ хороните строго въ глубинѣ сердецъ вашихъ боязнь согрѣшить противъ той Церкви, въ которой вы крещены и воспитаны». Тутъ чувствуется огромное различіе между Вл. Соловьевымъ и К. Леонтьевымъ. Соловьевъ чувствуетъ призваніе пророческаго служенія въ Церкви, онъ дерзаетъ религіозно творить и религіозно познавать сокровенныя тайны Божьи. Леонтьевъ же прежде всего спасается въ Церкви, въ Червки онъ былъ смиренenъ и послушенъ, онъ уходилъ въ Церковь отъ гибельныхъ своихъ дерзновеній въ міру. Онъ искалъ въ Церкви освобожденія отъ своей демонической воли и долженъ былъ пріити къ старчеству. Леонтьевъ былъ человѣкъ возрожденія, свѣтскаго, мірского. Соловьевъ же былъ именно человѣкъ возрожденія духовнаго, религіознаго. Поэтому дерзновенная свобода мысли у нихъ была въ разныхъ сферахъ. У К. Н. не было теософическихъ и теократическихъ исканій. Онъ боялся религіознаго творчества, какъ помѣхи и опасности для своего спасенія, онъ не ощущалъ въ себѣ пророческаго призванія. Онъ и Досто-

евскому совѣтывалъ учиться, а не учить.. Но Вл.Сол овьеву онъ довѣрялъ больше, чѣмъ Достоевскому, и старался учиться у него. Онъ возражаетъ Вл. Соловьеву всегда очень робко, скромно и не вполнѣ увѣренно. Такъ, робки и неубѣренны всѣ его возраженія о папѣ и соединеніи церквей. Ему мѣшаютъ возражать рѣшительно его собственныя симпатіи. Ему нравится религіозный фанатизмъ католиковъ, ихъ крѣпость и активность въ отношеніи къ своей вѣрѣ. Католики «и намъ могутъ служить добрымъ примѣромъ». Онъ считаетъ «католиковъ очень полезными не только для всей Европы, *но и для Россіи*». Онъ сочувствуетъ соединенію Церквей и находитъ проповѣдь Вл. Соловьева полезной. «Она полезна двояко: во-первыхъ, *общехристіанскимъ мистицизмомъ* своимъ; во-вторыхъ, той *потребностью ясной дисциплины* духовной, которая видна всюду въ его возвышенныхъ трудахъ». Противъ крайности нигилизма нужны другія крайности — религіи и мистицизма, а не буржуазная этика. Въ католичествѣ по Леонтьеву есть огромная сила для противодѣйствія нигилизму и революціонному разрушенію, большая, чѣмъ въ православіи. «Когда рѣчь идетъ *о развитіи, о своеобразіи, о творчествѣ культурно-религіозномъ, я не могу не видѣть*, что послѣ раздѣленія Церквей православіе въ Византіи остановилось, а въ Россіи (и вообще въ славянствѣ) было принято оттуда *безъ измѣненія*, т. е. безъ *творчества*. А европейская культура именно послѣ этого раздѣленія и начала *выдѣляться* изъ обще-византійской цивилизаціи. Въ исторіи католичества, что ни шагъ *то творчество*, своеобразіе, независимость, сила». Эти

справедливыя слова К. Н. должны ужасно звучать для славянофиловъ и нашихъ церковныхъ націоналистовъ, они показываютъ, какъ онъ былъ далекъ отъ нихъ. «Всѣ мы (и я прежде всѣхъ!) безсильны, пишетъ онъ Александрову, и нѣтъ у Православія истинно хорошихъ защитниковъ... Неужели же нѣтъ никакихъ надеждъ на долгое и глубокое возрожденіе Истины и Вѣры въ несчастной (и подлой!) Россіи нашей?... Возражать по многимъ и важнымъ причинамъ, не могу. Перетерлись, видно, «струны» мои отъ долготерпѣнія — и безъ *своевременной* поддержки... Хочу поднять крылья — и не могу. *Духъ* отошелъ!» Это пишетъ онъ послѣ того, какъ порвалъ съ Вл. Соловьевымъ и призналъ нужнымъ бороться съ нимъ. Но могъ ли онъ бороться съ Соловьевымъ, имѣя такія настроенія по вопросамъ церковнымъ и національнымъ? К. Н. оставлялъ за собой свободу мысли и мнѣнія въ богословскихъ вопросахъ, возможную и при подчиненіи жизни своей старцу. Онъ не считалъ возможнымъ ограничить жизнь Церкви однимъ охраненіемъ извѣстнаго, испытаннаго и общепризнаннаго. «Міряне могутъ и должны мыслить и писать о *новыхъ* вопросахъ». Для христіанина нужна простота сердца, а не простота ума. «Что за ничтожная была бы вещь эта «религія», если бы она рѣшительно не могла устоять противъ образованности и развитости ума!» Но самъ К. Н. не могъ уже воспользоваться желанной свободой религіозной и богословской мысли. Ужасъ гибели, жажда спасенія подрѣзали его крылья, ослабляли его творческое дерзновеніе. «*Мнѣ самому*, тоже по Высшей Волѣ, душеспасительнѣе теперь замолчать и покориться». Въ послѣдній

періодъ своей жизни онъ уже пишетъ не такъ ярко, остро и смѣло, какъ писалъ раньше. К. Н. такъ до конца и не могъ «упростить себя умственно». «Я связанъ съ міромъ я имѣю дурную привычку писать, имѣю великое несчастье быть русскимъ литераторомъ». Въ письмѣ къ о. І. Фуделю К. Н. возвращается къ темѣ о простотѣ и сложности ума и рѣшительно защищаетъ сложность ума. Часто возвращается онъ также къ безпокойному для него вопросу о Вл. Соловьевѣ. Отъ Соловьева, по его мнѣнію, останется «идея развитія Церкви». Слѣдъ отъ него будетъ великій. «Я не скрою отъ васъ моей «немощи», пишетъ К. Н. о. Фуделю, мнѣ *лично* папская непогрѣшимость *ужасно* нравится. «Старецъ старцевъ». Я, будучи въ Римѣ, не задумался бы у Льва XIII туфлю поцѣловать, не только что руку... Римскій католицизмъ нравится и моимъ искренно-деспотическимъ вкусамъ, и моей наклонности къ духовному послушанію, и по многимъ еще другимъ причинамъ привлекаетъ мое сердце и умъ».

Очень интересны отношенія между К. Леонтьевымъ и о. Климентомъ Зедергольмомъ и споры ихъ. О. Климентъ Зедергольмъ не былъ по типу своему старцемъ, не былъ духовнымъ водителемъ. И К. Н. любилъ спорить съ о. Климентомъ Зедергольмомъ, любилъ открывать передъ нимъ всю сложность своей природы и своего ума. Это было не только духовное, но и свѣтское, культурное общеніе. К. Н. хотѣлъ бы, чтобы въ средѣ духовенства нашего «было побольше людей, подобныхъ Клименту, свѣтски образованныхъ и по мірски-ученыхъ, но по волѣ и убѣжденію склонившихся передъ строгимъ

императивомъ церковнаго ученія». Въ бесѣдахъ съ о. Климентомъ К. Н. нерѣдко предстаетъ, какъ человѣкъ Возрожденія, старый язычникъ и эстетъ, съ безконечно сложными потребностями, съ требованіемъ полярныхъ противоположностей. О. Климентъ говоритъ, что діаволъ пользуется эстетическими наклонностями К. Н. , его любовью къ поэзіи жизни. Онъ хочетъ смирить умъ К. Н., внушить ему боязнь даже невинныхъ сочувствій еретичеству. Но К. Н. не отказался ни отъ сложности своего ума, ни отъ своихъ эстетическихъ наклонностей. Духовный переворотъ 71 г. не измѣнилъ К. Н. окончательно; въ немъ до конца осталась его противорѣчивая, сложная, плѣненная земной красотой, природа. О. Климентъ требуетъ, чтобы К. Н. «чувствовалъ духовное омерзеніе ко всему, что не православіе». На это К. Н. восклицаетъ: «Зачѣмъ я буду чувствовать это омерзеніе? Нѣтъ! Для меня это невозможно... Я Коранъ читаю съ удовольствіемъ... Коранъ — мерзость! сказалъ Климентъ отвращаясь... А для меня это прекрасная лирическая поэма. И я на вашу точку зрѣнія не стану никогда. Я не понимаю этой односторонности, и вы просто за меня опасаетесь.. Іезуитъ мнѣ нравится больше равнодушнаго попа, которому хоть трава не расти и который не перекрестится, пока громъ не грянетъ». Въ другой разъ К. Н. говоритъ о. Клименту и очень пугаетъ его: «Вы видите, я подчиняюсь всему: умъ мой упростить не могу. Я даю ему волю наслаждаться мыслями; это можетъ, конечно, отнимать время, но колебаній въ основахъ вѣры не причиняетъ никакихъ. Я скажу вамъ одинъ примѣръ. У меня дома есть *философскій лексиконъ*

Вольтера. Однажды я прочелъ тамъ статью о пророкѣ Давидѣ. Вольтеръ доказываетъ, что въ теперешнее время его признали бы достойнымъ галеръ и больше ничего.... въ этомъ родѣ что-то... я очень смѣялся... *Я люблю силу ума; но я не вѣрю въ безошибочность разума*... И потому у меня одно не мѣшаетъ другому. Я точно такъ же черезъ полчаса послѣ чтенія этой статьи Вольтера, какъ прежде, могъ искренно молиться по Псалтырю Давида... Я вѣдь и крещусь и въ церковь хожу, и все стараюсь исполнять такъ же какъ любая изъ этихъ нищихъ старухъ, которыя собираются изъ Козельска у вашихъ скитскихъ воротъ. Поэтому предоставьте мнѣ бояться за все христіанство и за весь міръ, когда я вижу, какъ глубоко потрясенъ католицизмъ, самый могучій, самый выразительный изъ охранительныхъ оплотовъ общественнаго зданія. Дайте мнѣ свободу жалѣть обо всѣхъ этихъ разнообразныхъ монахахъ съ капюшонами и въ широкихъ шляпахъ, о пышныхъ процессіяхъ, о красныхъ кардиналахъ. Высшая поэзія и высшая политика связаны глубже между собой, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Отходитъ поэзія, отходитъ и государственная сила, отходитъ даже и глубина мысли. Не вы ли сами недавно съ завистью говорили мнѣ, что у западныхъ народовъ все болѣе глубоко и выразительно. *Всѣ трещины съ углубленіемъ*». Это необыкновенно характерное для К. Леонтьева мѣсто. Такъ можетъ говорить только баринъ, аристократъ. Демократическій складъ религіозности не допускаетъ этой игры ума, этой любви къ противоположностямъ, этой свободы, этого смѣшенія Псалмовъ Давида съ Вольтеромъ. Это

барство, этотъ аристократизмъ сильно чувствуется въ окраскѣ религіозныхъ переживаній К. Н. «Что за скука. Съ какой я стати буду насильственно братъ какому-нибудь нѣмецкому или французскому демократу, котораго даже портретъ въ иллюстраціи раздражаетъ меня? Если я *христіанинъ*, то я заставлю замолчать эту свою *художественную* брезгливость... А если я *не* христіанинъ? Тогда меня можетъ заставить замолчать только одинъ страхъ передъ толпой людей менѣе меня развитыхъ». Братство во Христѣ для него не есть братство равныхъ. К. Н. находить, что дворянство болѣе способно къ творчеству, чѣмъ духовное сословіе. «Не могу освободиться оть досады *на грубость чувствъ и манеръ* во многихъ духовныхъ лицахъ нашихъ». Онъ выражаетъ желаніе, чтобы въ монастыряхъ было побольше дворянъ и чтобы они внесли туда «свою благовоспитанность, свои тонкія и сильныя чувства, свое изящество, свою *житейскую* поэзію«. «И на небѣ нѣтъ и не будетъ равенства ни въ наградахъ, ни въ наказаніяхъ, — и на землѣ *всеобщая равноправная свобода есть ничто иное, какъ уготовленіе пути антихристу* (курсивъ мой Н. Б.)». До конца демонически-эстетическое начало сохраняло для К. Н. свою великую цѣнность. Любовь къ контрастамъ такъ велика въ немъ, что съ Аѳона онъ пишетъ: «На столѣ моемъ рядомъ лежатъ Прудонъ и Пророкъ Давидъ, Байронъ и Златоустъ; Іоаннъ Дамаскинъ и Гете; Хомяковъ и Герценъ. Здѣсь я покойнѣе, чѣмъ былъ въ міру; здѣсь я и міръ люблю, какъ далекую и безвредную картину». Ему нужно, чтобы «жизнь была пышна, была богата и разнообразна борьбою силъ бо-

жественныхъ (религіозныхъ) съ силами страстно-эстетическими (демоническими)». Онъ даже не хочетъ полнаго устраненія сатанинскихъ силъ, онѣ нужны для *разнообразія*. Сначала онъ стремился главнымъ образомъ къ *разнообразію*, послѣ религіознаго переворота онъ сталъ стремиться и къ *единому*. Но разнообразіе должно сохраниться. Онъ пишетъ Розанову: «И христіанская проповѣдь, и прогрессъ европейскій совокупными усиліями стремятся убить эстетику жизни на землѣ, т. е. самую жизнь... Что же дѣлать? Христіанству должны мы помогать даже въ ущербъ любимой нами эстетики». Въ словахъ этихъ чувствуется надрывъ. К. Леонтьевъ говоритъ о христіанствѣ почти такъ, какъ говоритъ Нитцше, какъ впослѣдствіи говорилъ Розановъ. Отъ эстетики жизни онъ до конца не отказался, онъ остался дуалистомъ и совмѣщалъ противоположныя начала. Больше всего К. Н. пугалъ о. Климента своими католическими симпатіями. Онъ прямо говоритъ о своемъ пристрастіи къ католичеству въ «культурно-политическомъ» отношеніи. Сначала К. Н. не понималъ, почему ему такъ трудно было сговориться съ о. Климентомъ о католичествѣ. Наконецъ онъ понялъ. «Разница между нами была большая. Я никакъ не могу забыть ту исполинскую культурную борьбу яснаго и выработаннаго стараго съ неопредѣленнымъ и неяснымъ новымъ, которая ведется теперь по всему земному шару; онъ ни на минуту не хотѣлъ вполнѣ оставить заботу о спасеніи души, не только своей собственной, но и ближняго. Я, защищая нѣкоторыя стороны папства, думалъ *о судьбахъ Европы, столь сильно, къ несчастію, вліяющей и на Россію*, онъ,

тревожно и настойчиво возражая мнѣ, думалъ *о моей душѣ*. Онъ боялся даже этой искры сочувствія папизму». Это очень характерно не только для К. Н. , но и для направленія оптинскихъ старцевъ, для нашего монашескаго православія. Религіозность самого К. Н. была оптинская, монашеская, аскетическая, но у него была и другая сторона. Онъ не былъ равнодушенъ къ историческимъ судьбамъ. И онъ хотѣлъ, чтобы русское духовенство, слишкомъ пассивное и думающее лишь о спасеніи индивидуальныхъ душъ, болѣе походило на католическое. Но Леонтьевъ въ отличіе отъ Соловьева никогда не могъ усвоить себѣ христіанскаго отношенія къ исторіи. Его и въ католичествѣ плѣняло совсѣмъ не то, что Соловьева, плѣняла лишь эстетика и властная политика.

IV.

Потрясенный въ моментъ религіознаго перелома ужасомъ вѣчной гибели и движимый страстной жаждой личнаго спасенія, К. Леонтьевъ долженъ былъ пріити къ старчеству и въ немъ искать духовнаго водительства. По душевному типу своему онъ не могъ найти избавленія въ глубинѣ самого себя. Онъ не принадлежалъ къ тѣмъ благодатнымъ людямъ, которые раскрываютъ въ себѣ Христа и живутъ въ глубинѣ созерцаніемъ божественныхъ тайнъ, которые знаютъ радость непосредственнаго богообщенія. К. Н. ищетъ избавленія отъ своей собственной демонической природы, ищетъ

спасенія внѣ себя, жаждетъ освобожденія отъ себя, отъ своей воли, онъ позналъ гибель отъ себя. Сразу же послѣ переворота К. Н. хочетъ отдать свою волю старцу и для этого отправляется на Аѳонъ. Тамъ въ то время находились старцы Макарій и Іеронимъ. Но настоящая жизнь подъ водительствомъ старцевъ для него еще не наступила. Окончательное духовное успокоеніе онъ находитъ лишь въ Оптиной Пустынѣ, у старца Амвросія. Послѣ того какъ о. Амвросій сдѣлался его духовнымъ руководителемъ, онъ чувствуетъ себя у пристани. Въ письмѣ съ Аѳона онъ пишетъ: «Знаешь ли ты, что за наслажденіе отдать всѣ свои познанія, свою образованность, свое самолюбіе, свою гордую раздражительность въ распоряженіе какому-нибудь простому, но опытному и честному старцу? Знаешь ли сколько *христіанской воли* нужно, чтобы убить въ себѣ *другую волю*, свѣтскую волю?» Вотъ что говоритъ онъ о необходимости старчества въ книгѣ «Отецъ Климентъ Зедергольмъ»: «Отпущеніе грѣховъ на исповѣди мнѣ недостаточно; меня это не успокаиваетъ; я не довѣряю вполнѣ и постоянно по долгу христіанскаго смиренія, свидѣтельству одной моей совѣсти, ибо это свидѣтельство прежде всего основано на гордости личнаго разума; поэтому въ трудныхъ случаяхъ моей жизни, гдѣ я безпрестанно поставленъ между грѣхомъ и скорбью, я хочу обращаться съ вѣрой къ человѣку безпристрастному и по возможности удаленному отъ нашихъ мірскихъ волненій, хотя и понимающему ихъ прекрасно. Я вѣрю не въ то , чтобы духовникъ или старецъ этотъ былъ безгрѣшенъ, ни даже, что онъ умомъ своимъ непогрѣшимъ. Нѣтъ! я съ теплою

вѣрой въ Бога и въ Церковь и, конечно, съ личнымъ довѣріемъ къ этому человѣку за его хорошую жизнь, прихожу къ нему и что бы онъ мнѣ не отвѣтилъ на откровеніе моихъ тайнъ, даже помысловъ, я приму покорно и постараюсь исполнить. А при этомъ я, вѣрующій мірянинъ, могу быть лично и очень уменъ, и чрезвычайно развитъ, и въ житейскихъ дѣлахъ гораздо даже опытнѣе этого старца». К. Н. такъ далеко заходилъ въ отданіи своей воли старцу, что однажды сказалъ женѣ Астафьева: «вы знаете, до чего я покоряюсь старцу? Вотъ если онъ мнѣ прикажетъ васъ убить, то я нисколько не задумаюсь». По поводу отношенія оптинскихъ старцевъ къ его литературной дѣятельности К. Н. пишетъ Губастову: «Они очень расположены ко мнѣ и, изучивши, какъ характеръ мой, такъ и мои обстоятельства, находятъ, что мнѣ еще надо продолжать заниматься литературой». Поэтому жизнь его въ Оптиной Пустынѣ была очень плодотворной въ литературномъ отношеніи. Въ старчествѣ строгость соединяется съ большой снисходительностью и легкостью. Это долженъ знать всякій побывавшій у старца. Водительство о. Амвросія распространялось не только на духовную жизнь К. Н., но и на матеріальную его жизнь. Такъ, когда К. Н. предложили въ Петербургѣ работу въ большой газетѣ, о. Амвросій «отказываться не благословилъ, а велѣлъ потребовать больше денегъ и удобствъ». Это очень характерно. Близко зная старчество и изучивъ духъ Оптиной Пустыни, К. Н. рѣшительно утверждаетъ, что образъ Зосимы ничего общаго не имѣетъ съ подлиннымъ старчествомъ. «Когда Достоевскій напечаталъ свои надежды

на *земное торжество христіанства* въ братьяхъ Карамазовыхъ, то оптинскіе іеромонахи, *смѣясь*, спрашивали другъ друга: «Ужъ не вы ли, отецъ такой-то, *такъ думаете*». *Духовная же цензура* наша прямо запретила особое изданіе *ученія от. Зосимы;* и нашей было предписано сдѣлать то же («Ибо, сказано было, это можетъ подать поводъ къ новой ереси»). Въ *новые пути* К. Н. не вѣритъ: «Какіе же это могутъ быть новые пути? Для меня никакихъ нѣтъ, кромѣ догматическаго и аскетическаго Православія, *устоявшаго противъ науки и прогресса*». Этому научили его старцы. И все-таки его безпокоитъ судьба Оптиной Пустыни и онъ чувствуетъ чуждость большей части тамошнихъ монаховъ. Для Оптиной въ наше время нуженъ игуменъ образованный; а такого человѣка между оптинскими іеромонахами нѣтъ. Есть дѣловые, добрые, практически умные; но всѣ, за исключеніемъ скитоначальника отца Анатолія, *купцы* по роду и духу. И посмотрите, что именно от. Анатолія — то они и не выберутъ. Не выберутъ потому, что слишкомъ *идеаленъ*; а они, эти старшіе здѣсь, хоть и честные, искренніе монахи въ своей спеціальной сферѣ, но въ дѣлѣ управленія помѣшаны на хозяйствѣ; а о томъ, какую историческую великую роль играетъ въ XIX вѣкѣ въ Россіи Оптина Пустынь и какъ важно *для мірянъ ея вліяніе*, они мало думаютъ. Они всѣ не ясно понимаютъ, что кругомъ ихъ на свѣтѣ дѣлается; а живутъ мыслію все по «старинной простотѣ». К. Н. былъ несоизмѣримо сложнѣе Оптинскаго монашества. И связанъ съ нимъ онъ былъ исключительно черезъ о. Амвросія. Тревожная проблема отношеній путей спасенія

и путей творчества оптинскимъ монашествомъ не разрѣшалась и въ сознаніе ихъ не ставилась. Она не разрѣшима въ православіи Леонтьевскаго типа, хотя вся жизнь самаго Леонтьева было мукой объ этой проблемѣ.

У К. Леонтьева не было исканія Царства Божьяго, не было теократической идеи. Не въ этомъ была религіозная тема его жизни. Эстетика и привязывала его къ землѣ и отталкивала отъ земного торжества Христовой правды. У него было внутреннее противорѣчіе въ отношеніи къ будущему: благо на землѣ невозможно, потому что предсказано торжество зла; но это благо и было бы самымъ большимъ зломъ и уродствомъ. Онъ не только не вѣритъ въ возможность христіанской общественности, какъ царства правды и блаженства, но и не хочетъ ее. Такую христіанскую общественность онъ подозрѣваетъ въ сочувствіи гуманизму, либерально-эгалитарному прогрессу. Онъ не хочетъ видѣть въ пророчествахъ Достоевскаго ничего апокалиптическаго. Онъ и отъ своего любимаго Вл. Соловьева отвернулся, когда почувствовалъ въ немъ смѣшеніе христіанства съ гуманизмомъ и прогрессомъ. Онъ мало молился о пришествіи Царства Божьяго. Онъ боялся исчезновенія контраста, разнообразія, полярности. Подъ конецъ въ немъ самомъ появились апокалиптическія настроенія, но онѣ носили совсѣмъ другой характеръ. Вѣра въ земной прогрессъ у него рухнула раньше, чѣмъ у Вл. Соловьева. «Братство *по возможности* и гуманность дѣйствительно рекомендуются св. Писаніемъ Новаго Завѣта для *загробнаго спасенія личной души;* но въ св. Писаніи *нигдѣ*

не сказано, что люди дойдутъ посредствомъ этой гуманности до мира и благоденствія. Христосъ намъ этого не обѣщалъ». И онъ зналъ «міровую тоску», но его возмущало, что ее сводятъ на «гражданское недовольство». Онъ подозрѣваетъ это «гражданское недовольство» за стремленіемъ къ христіанской общественности.

V.

Предчувствія наступленія конца міра и явленія антихриста связаны были у К. Леонтьева съ его отношеніемъ къ либерально-эгалитарному прогрессу. Упростительное смѣшеніе, ставшее всеобщимъ, и есть начало конца, смерть міра. Въ послѣднихъ плодахъ гуманизма, — въ демократіи, въ соціализмѣ, въ анархизмѣ дѣйствуетъ антихристовь духъ. К. Н. предчувствовалъ міровую революцію, въ которой погибнутъ всѣ святыни и цѣнности благороднаго стараго міра, и связывалъ эту міровую революцію съ дѣйствіемъ антихристова духа. «*Окончательное* слово можетъ быть одно: *конецъ всему на землѣ! Прекращеніе исторіи и жизни*». «Послѣднія времена, пишетъ онъ Александрову, по всѣмъ признакамъ близки». Въ письмѣ къ Губастову онъ говоритъ: «Царство антихриста во всякомъ случаѣ близко и въ духовномъ смыслѣ избранныхъ все будетъ меньше и меньше». Иногда онъ надѣется, что послѣ того какъ человѣчествомъ будетъ испытана «горечь соціалистическаго устройства», въ немъ начнется глубокая духовная, религіозная реакція, и тогда въ самой наукѣ явится

«сознаніе своего практическаго безсилія, мужественное покаяніе и смиреніе передъ могуществомъ и правотой сердечной мистики и вѣры». Но надежда эта не была велика, она еле теплилась и подъ конецъ совсѣмъ исчезла. Чѣмъ отличаются апокалиптическія настроенія и предчувствія конца К. Леонтьева отъ настроеній и переживаній Достоевскаго и Вл. Соловьева? Они болѣе мрачны, въ нихъ нѣтъ никакихъ хиліастическихъ надеждъ. Но наиболѣе характерно для К. Н. то, что онъ *натурализируетъ* конецъ міра. Близкій конецъ человѣчества былъ для него неотвратимой естественной смертью. Приближеніе конца, смерти онъ прежде всего позналъ, какъ натуралистъ и ощутилъ, какъ эстетъ. Это свое познаніе и ощущеніе онъ потомъ санкціонировалъ религіозно, согласовалъ съ христіанскимъ пророчествомъ. Но натуралистическая печать осталась на его апокалиптическомъ сознаніи. Онъ никогда не раскрывалъ мистической эсхатологіи, не умѣлъ найти мистическаго выраженія для своихъ предчувствій и прозрѣній. Но онъ острѣе и яснѣе другихъ почувствовалъ антихристову природу революціоннаго гуманизма съ его истребляющей жаждой равенства. «Для *задержанія* народовъ на пути антихристіанскаго прогресса, для удаленія срока пришествія антихриста (т. е. того могущественнаго человѣка, который возьметъ въ свои руки все противохристіанское, противо-церковное движеніе) *необходима сильная царская власть*». Но это задерживающее средство не оказалось достаточно сильнымъ и дѣйствительнымъ, скорѣе наоборотъ. Необходимы и *творческія* средства, которыхъ К. Н. не могъ изобрѣ-

сти. Антихристовъ духъ нельзя побѣдить реакціей, его можно побѣдить лишь религіознымъ творчествомъ. Леонтьевъ возлагалъ надежды исключительно на «подмораживаніе». У самого К. Н. были діавольскіе соблазны, связанные съ прошлымъ, но не было антихристовыхъ соблазновъ, связанныхъ съ будущимъ. Онъ не смѣшивалъ христіанство съ гуманизмомъ, съ филантропіей, съ демократіей, съ соціализмомъ. И это имѣло серьезное значеніе въ нашу эпоху смѣшеній и подмѣнъ.

К. Н. мучило не только предчувствіе міровой смерти, но и предчувствіе личной смерти. Особенно мучительное предчувствіе было у него при переходѣ къ 90-ымъ годамъ. Онъ принимаетъ тайный постригъ частью отъ предчувствія близкой смерти, частью для того, чтобы создать въ своей жизни крупный переворотъ и этимъ оправдать свое предчувствіе крупнаго событія всей жизни. «Если не смерть близится, пишетъ онъ Александрову, то надо ждать какой-то новой, *тяжелой и значительной* въ моей жизни перемѣны. Уже признаки *начала конца* и обнаружились одинъ за другимъ». У него было могущественное жизненное противленіе смерти. Передъ смертью, мечась въ жару, въ полу-сознаніи, въ полу-бреду, по разсказу Вари, онъ то и дѣло повторяетъ: «Еще поборемся!» и потомъ: «Нѣтъ, надо покориться!» и опять: «Еще поборемся!» и снова: «надо покориться!» Монахъ-аскетъ — К. Н. любилъ жизнь, былъ влюбленъ въ ея пышное цвѣтеніе. И ему трудно было примириться со смертью. Эта непримиренность чувствуется въ безконечно печальныхъ словахъ, въ которыхъ онъ описываетъ впечатлѣніе отъ могилы о. Климента Зедергольма и которыми онъ

кончаетъ книгу о немъ: «Вечеромъ на Распятіи горитъ лампадка въ красномъ фонарѣ, и откуда бы я ни возвращался въ поздній часъ, я издали вижу этотъ свѣтъ въ темнотѣ и знаю, *что такое тамъ, около этого пунцоваго сіяющаго пятна*... Иногда оно кажется кроткимъ, но за то иногда нестерпимо страшнымъ во мракѣ посреди снѣговъ!... Страшно за себя, страшно за близкихъ, страшно особенно за родину, когда вспомнишь, какъ мало въ ней такихъ людей, и какъ рано они умираютъ, не свершивъ и половины возможнаго». Религіозный путь К. Н. не освобождалъ его отъ страха. Благодатной примиренности не наступило. Религіозная судьба К. Н. — трагическая и страдальческая. Религіозная проблема его жизни не разрѣшима тѣми средствами, которыми онъ хотѣлъ ее разрѣшить. Онъ былъ мученикомъ переходной религіозной эпохи. Всей судьбой своей онъ даетъ матеріалъ для рѣшенія религіозно-философскихъ проблемъ, но самъ онъ не рѣшаетъ этихъ проблемъ. Онъ многое почувствовалъ раньше другихъ. Этотъ «реакціонеръ» былъ очень чутокъ къ подземнымъ гуламъ надвигающагося грядущаго. Но сознаніе его было подавлено страшными кошмарами.

Былъ ли К. Леонтьевъ мистикомъ? Я думаю, что нѣтъ, если употреблять слово это въ строгомъ смыслѣ. Во времена К. Н. не стояла еще ясно передъ сознаніемъ проблема мистики, какъ особой сферы духовной жизни. Слово «мистическій» употреблялось въ смыслѣ почти тождественномъ со словомъ «религіозный». Самъ К. Н. часто употребляетъ эпитетъ «мистическій» и связываетъ съ нимъ для себя что-то цѣнное и положительное. Но

ничего специфическаго онъ съ этимъ словомъ не связываетъ, оно было для него тождественно со словомъ «религіозный» и противополагалось раціонализму, матеріализму и т. д. Путь самого К. Н. не былъ мистическимъ путемъ. Онъ совершенно не былъ начитанъ въ мистической литературѣ, и нѣтъ никакихъ свидѣтельствъ о томъ, чтобы онъ прибѣгалъ къ мистической практикѣ, какъ особаго качества духовному пути. Онъ никогда не говоритъ о возможности мистическихъ созерцаній иныхъ міровъ. Для этого сознаніе его было слишкомъ трансцендентнымъ. Онъ не переживалъ въ глубинѣ близости Бога и человѣка, Бога и міра. Онъ всегда испытывалъ ужасъ тварности. Но мистика въ болѣе точномъ и опредѣленномъ смыслѣ слова всегда есть имманентность Бога человѣческому духу. Мистика — глубоко сокровенна, она всегда есть достояніе внутренняго человѣка. Состоянія, которыя переживалъ К. Н., могутъ быть названы исключительно трансцендентно-религіозными, а не имманентно-мистическими. Самая религіозность его имѣетъ ветхозавѣтную окраску. Но элементы ветхозавѣтные въ христіанствѣ — наименѣе мистическія. К. Н. — религіозная натура, и религіозность его страстная и напряженная, но онъ не былъ мистически одаренъ. Въ жизни К. Н. мы не видимъ мистическихъ явленій. Его религіозная жизнь — трагична, но открыта и ясна во всѣхъ своихъ страстныхъ противорѣчіяхъ. Онъ очень отличался отъ Вл. Соловьева, который былъ мистически одаренъ, но, можетъ быть, менѣе страстно религіозенъ. К. Н. считалъ полезнымъ всякій мистицизмъ, но самъ мистическимъ путемъ онъ

не идетъ. Онъ былъ слишкомъ эстетомъ, чтобы быть мистикомъ. Онъ созерцаетъ красоту міра, но не созерцаетъ божественныхъ тайнъ міра. Къ міру онъ можетъ подходить исключительно натуралистически и эстетически. Въ религіозныхъ путяхъ своего спасенія онъ исключительно уходитъ отъ міра, бѣжитъ отъ міра. Онъ не зналъ мистическаго преодолѣнія дуализма въ божественномъ единствѣ. Онъ не умѣлъ религіозно вернуться въ міръ. Онъ не хотѣлъ понять, что какъ-бы ни были пессимистичны наши предчувствія будущаго, всѣ *силы нашего духа* должны быть направлены на осуществленіе Царства Божьяго въ мірѣ, правды Божьей въ жизни.

Въ заключеніе нужно сказать, въ чемъ была сильная и положительная сторона К. Леонтьева и въ чемъ слабая и отрицательная его сторона. К. Н. былъ благороднымъ аристократическимъ мыслителемъ, защищавшимъ неравенство и іерархическій строй во имя высшихъ качествъ культуры и красоты жизни, а не во имя какихъ-либо своекорыстныхъ интересовъ. Съ практическими реакціонерами онъ имѣлъ мало общаго и совсѣмъ для нихъ не нуженъ. Въ жаждѣ равенства, охватившей міръ, онъ почуялъ и пытался раскрыть духъ антихриста, духъ смерти и небытія. Въ этихъ мысляхъ своихъ онъ остался одинокъ. Восприняли его внѣшнюю «реакціонность», но не восприняли его прозрѣній будущаго. Онъ задолго до Шпенглера понялъ роковой переходъ «культуры» въ «цивилизацію». Не только писаніями своими, но и всей жизнью своей и всей судьбой своей онъ остро ставитъ вопросъ объ отношеніи христіанства къ міру, къ исторіи,

къ культурѣ. Но онъ не рѣшилъ этихъ вопросовъ, онъ остался въ трагическомъ дуализмѣ, язычество и христіанство осталось въ немъ раздѣльными, но сосуществующими. Въ самомъ язычествѣ К. Н. было много непреодоленнаго еще позитивизма. Въ чемъ была причина его религіозной неудачи? Онъ отрицалъ гуманизмъ и въ этомъ была своя правда. Но онъ также отрицалъ человѣка, религіозно отрицалъ, и въ этомъ былъ его провалъ. Для него христіанство не было религіей Бога-Человѣка и Бого-человѣчества. У него былъ монофизитскій уклонъ. Онъ бѣжалъ отъ человѣка, какъ отъ грѣха и соблазна, отъ человѣка въ себѣ. Онъ хотѣлъ истребить въ себѣ человѣческое и потому человѣческое осталось въ немъ, какъ его исконное язычество, противящееся христіанству. Вотъ почему не могъ онъ вступить на путь религіознаго творчества. Но однимъ охраненіемъ нельзя остановить процессъ міровогo разложенія. Лжи вырождающагося гуманизма должно быть противопоставлено положительное религіозное откровеніе о чедовѣкѣ. Религіозная трагедія К. Леонтьева насъ этому научаетъ. Дѣлать программу изъ «реакціонности» К. Леонтьева въ наши дни вредно и не умно. К. Леонтьевъ не годенъ для общагo употребленія. Онъ не можетъ быть «демократизированъ» во имя «правыхъ» интересовъ. Въ мірѣ долженъ происходить не только процессъ разложенія и умиранія, но и процессъ религіозно-творческій. «Аѳонское», «филаретовское», «оптинское» православіе не разрѣшило религіозной драмы К. Леонтьева. Въ религіозномъ сознаніи К. Н. не было отвѣта на религіозную проблему космоса

и человѣка. Онъ искалъ личнаго спасенія, но не искалъ Царства Божьяго.

К. Леонтьевъ остается живымъ и для нашего времени, для нашей религіозной и соціальной мысли. Онъ живетъ въ современныхъ религіозно-философскихъ теченіяхъ. Онъ дѣйствуетъ въ высшей степени возбуждающе на мысль, даетъ духовные импульсы. К. Леонтьевъ не можетъ и не долженъ быть учителемъ, но онъ — одно изъ самыхъ благородныхъ и волнующихъ явленій въ русской духовной жизни.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Подробная библіографія о К. Леонтьевѣ составлена А. Коноплянцевымъ и ее можно найти въ сборникѣ «Памяти Константина Николаевича Леонтьева» С. Петербургъ. 1911 г. А Коноплянцевъ приводитъ, какъ полный перечень написаннаго Леонтьевымъ, такъ и статей о немъ, въ которыхъ Леонтьеву посвящено хотя бы нѣсколько строкъ. Я укажу только самое основное и существенное, не претендуя на полноту. Основнымъ источникомъ является *девять* томовъ «*Собраніе сочиненій К. Леонтьева*». Должно быть было *двѣнадцать* томовъ, но три тома, въ которыхъ должна была быть собрана переписка, не вышли. Изъ произведеній самого Леонтьева, не вошедшихъ въ собраніе сочиненій и изданныхъ отдѣльно, большое значеніе имѣютъ: »*Отецъ Климентъ Зедергольмъ. Іеромонахъ Оптиной Пустыни*». *1908 г.* «*Отшельничество, монастырь и міръ*». Ихъ сущность и взаимная связь (четыре письма съ Аѳона)». Сергіевъ Посадъ. 1913 г. «. *Леонтьевъ о Владимірѣ Соловьевѣ и эстетикѣ жизни* (Два письма къ о. І. Фуделю)». Книгоизд. «Творческая мысль». 1912 г. Центральное значеніе имѣютъ статьи, собранныя въ V, VI, и VII т. подъ названіемъ «Востокъ, Россія и Славянство», раньше изданныя отдѣльно въ двухъ томахъ. Очень важны для характеристики Леонтьева его письма. Письма полностью еще не собраны и не изданы. Наиболѣе существенны его письма къ Губастову, къ А. Александрову и Розанову. Письма къ Александрову изданы отдѣльной книгой. — «*Анато-*

лій Александровъ. Памяти К. Н. Леонтьева. Письма К. Н. Леонтьева къ Анатолію Александрову». Сергіевъ Посадъ. 1915 г. *Письма къ Губастову напечатаны въ «Русскомъ Обозрѣніи»* (1894 г., кн. 9, 11; 1895 г. кн. 11, 12; 1896 г. кн. 1, 2, 3, 11, 12; 1897 г., кн. 1, 3, 5, 6, 7.) *Письма къ Розанову напечатаны въ «Русскомъ Вѣстникѣ-»* (1903 г., кн. 4, 5, 6). Очень интересно для характеристики религіозной психологіи Леонтьева *«Письмо о вѣрѣ, молитвѣ, о немощахъ духовенства и о самомъ себѣ»*, написанное студенту Московскаго Университета и напечатанное въ *«Богословскомъ Вѣстникѣ»* 1914 г. №2. Въ *«Русской Мысли» (1916 г. Мартъ)* напечатаны *письма Леонтьева къ Замораеву* съ статьей Замораева о Леонтьевѣ. Въ *«Русской Мысли» (1915 г. Сентябрь)* напечатана статья *Леонтьева «Нѣсколько воспоминаній и мыслей о покойномъ Ап. Григорьевѣ»*, которая представляетъ письмо къ Н. Н. Страхову. Изъ литературы о Леонтьевѣ основное значеніе имѣетъ литературный сборникъ *«Памяти Константина Николаевича Леонтьева».* Сборникъ начинается съ біографіи Леонтьева, составленной *А. Коноплянцевымъ.* Біографія написана съ любовью, въ ней приведено много интересныхъ писемъ къ Т. П. Филиппову, Губастову, Розанову и др. и она является основнымъ источникомъ для исторіи жизни Леонтьева. Изъ статей сборника наиболѣе замѣчательна статья *Розанова «Неузнанный феноменъ»*, самая блестящая изъ всего написаннаго о Леонтьевѣ, хотя и односторонняя. Интересъ представляетъ *К. А. Губастовъ «Изъ личныхъ воспоминаній о К. Н. Леонтьевѣ»* съ выдержками изъ писемъ и особенно *Ю. Ю. Карцевъ. Письма К. Н. Леонтьева къ Е. С., О. С. и Ю. С. Карцевымъ, съ вступленіемъ. У А. Коноплянцева* есть еще другой біографическій очеркъ о Леонтьевѣ, напечатанный въ «Русскомъ Біографическомъ Словарѣ». Этотъ сжатый очеркъ даетъ канву жизни Леонтьева и характеристику его міросозерцанія. *Вл. Соловьевъ далъ* статью о Леонтьевѣ въ энциклопед. словарь «Брокгауза и Эфрона», которая вошла въ 9 т. собранія его сочиненій. У В. В. Розанова есть другая интересная статья о Леон-

тьевѣ, вошедшая въ его сборникъ *«Литературные очерки»*. 1889. Онъ соединилъ статью о Данилевскомъ и Леонтьевѣ подъ названіемъ *«Позднія фазы славянофильства»*. Статьи Кн. С. Трубецкого *«Разочарованный славянинофилъ»* («Вѣстникъ Европы» 1893 г., а потомъ въ I. Собраніи сочиненій) и *П. Милюкова «Разложеніе славянофильства»* («Воп. философіи и психологіи» 1893 г., а потомъ въ сборникѣ «Изъ исторіи русской интеллигенціи») представляютъ типически либеральный и малоинтересный подходъ къ Леонтьеву. Особенно статья Кн. С. Трубецкого ниже его самого. Даже статья П. Милюкова представляетъ большій интересъ. Укажу на *свою статью «К. Леонтьевъ — философъ реакціонной романтики»*. («Вопросы Жизни». 1904 г. Іюль, а потомъ въ сборникѣ «Sub specie aeternitatis»), въ которой впервые дѣлается попытка по новому подойти къ Леонтьеву и открыть въ немъ черты родственныя Нитцше. С. *Константинъ Агеевъ* написалъ первую книгу о Леонтьевѣ, — богословскую диссертацію подъ названіемъ *«Христіанство и его отношеніе къ благоустроенію земной жизни. Опытъ критическаго изученія и богословской оцѣнки раскрытаго К. Н. Леонтьевымъ пониманія христіанства»*. Св. К. Агеевъ занятъ главнымъ образомъ своимъ тезисомъ, и его оцѣнка Леонтьева односторонняя и не вполнѣ справедливая, хотя онъ уже болѣе понимаетъ значительность Леонтьева, чѣмъ Кн. С. Трубецкой. Изъ болѣе позднихъ статей укажу на статьи: Б. *Грифцова «Судьба К. Н. Леонтьева»* («Русская Мысль», 1913 г. 1, 2 и 4), А. *Закржевскаго. «Одинокій мыслитель»*. («Христіанская Мысль». 1916 г. Апрѣль и Май), *Волжскаго »Святая Русь и русское призваніе»*. 1915 г.

Брошюра въ значительной степени посвящается Леонтьеву) и С. *Булгакова Побѣдитель-Побѣжденный* (Въ «Биржев. Вѣдомостяхъ» 1916 г., а потомъ въ сборникѣ «Тихія Думы»), которую нужно признать одной изъ лучшихъ статей о Леонтьевѣ, хотя Леонтьевъ ему слишкомъ чуждъ. Очень интересна и важна статья *о. І. Фуделя «К. Леонтьевъ и Вл. Соловьевъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ»* («Русская

Мысль» 1917 г. Ноябрь-декабрь) Благодаря любезности о. І. Фуделя, близкаго лично къ К. Леонтьеву, мнѣ удалось использовать нѣкоторыя ненапечатанныя письма К. Леонтьева . Эти библіографическія указанія составлены мною въ 1918 г.

КЪ ГЛАВѢ I.

Для этой главы наиболѣе важенъ *томъ 9 «Собранія сочиненій»* Леонтьева, посвященный воспоминаніямъ. Первый період жизни Леонтьева ярко обрисованъ имъ самимъ въ воспоминаніяхъ «Мое обращеніе и жизнь на св. Аѳонской горѣ», «Разсказъ моей матери объ Императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ», «Мои дѣла съ Тургеневымъ», «Сдача́ Керчи въ 1855 году», изъ которыхъ взята большая часть моихъ цитатъ въ этой главѣ. Нѣкоторыя цитаты взяты также изъ *I тома*, гдѣ помѣшены романы «Подлипки» и «Въ своемъ краю», представляющіе авто-біографическій интересъ. Источникомъ для этой главы является также *біографія А. Коноплянцева* въ сборникѣ «Памяти Леонтьева». Цитаты Розанова взяты изъ его статьи въ «Литературныхъ очеркахъ» и въ сборникѣ «Памяти Леонтьева».

КЪ ГЛАВѢ II.

Для этой главы важное значеніе имѣетъ *томъ 3 «Собранія сочиненій»* Леонтьева, въ которомъ помѣщенъ «Египетскій голубь», откуда взято много цитатъ. Затѣмъ важное значеніе имѣютъ *воспоминанія К. А. Губастова* (въ сборникѣ «Памяти Леонтьева»), а также *письма къ Губастову и къ Розанову*. Много цитатъ взято также *изъ 5, 7, 8 и тома собранія сочиненій*. Отдѣльныя важныя мѣста нужно искать по всѣмъ девяти томамъ собранія сочиненій, такъ какъ Леонтьевъ пишетъ отрывочно и не концентрировано. Для описанія религіознаго переворота Леонтьева есть важныя мѣста въ

«Письмахъ къ Александрову» и *въ письмѣ къ студенту* , напечатанномъ въ *«Богослов. Вѣстникѣ»* (1914 г. 2). Основная канва дана въ *біографіи Коноплянцева*.

КЪ ГЛАВѢ III.

Для этой главы основнымъ является томъ 5 *«Собранія сочиненій»*, въ которомъ помѣщена главная работа Леонтьева «Византизмъ и Славянство», а также *томъ 6 и 7. Эти три* тома объединены общимъ заглавіемъ *«Востокъ, Россія и Славянство»* и изъ нихъ взята мной большая часть цитатъ для характеристики общественной философіи и философіи исторіи Леонтьева. Для пониманія и характеристики ученія Леонтьева мной также принята во вниманіе книга Н. Я. Данилевскаго *«Россія и Европа»*. Для характеристики ученія Леонтьева объ эстетикѣ жизни основнымъ источникомъ являются *два письма къ о. І. Фуделю*, изданныя отдѣльно подъ названіемъ *«К. Леонтьевъ о Владимірѣ Соловьевѣ и эстетикѣ жизни»*.

КЪ ГЛАВѢ IV.

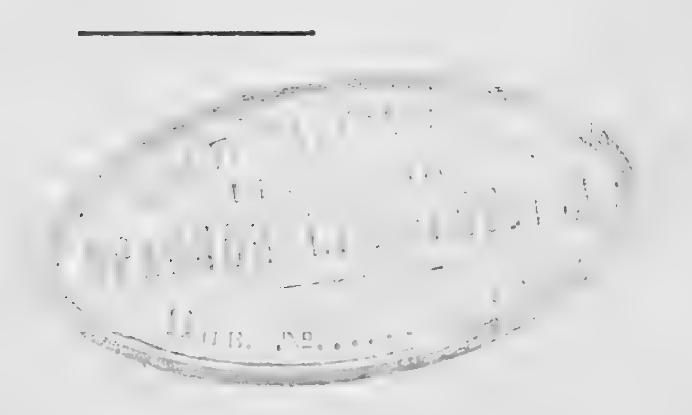
Для этой главы основнымъ источникомъ является *сборникъ «Памяти Леонтьева»*. Въ этомъ сборникѣ, кромѣ *біографіи Коноплянцева* съ приведенными въ ней отрывками писемъ, большой интересъ представляютъ *письма къ Карцевымъ*. Для послѣдняго періода жизни Леонтьева очень важны *«Письма къ А. Александрову»*, изъ которыхъ я беру много цитатъ. Для періода послѣ возвращенія съ Востока важны *письма къ Губастову*. Въ этой главѣ много цитатъ взято изъ *8 тома «Собранія сочиненій»*, гдѣ напечатана *статья «Анализъ, стиль и вѣяніе»*. Для характеристики отношеній Леонтьева къ Вл. Соловьеву основной является статья *о. І. Фуделя «К. Леонтьевъ и Вл. Соловьевъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ»*. («Русская Мысль». 1917 г. (Ноябрь-Декабрь).

КЪ ГЛАВѢ V.

Для этой главы большая часть цитатъ взята изъ *5, 6 и 7 тома «Собранія сочиненій»*. Леонтьева, въ которыхъ сосредоточены его статьи по восточному вопросу и о Россіи. Особенное значеніе имѣетъ статья *«Племенная политика, какъ орудіе всемірной революціи»*, помѣщенная *въ 6 томѣ*. Для характеристики взглядовъ Леонтьева на Россію и русскій народъ въ послѣдній періодъ, когда онъ потерялъ вѣру въ будущее Россіи, важны *«Письма къ Александрову»*.

КЪ ГЛАВѢ VI.

Для этой главы использованы главнымъ образомъ *6, 7, и 8 томъ «Собранія сочиненій»*. Особенно важное значеніе имѣетъ статья *«Наши новые христіане»*, помѣщенная въ 8 томѣ. Очень важны для характеристики религіозныхъ переживаній и идей Леонтьева *«Отшельничество, монастырь и міръ»* (Четыре письма съ Аѳона) и *«Отецъ Климентъ Зедергольмъ. Іеромонахъ Оптиной Пустыни»*. Имѣетъзначеніе для этой главы также *«К. Леонтьевъ о Владимірѣ Соловьевѣ и эстетикѣ жизни»* и *«Письма къ Александрову»*.



Soc. Anon. Impr. de Navarre, 5, rue des Gobelins, Paris.